

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

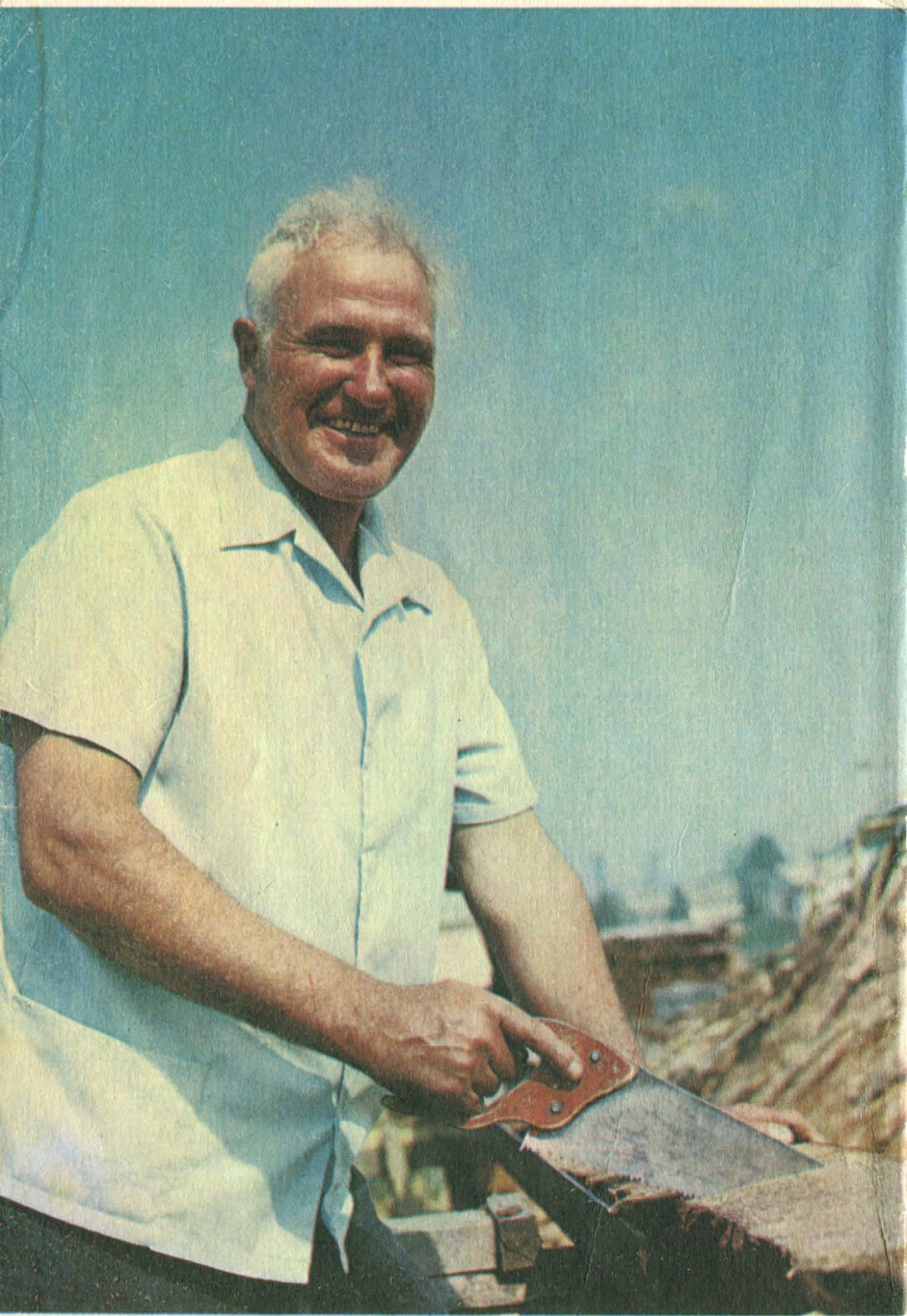
1978

5



ВСЯ ВЛАСТЬ В СССР ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ.

Конституция СССР.



Участник Великой Отечественной войны Николай Дмитриевич Раскопатын ныне совхозный плотник, председатель товарищеского суда (Солецкий район Новгородской области).

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР» МОСКВА

5 (89) МАЙ 1978

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, Н. А. ГАВРИЛОВА, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), А. М. РЕКУНКОВ,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

Беседы о Конституции

В. Малов. Право на отдых	4
Е. Ищенко. Наука и техника на службе правосудия	15

В Министерстве юстиции СССР	22
-----------------------------	----

СОБЕСЕДНИК:

Сверяясь с Основным Законом

Нашей дружбы сила:

А. Гриневская. Вкус яблока	25
А. Петрова. Друг познается в беде	29
И. Сергеева. Память	31
И. Сенецкая. Жена героя	33
П. Бочилло. Ветеран войны — прокурор района	36
Г. Деркач. Вернули к жизни	37
Материнский поклон	38
В. Попчиковский. Остановить «дикого» туриста!	39

Анатолий Иващенко. Свой огород и поле за ним. (Окончание)	44
Комментарий юриста	57

Книжная хроника	61, 130
-----------------	---------

К 60-летию советских пограничных войск

Самые восточные заставы...	62
----------------------------	----

Г. Макаров. Рационализация подлинная и мнимая	65
Комментарий юриста	73

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
 Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы
 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем
 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

Татьяна Копылова. Путь к родному дому	76
Комментарий юриста	86
И. Михайлов. Барышники от антиквариата. Очерк	90
Вместо послесловия	98
Судебная хроника	99
Сергей Высоцкий. Крутой поворот. Повесть. (Окончание)	100
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:	
Наши консультации	
В. Грачева. Регистрация брака	131
Читатель на приеме у юриста	
Порядок взыскания алиментов на детей	136
ИМЕНЕМ САТИРЫ:	
Им. Левин. Чудеса!.. Но не только! Фельетон	138
Зарубежная мозаика	144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: первомайская демонстрация трудящихся на Красной площади в Москве.

Фото Б. ХАСЯНОВА.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: туристы в отрогах Алайского хребта (Узбекистан).

Фото В. ОПАЛИНА.

Сдано в набор 1.III-78 г. Подписано в печать 7/IV-78 г. А 02112. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 10,38. Заказ 2431. Тираж 3 435 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.). Цена 40 коп.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Вавоная, 26.

ПРАВОВОЙ



**беседы
о конституции**

ПРАВО

Граждане СССР имеют право на отдых.

Это право обеспечивается установлением для рабочих и служащих рабочей недели, не превышающей 41 часа, сокращенным рабочим днем для ряда профессий и производств, сокращенной продолжительностью работы в ночное время; предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, дней еженедельного отдыха, а также расширением сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, развитием массового спорта, физической культуры и туризма; созданием благоприятных возможностей для отдыха по месту жительства и других условий рационального использования свободного времени.

Продолжительность рабочего времени и отдыха колхозников регулируется колхозами.

Статья 41 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

УНИВЕРСИТЕТ

В. МАЛОВ,
кандидат юридических наук

НА ОТДЫХ

Право граждан СССР на отдых — одно из величайших завоеваний социалистического общества, неотъемлемая черта нашего советского образа жизни, одно из важнейших условий всестороннего и гармоничного развития личности.

В быту мы называем отдыхом то время, которое затрачиваем на досуг, на восстановление сил после работы. Однако юридическое понятие времени отдыха намного шире. Оно охватывает все свободное от работы на предприятии, в учреждении, организации время, которое трудящиеся могут использовать по своему усмотрению. Затрачивается оно не только на досуг, но и на ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, спорт и так далее. «Для рабочего надо,— писал В. И. Ленин в 1897 году,— чтобы он работал не более 8 часов в сутки, имея время для отдыха, для своего развития, для пользования своими правами, как человека, как семьянина, как гражданина».

По определению К. Маркса, свободное время является как временем досуга, так и временем для осуществления более возвышенной деятельности — для образования, интеллектуального развития, выполнения социальных функций, товарищеского общения, свободной

игры физических и интеллектуальных сил. На высшей фазе коммунистического общества, указывал он, «мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время».

Социальная ценность права на отдых состоит не только в ограничении рабочего времени, но и в том, как и для чего используется свободное время, какие возможности общество предоставляет трудящимся для его рационального использования.

В нашей стране построено развитое социалистическое общество — закономерный этап на пути к коммунизму. По мере развития народного хозяйства, роста экономических возможностей нашего государства планомерно сокращается рабочее время. У граждан страны появляются все более широкие материальные и социальные условия для полного использования права на отдых, для всестороннего развития личности.

Неуклонный рост благосостояния народа выражается также в развитии и обогащении содержания права на отдых, в постоянном расширении юридических и социально-экономических гарантий этого права.

Эти гарантии права на отдых для рабочих и служащих конкретизируются в нормах трудового права. Наиболее важные из них закреплены в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Более подробно время отдыха регламентируется кодексами законов о труде союзных республик.

Конкретные вопросы о продолжительности и распределении времени отдыха решаются в правилах внутреннего трудового распорядка предприятий, учреждений, организаций или в графиках сменности. Для тех, чья постоянная работа протекает в пути, распределение рабочего времени и времени отдыха регулируется специальными актами, например Положением о рабочем времени и времени отдыха работников железнодорожного транспорта, утвержденным постановлением Госкомтруда и Секретариата ВЦСПС от 3 ноября 1960 года, Положением о рабочем времени и времени отдыха водителей автомобилей, утвержденным постановлением Госкомтруда и Секретариата ВЦСПС от 16 августа 1977 года.

Некоторые вопросы, относящиеся к порядку предоставления таких видов отдыха, как праздничные и выходные дни, отпуска, решены в отдельных законах, постановлениях Правительства СССР и в актах Госкомтруда СССР.

В соответствии с Конституцией СССР и законодательными актами о труде рабочим и служащим предоставляются следующие виды времени отдыха:

перерыв для отдыха и питания в течение рабочего дня (смены);

ежедневный отдых (междусменный перерыв);
еженедельный отдых (выходные дни);
ежегодные нерабочие праздничные дни;
ежегодные основные трудовые отпуска;
дополнительные трудовые отпуска.

Конституционное право рабочих и служащих на отдых находит конкретное выражение в праве на указанные виды времени отдыха.

Рассмотрим подробнее, что представляет собой каждый отдельный вид времени отдыха.

Перерыв для отдыха и питания («обеденный перерыв») предусмотрен статьей 57 КЗоТ РСФСР (в дальнейшем будем ссылаться на статьи КЗоТ РСФСР, при этом следует иметь в виду, что подобные статьи есть и в кодексах законов о труде всех союзных республик). Он предоставляется рабочим и служащим, как правило, через четыре часа после начала работы. Продолжительность перерыва не должна превышать двух часов, его начало и окончание определяется правилами внутреннего трудового распорядка. Перерыв не включается в рабочее время и может быть использован рабочими и служащими по своему усмотрению. На это время они имеют право отлучаться с места работы. На тех работах, где по условиям производства перерыв установить нельзя, рабочему или служащему должна быть предоставлена возможность приема пищи в течение рабочего времени. Перечень таких работ, порядок и место приема пищи устанавливаются администрацией по согласованию с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза.

Кроме того, в течение трудового дня (смены) рабочим и служащим предоставляются кратковременные перерывы (паузы) на отдых и личные надобности. Эти перерывы включаются в рабочее время при установлении норм выработки (норм времени, норм обслуживания; нормативов численности). Их количество и общая продолжительность устанавливаются в зависимости от характера и условий труда. К ним, например, относятся физкультурные паузы.

Трудовое законодательство предусматривает в интересах охраны труда также специальные перерывы в течение рабочей смены, которые включаются в рабочее время. Это — перерывы для обогрева, предоставляемые рабочим и служащим, работающим в холодное время года на открытом воздухе или в закрытых необогреваемых помещениях. Температура воздуха и сила ветра, при которых предоставляются такие перерывы, определяются исполкомами местных Советов. Их количество, продолжительность и порядок использования устанавливаются администрацией по согласованию с ФЗМК

профсоюза. Администрация предприятия, организации обязана оборудовать помещения для обогрева и отдыха работников.

Правила об условиях труда грузчиков при погрузочно-разгрузочных работах, утвержденные Народным комиссариатом труда 20 сентября 1931 года, устанавливают перерывы для отдыха, предоставляемые грузчикам. Количество и продолжительность этих перерывов определяются правилами внутреннего трудового распорядка.

Ежедневный отдых — это перерыв в работе между сменами. Его продолжительность зависит от длительности ежедневной работы и перерыва для отдыха и приема пищи. При сменной работе статья 51 КЗоТ РСФСР предусматривает, чтобы работники чередовались по сменам равномерно, а переход из одной смены в другую должен происходить, как правило, через каждую неделю в часы, определенные графиками сменности. Назначение на работу в течение двух смен подряд запрещается.

Еженедельный отдых, то есть выходные дни, — это свободные от работы дни календарной недели.

При пятидневной рабочей неделе рабочим и служащим предоставляется два выходных дня в неделю, а при шестидневной — один. Продолжительность еженедельного непрерывного отдыха должна быть не менее сорока двух часов.

Общим выходным днем является воскресенье. Второй выходной при пятидневной рабочей неделе устанавливается графиком работы предприятия, учреждения, организации, если иное не предусмотрено законодательством. Оба выходных при пятидневной рабочей неделе предоставляются, как правило, подряд.

На предприятиях, в учреждениях, организациях, где в связи с необходимостью обслуживания населения работа не может прерываться в общий выходной день, то есть в воскресенье (предприятия бытового обслуживания, театры, музеи), выходные дни устанавливаются местными Советами народных депутатов. На предприятиях с непрерывным производством выходные предоставляются в различные дни недели поочередно каждой группе рабочих и служащих в соответствии с графиками сменности, утвержденными администрацией по согласованию с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза.

Работа в выходные дни запрещается. Отдельные рабочие и служащие могут быть привлечены к работе в установленный для них выходной день лишь в исключительных случаях, предусмотренных законодательством союзных республик, и только с согласия ФЗМК. В этих случаях работнику в течение ближайших двух недель предоставляется другой день отдыха. И лишь тогда, когда в связи с

увольнением работника и в других случаях, предусмотренных законодательством, предоставить другой день отдыха невозможно, работа в выходной день оплачивается в двойном размере.

Накануне выходных дней продолжительность работы при шестидневной рабочей неделе не может превышать 6 часов.

Нерабочие праздничные дни: 1 января — Новый год, 8 Марта — Международный женский день, 1 и 2 Мая — День международной солидарности трудящихся, 9 мая — День Победы, 7 октября — День Конституции СССР, 7 и 8 ноября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. В эти дни допускаются лишь работы, приостановка которых невозможна по производственно-техническим условиям, работы, связанные с необходимостью обслуживания населения, а также неотложные ремонтные и погрузочно-разгрузочные работы.

Работа в праздничные дни оплачивается в двойном размере. По желанию работника вместо повышенной оплаты ему может быть предоставлен другой день отдыха, если работа в эти дни превышает недельную или месячную норму рабочего времени.

Там, где нет сокращенной рабочей недели и она равна 41 часу, продолжительность работы накануне праздничных дней, как при пятидневной, так и при шестидневной рабочей неделе,¹ сокращается на один час.

Ежегодные отпуска предоставляются рабочим и служащим с сохранением места работы и среднего заработка.

Основной ежегодный отпуск должен быть не менее пятнадцати рабочих дней, с постепенным переходом к предоставлению отпуска большей продолжительности. Некоторым категориям работников в соответствии с действующим законодательством предоставляется удлиненный основной отпуск:

рабочим и служащим моложе восемнадцати лет — один календарный месяц;

некоторым категориям работников научно-исследовательских, культурно-просветительных организаций и учебных заведений — от 24 до 48 рабочих дней;

работникам лесной промышленности и лесного хозяйства (профессии которых предусмотрены в особом перечне) — 24 рабочих дня.

Кроме основных законодательством предусмотрены дополнительные отпуска:

за работу с вредными условиями труда — от 6 до 36 рабочих дней;

за продолжительный стаж работы на одном предприятии, в организации некоторых отраслей народного хозяйства — от 3 до 9 дней;

работникам с ненормированным рабочим днем — до 12 рабочих дней;

за работу в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях — соответственно 18 и 12 рабочих дней;

в других случаях, предусмотренных законодательством.

В качестве поощрения за выполнение государственных или общественных обязанностей могут предоставляться по месту работы дополнительные отпуска сверх всех других отпусков общественным воспитателям несовершеннолетних, членам добровольных народных дружин по охране общественного порядка и добровольных пожарных дружин.

Удлиненные и дополнительные отпуска в наши дни имеют 55 миллионов рабочих и служащих. И в дальнейшем это количество будет возрастать. В докладе о проекте Конституции СССР на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 года Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев отметил, что заслуживают внимания предложения о введении поощрительной системы некоторого увеличения отпусков для тех, кто длительное время добросовестно и эффективно трудится на благо общества, для передовиков производства.

Особое место занимает кратковременный отпуск без сохранения заработной платы, который может быть предоставлен администрацией рабочему или служащему по его заявлению, в связи с семейными обстоятельствами или по другим уважительным причинам. Этот отпуск предоставляется, например, для бракосочетания, отправки ребенка в пионерский лагерь и так далее.

Продолжительность рабочего времени и отдыха колхозников регулируется колхозами. Примерный Устав колхоза устанавливает, что продолжительность и распорядок рабочего дня в колхозе, порядок предоставления выходных дней, ежегодных отпусков, а также минимум трудового участия в общественном хозяйстве трудоспособных колхозников регулируются Правилами внутреннего распорядка колхоза.

В марте 1970 года Союзный совет колхозов одобрил Примерные правила внутреннего распорядка. В разработанных на их основе Правилах внутреннего распорядка колхозов вопросы рабочего времени и времени отдыха решаются, как правило, на основе трудового законодательства с учетом конкретных производственных и экономических условий, а также особенностей каждого хозяйства.

Кроме времени отдыха законодательство предоставляет за счет рабочего времени перерывы для кормления ребенка матерям, кор-

мящим грудью, и женщинам, имеющим детей в возрасте до одного года. Рабочие и служащие освобождаются от работы в связи с временной нетрудоспособностью.

Женщины получают отпуска по беременности и родам, а матери, имеющие детей в возрасте до одного года, — дополнительный отпуск без сохранения заработка; сокращается рабочее время и предоставляются дополнительные отпуска лицам, обучающимся без отрыва от производства. В случаях, предусмотренных законом, рабочие и служащие освобождаются от работы для выполнения государственных и общественных обязанностей.

В указанных случаях в соответствии с законодательством или правилами, установленными колхозами на основе законодательства, освобождаются от работы и колхозники.

Конституция СССР закрепляет не только юридические гарантии получения определенного количества свободного от работы времени, но и социально-экономические, материальные гарантии рационального использования его для отдыха, укрепления здоровья, удовлетворения духовных потребностей.

В статье 41 Основного Закона говорится, что право на отдых обеспечивается также расширением сети культурно-просветительных и оздоровительных учреждений, развитием массового спорта, физической культуры и туризма; созданием благоприятных возможностей для отдыха по месту жительства и других условий рационального использования свободного времени.

Право на отдых неразрывно связано с закрепленными в Конституции правом на образование, на пользование достижениями культуры, свободой научного, технического и художественного творчества. Товарищ Л. И. Брежнев в выступлении на XVI съезде профсоюзов говорил, что в нашей стране забота о человеке, разумеется, не заканчивается; не может заканчиваться у выхода из заводской проходной. Огромная область нашей социальной политики связана с улучшением быта советских людей, заботой об их здоровье и отдыхе, о том, чтобы трудящиеся и их семьи могли разумно, с пользой для себя и общества распоряжаться свободным временем. Техническое творчество, занятие физкультурой и спортом, художественная самодеятельность — все это стало потребностью миллионов наших трудящихся.

В результате неуклонного проведения социальной политики Коммунистической партии, нашей закрепление в Конституции СССР, трудящиеся нашей страны имеют огромные возможности для рационального использования свободного времени. Сейчас в СССР имеется 350 тысяч библиотек, в том числе 131 тысяча массовых; более

150 тысяч киноустановок, 570 профессиональных театров; 1295 музеев; свыше 14 тысяч санаториев, санаториев-профилакториев, пансионатов, домов и заводских баз отдыха и туристических баз; 135 тысяч клубных учреждений. В стране действует 28 815 народных университетов культуры. Многомиллионными тиражами издаются книги, журналы, газеты.

Советские люди широко пользуются предоставленными им возможностями рационально, культурно, с пользой для своего физического и духовного развития проводить свободное время. В 1976 году, например, число читателей только в массовых библиотеках составляло 94,5 миллиона человек. К тому же почти 90 процентов семей имеют личные библиотеки. По данным 1975 года, в театрах побывало 117 миллионов человек, более 134 миллионов посетили музеи. Миллионы советских людей участвуют в художественной самодеятельности. В 1977 году в санаториях, домах отдыха и на туристических базах организовано, по путевкам лечились и отдыхали 49 миллионов трудящихся и членов их семей.

За этими статистическими данными стоит повседневная жизнь каждого советского человека, каждого трудового коллектива.

Итак, материальные гарантии права на отдых создают широкие возможности для культурного отдыха, укрепления здоровья и духовного развития трудящихся. Но для того, чтобы эти возможности использовать в полной мере, необходимы большая организаторская работа общественности и администрации, активность и инициатива членов трудовых коллективов. Там, где профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации в контакте с администрацией под руководством партийных организаций уделяют должное внимание рациональному использованию свободного времени, не пустуют клубы и дома культуры, стадионы и базы отдыха, библиотеки и читальные залы.

Важное значение для рационального использования свободного времени имеет повышение культурного уровня трудящихся.

Умение разумно использовать свободное время необходимо воспитывать прежде всего у молодежи. Причем наибольший эффект такое воспитание дает, если оно начинается с самого раннего возраста, если оно ведется общими усилиями семьи, детских учреждений и учебных заведений, общественных организаций. Ведь если с детства будет привита любовь к труду, к литературе и искусству, поддержаны полезные увлечения, верно определен выбор профессии, то такому человеку некогда будет скучать, перед ним никогда не будет проблемы, как «убить время».

Воспитание умения ценить и разумно использовать свободное вре-

мя неразрывно связано с воспитанием коммунистического отношения к труду и уважения к другим людям.

В развитом социалистическом обществе, говорится в Конституции СССР, реальные права и свободы граждан сочетаются с их обязанностями и ответственностью перед обществом. Это сочетание означает взаимосвязь, взаимозависимость, взаимообусловленность прав и свобод, с одной стороны, и обязанностей, ответственности перед обществом, с другой. Развитие содержания и материальных гарантий социально-экономических прав, в том числе права на отдых, в решающей степени зависит от неуклонного и добросовестного исполнения гражданами обязанностей, прежде всего таких, как обязанность трудиться, соблюдать трудовую дисциплину, беречь и укреплять социалистическую собственность. Поэтому всякая недобросовестность в труде, прогулы и другие потери рабочего времени, порча, уничтожение, разбазаривание материалов, инструментов, готовой продукции и другого имущества предприятий, учреждений, организаций — все это недопустимо в нашем обществе, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех.

Социальные завоевания нашей страны оказали огромную помощь рабочему классу капиталистических государств в их борьбе за улучшение условий труда. Благодаря влиянию советского законодательства о труде рабочему классу в развитых капиталистических странах удалось добиться восьмичасового рабочего дня, а в некоторых из них — оплачиваемых отпусков. Но даже в этих странах буржуазное государство не может обеспечить трудящимся права на отдых в полном объеме его юридического и социального содержания. В условиях хронической безработицы право на отдых теряет какой бы то ни было реальный смысл для миллионов безработных, обреченных на вынужденный, безрадостный «отдых». Постоянная угроза потерять работу, высокая плата за жилье, за медицинскую помощь, за обучение не позволяют трудящимся использовать свободное время для спокойного отдыха, для укрепления здоровья, для повышения культурного уровня. Буржуазное государство не проявляет никакой заботы об обеспечении благоприятных условий для рационального использования свободного времени, об организации отдыха трудящихся. Этими вопросами занимаются там те же капиталисты, собственники «индустрии отдыха», развитие которой подчинено главной цели — извлечению прибыли¹ и вместе с тем отвлечению трудящихся от классовой борьбы.

В нашей стране, как и в других социалистических странах, право на отдых стало истинной, реальной социальной ценностью. Обе-

спечение этого права юридическими и материальными гарантиями, постепенное сокращение рабочего и увеличение свободного времени являются одной из важнейших социально-экономических задач Коммунистической партии и Советского государства.

Характеризуя достижения нашей страны за 60 лет существования Советской власти, товарищ Л. И. Брежнев в статье «Исторический рубеж на пути к коммунизму» подчеркнул, что «в условиях зрелого социализма расширилась экономическая база социалистической демократии, права граждан наполнились более основательным материальным содержанием, прочнее стали гарантии этих прав».

Это в полной мере относится и к праву на отдых.

Повышение материального и культурного уровня жизни народа обеспечивается прежде всего честным, добросовестным, высокопроизводительным трудом рабочих, служащих, колхозников. Достижение производственных успехов, в свою очередь, зависит от того, в каких условиях живут и работают трудящиеся, в частности от того, как используется свободное время.

В Письме ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ партийным, советским, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским организациям «О развертывании социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 года и усилении борьбы за повышение производства и качества работы» отмечается, что борьба за наивысшую производительность неразрывно связана с заботой о человеке труда.

Более высоких результатов, говорится в Письме, добиваются на тех предприятиях, где проводится активная работа по улучшению условий труда и отдыха, повышению образовательного уровня и квалификации кадров.

НАУКА И ТЕХНИКА НА СЛУЖБЕ ПРАВОСУДИЯ

Самая характерная черта современной эпохи — научно-техническая революция, оказывающая огромное воздействие на все стороны человеческой деятельности. Не остается в стороне от достижений науки и техники и следственный аппарат органов милиции и прокуратуры, стоящий на переднем крае борьбы с преступностью в стране.

С тем, какие прогрессивные средства и методы применяются ныне работниками учреждений судебной экспертизы, журнал знакомит читателей широко и постоянно. Мне бы хотелось рассказать о некоторых современных научно-технических средствах, применяемых самими следователями в ходе расследования преступлений. Ведь прежде чем попасть в лабораторию эксперта, документ, вещественное доказательство либо другой объект со следами преступления должен быть обнаружен, изъят, осмотрен следователем и приобщен к уголовному делу. Эта работа далеко не из простых. Зачастую она ничуть не легче поисков иголки в стоге сена. Представьте себе, что из бухгалтерского архива большого предприятия или учреждения необходимо отобрать платежные ведомости или иные документы, достоверность которых вызывает сомнения, либо обнаружить и изъять с одежды потерпевшего микроскопически малые частицы одежды преступника. Кропотливая, ювелирно тонкая работа, от качества которой зависит успех расследования.

Следователю, имеющему цель проникнуть в суть намерений и действий правонарушителя, распутать хитросплетение фактов и обстоятельств уголовного дела, важнее всего уже на первых порах найти именно ту нить, потянув за которую удастся развязать замысловатый узел преступления.

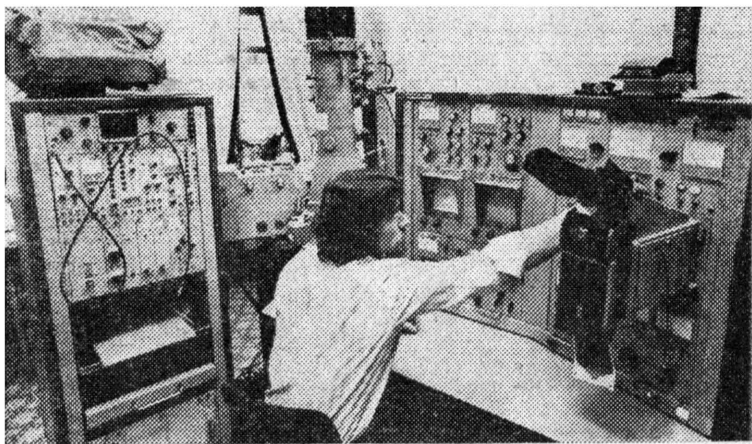
Умышленные тяжкие преступления совершаются, как правило, без свидетелей. Правонарушитель старается оставить как можно меньше следов, применяет порой довольно хитроумные приемы, чтобы сбить следователя с толку, навести его на ложный след. Тут одного таланта и богатого опыта Шерлока Холмса уже недостаточно. Наряду с ними следователь должен быть вооружен современными научно-техническими средствами, служащими надежной гарантией успешного раскрытия и расследования преступлений. Причем использование кри-

миналистической техники — не только право, но и обязанность следователя, установленная законодателем в целях обеспечения полноты и эффективности расследования преступлений. Ряд норм уголовно-процессуального законодательства прямо указывает на это, так как от уровня научно-технической вооруженности следователя зависят успех раскрытия преступления, быстрота и качество судопроизводства по уголовным делам. Поставленные на службу правосудию достижения научно-технического прогресса позволяют следователю острее видеть, больше запоминать, сохранять увиденное для суда.

Криминалисты давно установили, что совершить преступление, не оставив следов, нельзя. Каким бы хитрым и опытным ни был преступник, как бы он ни изощрялся, «заметая» следы, последние непременно остаются. Это могут быть следы ног, транспортных средств, зубов, ногтей, орудий взлома и многие другие. Но все же наиболее часто при осмотре мест происшествия следователи обнаруживают следы пальцев рук, которые имеют особое значение в борьбе с преступностью, так как позволяют быстро и точно установить личность правонарушителя.

Следы пальцев. Поясним, почему они находятся на особом положении среди других следов. Начну издалека. В незапамятные времена, почти три с половиной тысячелетия назад, правил древнеегипетским государством молодой фараон Тутанхамон. Следуя священной традиции, уже при жизни воздвиг он себе пышную гробницу, где после скорой смерти и был погребен с подобающими почестями. Прошли годы, века. Только во втором десятилетии нашего века усыпальница Тутанхамона была случайно обнаружена английским археологом во всем ее сказочном богатстве и великолепии.

Но не золотой саркофаг, не ювелирные изделия и драгоценности более всего заинтересовали в данном случае представителей крими-



Современная техника помогает криминалистам.

налистики, дающей следственным органам наиболее совершенные приемы, методы и средства борьбы с преступностью. Нет! Наибольшую ценность для них представлял узор на пальцах мумифицированного тела фараона. Вряд ли сам Тутанхамон, обремененный государственными делами, когда-нибудь интересовался узорами кожи на концах своих пальцев. Вероятно, и вы, уважаемые читатели, не все обращали на них внимание. А между тем узоры того заслуживают, так как имеют совершенно удивительные свойства индивидуальности, устойчивости и восстанавливаемости.

Посмотрите внимательно на ногтевые фаланги своих пальцев. Возвышения на коже, называемые папиллярными линиями, образуют сложный узор в виде петель, завитков или дуг. Если вы сравните папиллярные узоры своих пальцев с узорами на пальцах другого человека, то убедитесь, что они исодинаковы. Более того, на всем земном шаре нельзя найти человека, который бы имел точно такой рисунок кожи на пальцах, как у вас. Папиллярные узоры пальцев человека свойственны только одному конкретному лицу. Это-то свойство криминалисты и называют индивидуальностью.

Конечно, можно возразить, что на сравнение папиллярных рисунков своих пальцев с рисунками на пальцах всех остальных людей и целой жизни не хватит. Верно! Но что не под силу одному человеку и даже большому коллективу, то легко и быстро могут выполнить наши кибернетические помощники — электронно-вычислительные машины (ЭВМ). С их помощью криминалистами была проведена работа по сравнительному исследованию весьма большого количества пальцевых отпечатков, что и позволило прийти к выводу об индивидуальной неповторимости папиллярных узоров.

Узор кожи на человеческих пальцах не повторяется не только в определенное время, но и по прошествии веков. Чтобы доказать это, и были сняты отпечатки пальцев у мумии Тутанхамона и с рук мумий других древних египтян, найденных при раскопках в Долине Царей. Отпечатки пальцев людей, живших тысячи лет назад, сравнили с накопленными картотеками пальцевых отпечатков и одинаковых не нашли.

Не идентичны папиллярные рисунки на пальцах у детей и родителей, братьев и сестер — близнецов. В Польской Народной Республике, например, в одной семье несколько лет назад родилось пятеро близнецов. Внешне они очень похожи друг на друга, но узоры кожи на пальцах различные.

Отсюда следует непреложный вывод, что если на месте происшествия обнаружены отпечатки пальцев, то можно абсолютно точно определить, кто именно их оставил.

Устойчивость папиллярного узора — это его способность оставаться неизменным на протяжении всей человеческой жизни. На ногтевых фалангах пальцев узоры возникают на третьем-четвертом месяце внутриутробного развития плода, окончательно сформировываются на шестом месяце, и в течение всей жизни человека, вплоть до разрушения кожного покрова после смерти, их строение практически не изменяется. Значит, если сравнить отпечатки пальцев, полученные сразу после рождения человека и в старости, то узоры будут различаться между собой лишь по размерам, ибо вследствие роста и развития организма увеличиваются только длина, ширина

и высота папиллярных линий, но рисунок, его детали, количество линий остаются теми же.

Чтобы избавиться от своих, хорошо известных полиции пальцевых узоров, боссы гангстерских синдикатов в капиталистических странах готовы были на любые жертвы. За большие гонорары они нанимали искуснейших хирургов, которые срезали с подушечек их пальцев кожу и на ее место пришивали кусочки кожи, снятые с другой части тела пациента. Такая болезненная операция, длящаяся не один час, ожидаемого результата, однако, не давала. Спустя довольно непродолжительный срок, достаточный для окончательного приживания пересаженных участков, на них отчетливо проступал тот самый узор, который был ранее. Так проявило себя еще одно удивительное свойство папиллярных узоров — их восстанавливаемость.

Как уже отмечалось, чаще всего следы преступника — это следы пальцев его рук, образующиеся в результате отслоения от поверхности кожи частичек пото-жирового вещества, выделяемого в процессе жизнедеятельности человеческого организма. Эти слабо видимые или вообще невидимые следы остаются на бумаге, дереве, картоне, резине, пластмассе, металле и разных других поверхностях. Найти их и сделать различимыми можно только при помощи специальных веществ, наносимых на исследуемую поверхность особыми приемами.

Таких веществ и составов современная криминалистика разработала уже более двухсот. Это порошки окиси алюминия, железа, цинка, малахитовой зелени и другие, жидкие реактивы, пары, которые позволяют выявить пото-жировые пальцевые отпечатки на самых разнообразных следовоспринимающих поверхностях, даже если те оставлены десять лет назад. Что и говорить, срок немалый. Например, в 1968 году преступник прикоснулся к листу бумаги, а сегодня, в 1978 году, можно сделать это прикосновение видимым, изучить рисунок папиллярного узора и сказать, кто именно оставил след. Важно только, чтобы отпечаток был достаточно четким и полным, чтобы в нем отобразилось необходимое количество отличительных признаков рисунка. По нечеткому или недостаточно полному пальцевому следу тоже возможно отождествление личности правонарушителя, однако на это требуются большие затраты времени и сил.

И, нужно сказать, усилия следователя по отысканию на месте происшествия следов пальцев рук очень редко оказываются безрезультатными. Чаще всего такие следы находят, а по ним устанавливают преступника. Причем и в этом следователям все большую помощь оказывают научно-технические средства. Последние годы советские и зарубежные криминалисты ведут широкие исследования с целью «переложить» кропотливую работу — отождествление человека по пальцевым отпечаткам — на «плечи» ЭВМ.

Впрочем, электронно-вычислительные машины уже сейчас помогают в решении и других сложнейших криминалистических задач. Вот один пример из следственной практики. Несколько лет назад в крупном портовом городе группа из трех преступников похитила крупную сумму денег. Грабители скрылись, а перед следственными органами со всей остротой встала проблема скорейшего раскрытия преступления.

Медлить было нельзя. Похитители были вооружены. В их руках

оказались большие деньги. В любой момент, ободренные удачей, они могли пойти на новое преступление, могли скрыться, наконец, просто растратить похищенные деньги. Однако быстро раскрыть преступление было очень и очень трудно. Следов рук при осмотре места происшествия, несмотря на все старания, не обнаружили. Лица преступников закрывали маски, действовали они молниеносно, уверенно. Здесь чувствовался «почерк» опытных уголовников.

Одним словом, данных о грабителях было слишком мало, чтобы по ним раскрыть преступление в короткий срок. Тогда следственные органы решили использовать для этой цели электронно-вычислительную машину.

Всю собранную следствием информацию о преступниках после соответствующей кодировки ввели в качестве исходного материала в ЭВМ и задали ей программу на предположительное установление виновных в ограблении. Буквально через несколько минут, потребовавшихся ЭВМ на «размышления» — анализ и синтез полученных сведений, из нее поползла широкая бумажная лента с соответствующими данными, по которым можно было отыскивать подозреваемых. И благодаря этому вскоре группа была обезврежена, материальный ущерб полностью возмещен.

Раскрытие преступления — сложный и трудоемкий процесс. Вина преступников должна быть полностью доказана. Собираение доказательств — очень трудное и ответственное дело. Я не погрешу против истины, если скажу, что в основном рабочее время следователя затрачивается не на «увлекательные» осмотры мест происшествия и головоломные поединки умов, а на «скучное» многочасовое изучение материалов ревизий и экспертиз, анализ изъятых в бухгалтерии документов и тому подобное.

Напрашивается вопрос: «Неужели следователь только тем и занят, что пишет, пишет и еще раз пишет?» До последнего времени дело обстояло почти так. Ведь деятельность следователя строжайше регламентирована уголовно-процессуальным кодексом; все следственные действия должны быть отражены в процессуальных документах: протоколах, постановлениях и так далее. В противном случае доказательства, собранные по делу, не могут быть приняты во внимание, то есть работа следователя пойдет насмарку.

Уголовно-процессуальное законодательство прямо устанавливает, что все не описанное, или, как точнее говорят юристы, не зафиксированное в материалах уголовного дела, доказательственной силы не имеет, а значит, и не может служить доказательством виновности подсудимого. Но попробуйте описать хотя бы комнату, в которой живет. Кажется, все в ней известно и знакомо до мельчайших деталей, но описание, по которому можно было бы наглядно представить обстановку в комнате, не спутать ее ни с какой другой, составить не так-то просто. А ведь следователь должен описать следственное действие именно так, достигнув зрительной наглядности, не упустив ни единой детали.

Проведя такой несложный эксперимент, вы ощутите, как трудно бывает следователю при описании, например, обстановки на месте крушения железнодорожного состава или автотранспортного происшествия — например, столкновения автомобилей. Картина в таких случаях бывает очень сложной, сроки осмотра — сжатыми, видит

место происшествия следователь впервые, а должен заметить и запечатлеть все.

Ведь на месте происшествия следователь заранее не знает, что важно, а что нет, поэтому ни одна, пусть самая мельчайшая, деталь не может быть им оставлена без внимания или забыта при составлении протокола осмотра. Чтобы подчеркнуть важность этого обстоятельства, заметим, что при расследовании одного убийства преступник был установлен по волосинке, прилипшей к рукоятке орудия убийства — топора. В другом случае виновного в наезде на пешехода нашли по микроскопически малой частице краски, отколовшейся от автомашины во время происшествия.

Мог следователь при осмотре сложной и психологически трудной обстановки места происшествия не заметить в первом случае волоска, а во втором — чешуйки краски? Нет и еще раз нет. Не мог, не имел права! Ибо тогда оба тяжких преступления остались бы нераскрытыми, а преступники ушли бы от наказания.

В осмотре и описании обстановки места происшествия следователям значительную помощь оказывает криминалистическая техника. Это сложные аналитические и поисковые приборы, научно-технические средства фиксации. Одно из старейших средств запечатления важных для установления истины обстоятельств — фотографический аппарат. На фотоснимках, изготовленных способами судебно-оперативной фотографии, все видно и понятно без особых комментариев даже неспециалисту. Сейчас следователи применяют судебно-оперативную фотосъемку по многим уголовным делам, причем наряду с черно-белыми снимками изготавливаются и цветные фотографии и диапозитивы, которые позволяют запечатлеть снимаемый объект в натуральных цветах. Произведенная наряду с описанием хода и результатов следственного действия фотосъемка повышает наглядность и убедительность полученных доказательств.

Закон предусматривает также возможность применения при расследовании киносъемки. На кинолентку запечатлевают производство таких сложных процессуальных действий, как следственный эксперимент, проверка с обвиняемым показаний на месте, предъявление личности для опознания по походке, жестикуляции и другим динамическим признакам и тому подобное. Описать ход и результаты таких действий бывает очень трудно, а кинофильм дает наглядную, полную динамики картину. В некоторых особо сложных случаях одновременно с киносъемкой производится еще и звукозапись следственного действия, тогда в уголовном деле фигурирует судебный звуковой кинофильм, создающий полный эффект присутствия при производстве следственного действия.

При допросах, очных ставках и других процессуальных мероприятиях, в которых преобладает звуковая информация, следователям помогает магнитная звукозапись. Знаете, как трудно бывает не пропустить ни единого словечка, когда показания дают в течение дня несколько человек? А следователь должен не только ничего не пропустить, но все правильно понять и досконально запомнить, чтобы достаточно полно и точно составить протокол. Поэтому применение магнитной записи при расследовании преступлений существенно облегчает следователю фиксацию словесной информации, повышает культуру следствия.

Однако магнитофон и кинокамера — это уже наполовину день вчерашний. Сегодняшний и завтрашний дни за видеомагнитофонами — аппаратами, позволяющими записывать на магнитную ленту не только звук, но и изображение. Преимущества видеозаписи перед звукозаписью и киносъемкой очевидны. Изображение и звук записываются абсолютно синхронно; как и в обычном магнитофоне, никакой химико-фотографической обработки пленки после производства записи не требуется. Сразу же по окончании видеозаписи пленка готова к просмотру.

Видеомагнитофоны уже нашли самое широкое применение при расследовании опасных преступлений. Например, при расследовании упомянутого выше дела о крупном хищении денег было решено применить видеозапись для записи показаний одной из работниц учреждения, которая от причиненных ей преступником телесных повреждений лишилась дара речи. Когда среди трех человек ей был предъявлен один из налетчиков, она его уверенно опознала и знаками пояснила, что это именно он вырвал у нее приготовленную к сдаче инкассаторам сумку с деньгами и ударил по голове рукояткой пистолета. Эти показания были записаны с помощью видеомагнитофона и послужили одним из доказательств виновности всех трех участников хищения.

Следует, однако, подчеркнуть, что киносъемка, звукозапись, фотографирование, видеомагнитофонная запись и другие научно-технические способы закрепления доказательств по уголовным делам не исключают ведения протокола следственного действия, а лишь дополняют его, делают более понятным, наглядным, убедительным.

Немаловажное значение в борьбе с преступностью имеет и сокращение срока, прошедшего с момента совершения преступления до момента прибытия на место следователя. Чем короче этот срок, тем более результативным и эффективным оказывается осмотр. Это и понятно. Многие из оставленных преступником следов недолговечны и легко могут быть уничтожены дождем, снегом и другими атмосферными явлениями, а то и просто любопытными, прошедшими поглядеть «а чего это тут такое?». Что греха таить, некоторые преступления остаются нераскрытыми как раз по вине таких вот зевак.

Так вот, чтобы обеспечить быстрое прибытие оперативной группы на место происшествия, все крупные следственные подразделения страны имеют специально оборудованные передвижные криминалистические лаборатории. Они доставляют следственную группу на место в кратчайшие сроки, причем в комплект их оборудования включен очень широкий набор современных криминалистических средств: фотокиносъемочная и звукозаписывающая техника, наборы реактивов для работы со следами рук, ног, зубов, транспорта, для обнаружения тайников и так далее. Таким образом, следователь прибывает на место происшествия во всеоружии, что обеспечивает высокое качество осмотра и, как правило, ведет к быстрому раскрытию преступления.



В Министерстве юстиции СССР

Коллегия Министерства юстиции СССР рассмотрела вопрос о работе отделов юстиции Краснодарского крайисполкома и Куйбышевского облисполкома с народными заседателями.

Заслушав доклады начальников отделов юстиции В. М. Федченко и В. Д. Архипова, заместителя начальника управления общих судов Министерства юстиции СССР А. В. Голодова, сообщение первого заместителя министра юстиции РСФСР И. С. Мишенина, коллегия отметила повышение активности народных заседателей при осуществлении правосудия, разнообразные формы участия в профилактической работе, постоянную связь с избравшими их коллективами. Одобрена работа отделов юстиции, народных судов по подготовке вновь избранных народных заседателей к исполнению своих обязанностей. Отмечено усиление контроля советов народных заседателей за перевоспитанием несовершеннолетних, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, или получивших отсрочку исполнения приговора, активное участие народных заседателей в осуществлении контроля за исполнением судебных решений. Во многих районах не повторялись случаи новых правонарушений, снизилось количество жалоб по делам об алиментах, более полно возмещается ущерб от растрат и хищений. Результаты обобщения критических замечаний избирателей и их предложений, высказанных при отчетах народных заседателей, используются для улучшения деятельности судов и других правоохранительных органов.

Наряду с этим коллегия указала, что возможности института народных заседателей не используются в полной мере для предупреждения правонарушений, повышения воспитательно-профилактической деятельности судов.

Есть случаи, когда в нарушение требований статьи 31 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик не все народные заседатели привлекаются к рассмотрению судебных дел, не везде налажены контакты с государствен-

ными и общественными организациями, комиссиями и инспекциями по делам несовершеннолетних.

Коллегия Министерства юстиции СССР предложила отделам юстиции и судам обеспечить неуклонное выполнение требований Конституции СССР и Конституций союзных республик об ответственности и подотчетности народных заседателей перед избирателями, регулярно информировать население о ходе рассмотрения критических замечаний и предложений избирателей, шире использовать возможности советов народных заседателей по организации этой работы, распространять положительный опыт, используя для этой цели периодическую печать, телевидение и радио.

Коллегия Министерства юстиции СССР рассмотрела также вопрос об оказании правовой помощи депутатам Советов народных депутатов учреждениями юстиции и судами Казахской ССР.

В соответствии с требованиями Конституции СССР, Закона о статусе депутатов в республике обеспечиваются условия для эффективной деятельности депутатов. Повсеместно проводится безотлагательный прием депутатов, обращающихся в органы юстиции по вопросам депутатской деятельности. На особый учет берется депутатская корреспонденция по вопросам, связанным с их общественной деятельностью, правовая помощь депутатам в юридических консультациях оказывается безвозмездно. Активно помогают народным избранникам общественные юридические консультации.

Вместе с тем недостаточно изучается практика применения законодательства об охране трудовых прав депутатов и депутатской неприкосновенности, не везде оказывается методическая помощь исполкомам районных, сельских, аульных и поселковых Советов народных депутатов, не решен вопрос об обеспечении сельских, аульных и поселковых Советов справочной и научно-популярной юридической литературой.

Коллегия приняла решение направить министерствам юстиции союзных республик информационно-методическое письмо по вопросам правовой помощи депутатам.

Коллегия Министерства юстиции СССР обсудила также результаты обобщения предложений и замечаний граждан по вопросам, связанным с деятельностью органов юстиции и судов, внесенных в ходе обсуждения Конституции СССР.



**КОНСТИТУЦИЯ СССР
ДЕЙСТВУЕТ, ЖИВЕТ,
РАБОТАЕТ**

СЛОВО НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

РЕПОРТАЖИ

*что сделано
по письмам*

собеседник

НАШЕЙ ДРУЖБЫ СИЛА

Более полугода прошло с того памятного дня, когда на седьмой внеочередной сессии Верховного Совета СССР был принят новый Основной Закон страны. А недавно в жизни братских народов произошло еще одно выдающееся событие: приняты разработанные в соответствии с Конституцией СССР Конституции союзных республик. Это закономерный этап дальнейшего развития социалистической демократии и государственности, яркое свидетельство великой силы ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

Сплоченные в единый Союз, все нации и народности нашей необъятной Родины добились поистине невиданных в истории человечества успехов. Объем промышленного производства СССР по сравнению с дореволюционным возрос в 145 раз, а в отдельных республиках и того больше: в Казахстане, например, в 223 раза, Молдавии — в 250 раз, Армении и Киргизии — более чем в триста раз. А как изменился духовный облик людей! Взаимное уважение национального достоинства, братская взаимопомощь, дружба стали законом их жизни, помогли выдержать суровые испытания Великой Отечественной войны, помогают добиваться успехов в строительстве коммунизма. Ниже мы публикуем подборку материалов о том, как живут и трудятся люди разных национальностей в нашей стране, как помогают друг другу в повседневной жизни, как пользуются своими правами, провозглашенными Конституцией СССР и Конституциями союзных республик.

Вкус яблока

Надежда Ивановна Шахова живет в Алма-Ате с конца сорок первого, когда, измученные непрерывными фашистскими бомбежками, они с матерью были эвакуированы сюда из Запорожья. Здесь, в далеком от Украины казахском городе она, как и тысячи других беженцев от «коричневой чумы», нашла свой второй родной дом, почувствовала братскую любовь и заботу приветливых, работающих казашек и казахов, с которыми сроднилась на всю жизнь. С 1961 года алмаатинцы бессменно избирают ее депутатом в городской Совет...

Время приема подошло к концу, а в комнату к депутату Шаховой продолжали заходить избиратели. Надежда Ивановна не торо-

пилась быстрее «закруглить» разговор, хотя принимала посетителей, отработав смену на заводе, у станка. Да и домашние дела ждали ее.

Устроившись в углу приемной, я наблюдала, как Шахова беседовала с посетителями: заинтересованно вникала во все детали, по истине, ей до всего было дело. Ее умению слушать и воспринимать чужие беды как свои личные можно подивиться. С разными вопросами и просьбами, личными и общественными, приходят к ней люди. И конечно, не все просьбы можно удовлетворить. Но душевно, тактично поговорить с человеком, умело растолковать суть закона, внести ясность в его дело — это, пожалуй, не менее важно. Я невольно заметила — от Шаховой почти все уходят успокоенными, даже те, кому по разным причинам невозможно было помочь.

Последним посетителем в тот день оказался высокий подтянутый мужчина средних лет. Теревит в руках кепку, явно смущается, не знает, с чего начать разговор. Надежда Ивановна не торопит, дает человеку собраться с мыслями.

— Я, знаете ли, пенсионер, живу в этом доме, — начал наконец мужчина.

— Пенсионер? — улыбнулась Надежда Ивановна. — Не похоже вроде.

— Военный я, летчик, потому и на пенсии. Скоро вот устроюсь работать на «гражданке». А пока пришел посоветоваться с вами. Хотел бы для мальчишек нашего двора авиамодельную секцию организовать. Я уж с директором соседнего завода договорился — материалы списанные нам будут подбрасывать, а вот помещение, где собираться, — понимаете, проблема...

Надежда Ивановна сразу заинтересовалась предложением: воспитание подростков — важнейшая работа депутата, а тут энтузиаст... Долго они разговаривали, взвесили все возможности. Шахова пометила в своем блокноте: зайти в райком партии, в райисполком, поговорить с председателем комиссии по делам молодежи.

— Оставьте, пожалуйста, свой телефон, — попросила она летчика, — я вам позвоню через недельку. Спасибо, что пришли. Думаю, что ребятам мы поможем...

И она, как я потом узнала, выполнила свое обещание.

Встречи и контакты Шаховой с избирателями не ограничиваются одним приемным днем — «от» и «до». Для нее депутатская работа за шестнадцать лет стала не только обязанностью, но и потребностью, частью ее жизни — побольше быть на людях, помогать им, не оставаться равнодушной к их бедам и радостям. Сколько уж судеб человеческих за эти годы прошло перед ней, а точнее — через душу ее! Идут к депутату люди за советами домой, на завод, пишут письма, звонят по телефону. И никого Шахова не обойдет вниманием.

Как-то в заводской столовой обедала вместе с Шаховой тетя Дуся Смоленцева из соседнего цеха. Разговорились. О чем женские разговоры? О доме, о детях. И поведала тетя Дуся, что сын ее уезжал работать на Север, через несколько лет вернулся. Захотел опять жить в Алма-Ате. А где? У матери — в исполкоме говорят, что площадь не позволяет. В тот же вечер пошла Надежда Иванов-

на к ней в гости. Посмотрела, как живет: две небольшие комнаты, но места хватает. А потом, уже как депутат, обратилась к заместителю председателя горисполкома и в паспортный стол. Словом, прописали сына. Вот так, вроде небольшое дело, а принесло покой пожилой женщине. И таких дел бывает у депутата Шаховой немало: у одних нелады на работе, других не удовлетворяет жилье; матери, жены идут со своими бедами — то сын от рук отбился, то муж выпивает. Помоги, Надя, разберись, твое слово веское... А в справедливости этого убеждения ее избиратели привыкли не сомневаться.

Была как-то Шахова на одном из школьных родительских собраний. Речь зашла о том, что около школы очень опасный переход, большое движение транспорта. Директор уже обращался в ГАИ, обещали что-то сделать, но пока все по-старому. После собрания Надежда Ивановна сама пошла в ГАИ. Через неделю движение транспорта около школы было ограничено.

Есть у Шаховой и заботы, если так можно выразиться, помасштабнее. Чистота Алма-Аты известна далеко за пределами Казахстана. Город всегда словно только что умытый — недаром алматинцы успешно борются за звание города коммунистического быта. Но кое-кто в Алма-Ате по-прежнему смотрит на беспорядки в своих микрорайонах «сквозь пальцы». В начале прошлого года по заданию горисполкома Шахова проверяла один из районов: в каком состоянии дома, дворовые площадки, регулярно ли вывозится мусор, достаточно ли магазинов и так далее. Оказалось, далеко не все благополучно. Доложила об этом на заседании горисполкома, внесла предложения. И вскоре были приняты меры: дома отремонтированы, открыто несколько магазинов.

Сейчас Надежда Ивановна — член постоянной комиссии горсовета по соцзащитности. Депутат с многолетним стажем, она систематически проверяет, как в райисполкомах работают с письмами и жалобами трудящихся, какие меры принимаются по ним. Охрана государственного и общественного порядка на территории города, правовое воспитание населения, помощь добровольным народным дружинам, товарищеским судам — вот далеко не полный круг вопросов, участвовать в решении которых приходится Шаховой...

Многое можно было бы рассказать об этой женщине. Герой Социалистического Труда, коммунист, общественный деятель, народный депутат... Словом, человек она — государственный. Хотя всю свою жизнь работает у станка. Зато как работает!

...Наде не было еще и шестнадцати, когда она пришла на завод. Заведовал отделом кадров пожилой казах. Поглядел он на Надю — девочка маленькая, шупленькая — и говорит: «Куда тебе работать, дочка, ручки вон какие тоненькие». Направил ее учиться в фабрично-заводское училище. Окончила его Надежда и стала токарем.

Надежда Ивановна рассказывает о своей жизни просто и открыто. Не так-то легко и ровно все было. Не всегда гладко шло дома — болел муж, дети, конечно, доставляли хлопоты.

— Да и на работе не сразу сладилось, — вспоминает она. — Пла-

кала даже вначале, когда перевели меня на зубофрезерный станок оттачивать шестерни — долго не получалось. Но рядом были старшие товарищи — Насипбай Утеулиев и Тугрик Нурмагамбаев. Они-то и научили меня работать, помогали, часто подменяли у станка, когда сильно уставала. Теперь наши аксакалы — кавалеры орденов Ленина — уже на пенсии, но я их не забываю и не забуду, наверное, никогда...

С Шаховой беседовать приятно и легко, на вопросы отвечает охотно и интересно. Но когда спрашиваю, за что ей присвоили звание Героя Социалистического Труда, смущается:

— Дело не только во мне. Советская власть вообще высоко подняла рабочего человека. Недаром ведь в нашей Конституции записано, что труд является не только обязанностью, но и делом чести советского человека. Вот я и работала честно, как мать, наставники-аксакалы наказывали. А вообще-то работать приходилось много. Всякое бывало: трудные послевоенные годы, срочные заказы, частенько оставалась и после своей смены — подменяла заболевших...

В 1959 году, когда на заводе развернулось движение «Жить и работать по-коммунистически», Шахова решила начать работать сразу на трех-четыре станках. Сладилось. Перешла на пять. А потом замахнулась сразу на семь станков. И сама испугалась, ночь не спала, перед тем как заступить на смену. Однако справилась, перекрыла все заводские рекорды. А за ней уж и другие рабочие потянулись.

Кроме заводских и депутатских дел у Надежды Ивановны есть ещё и семейные заботы. И конечно, они уж никак не на последнем плане. Ведь кем бы ни была женщина — депутатом, ученым, рабочей, — она прежде всего мать, хозяйка дома. И должна, как сказано в Конституции, «воспитывать детей, растить достойными членами социалистического общества». Да что говорить — ведь это в основном от нее, от женщины, как от хорошего дирижера, зависит общий настрой в семье.

Живут Шаховы большой семьей все вместе: старшее поколение — деды (уже на пенсии), среднее — Надежда Ивановна и ее муж, их дети — дочь Катя, сын Слава и зять Николай. И что интересно — все работали и работают на одном заводе. Целая рабочая династия! Что это — традиция или необходимость, ограниченные возможности выбора других путей в жизни?

— Пожалуй, во время войны, когда мы с матерью пришли на завод, — рассуждает Надежда Ивановна, — это была необходимость: надо было зарабатывать на жизнь, помогать фронту. Теперь выбор есть. Но вот дочь Катя после десятилетки захотела работать в моем цехе. Сын Слава, отслужив в армии, тоже пришел на завод. Сейчас он, правда, студент энергетического института. Но учиться-то его направил завод. Окончит институт и опять вернется к нам. Зять Николай, окончив техникум, работает у нас электриком и учится на заочном отделении политехнического института. Идет время, иным стал наш завод. И дети стали людьми образованными, рабочими самой высокой квалификации. Знают они больше нас, думаю, и работать будут лучше нас. И поверьте, не тянули мы их на завод

против волн. Выбирали они сами. Наверно, от деда, отца, от меня переняли вкус к рабочей профессии. А это как вкус хорошего алма-тинского яблока — неповторимый и надолго запоминается... Кстати,— продолжала Надежда Ивановна,— вы знаете, что значит «Алма-Ата» в переводе на русский? Отец яблок. Попробовала я здешние яблоки впервые в конце 1941 года, когда эвакуировалась сюда из Запорожья. Много тогда нас было, и казахи приняли всех как родных. Взяли в свои дома, поделились одеждой, едой, теплым словом обогрели...

Шахова задумалась, вспоминая былое.

— Вот так дружба народов наших и крепла. Уже сколько лет прошло, а помню я ту первую новогоднюю ночь, что встречали мы в казахской семье. В доме лишь женщины и дети. А мой отец и муж нашей хозяйки Яртай Кулумбетов и ее старший сын — за тысячи верст от нас, на фронте... Да, веселья в тот новогодний праздник мало было. Голодно, холодно, не до подарков. Но хозяйка наша полезла в погреб и достала нам, детям, каждому по большому красному яблоку. Ароматное, красивое, даже жалко было есть. До сих пор помню вкус того яблока...

АЛМА-АТА

А. ГРИНЕВСКАЯ

друг познается в беде

... Они познакомились почти двадцать пять лет назад в небольшом грузинском городке Ткварчели. Нина приехала из Москвы в гости к родственникам. И здесь встретила Хуту. Они полюбили друг друга. Следующая встреча произошла лишь два года спустя. Нина не сразу узнала Хуту, так он изменился. Оказывается, с ним случилось несчастье. Купаясь на речке, нырнул и ударился спиной о камень. Теперь инвалид, получает пенсию. Хута тогда сомневался: не изменила ли Нина к нему отношение? Все-таки связывать жизнь с инвалидом — на это не всякая девушка решится. Но, как говорят, друг познается в беде. Таким настоящим другом на всю жизнь стала для Хуты Нина. Молодые люди поженились.

— Как жили? — Нина Федоровна на мгновение задумалась. — Конечно, сначала пришлось трудно. Семейным советом решили, что обоим надо учиться. Я пошла в вечернюю школу, Хута — на курсы механиков. Потом семья стала расти: один за другим появились сыновья Арсен и Руслан. Забот прибавилось... Бывали и трудности,

но на помощь приходили люди — друзья, товарищи по работе, среди них русские, абхазцы, грузины...

Девять лет назад семья Гурджуа переехала в Сухуми. С тех пор работают на заводе «Сухумприбор». Оба — операторы вакуумной установки золочения. Покрывают золотом детали для вычислительных и множительных машин. На каждую деталь идет десятая доля миллиграмма. Работа тонкая, требует постоянного внимания и напряжения. Но основная трудность — в отчетности. За те годы, что работают Гурджуа, не было ни единого случая, чтобы затерялся хотя бы миллиграмм золота.

Когда Гурджуа начинали работать на заводе, здесь стояло лишь одно маленькое старое здание. А сейчас вырос новый производственный корпус. Вдоль него — галерея портретов передовиков социалистического соревнования. Среди них и портрет Хуты Спиридоновича Гурджуа. Вот уже несколько лет подряд его избирают членом заводского комитета профсоюза. Рабочие совместно с дирекцией решают различные производственные и бытовые вопросы: открытие нового цеха и расстановка рабочих сил, распределение квартир, путевок в санатории, ремонт столовой. У завода есть свои базы отдыха — на берегу моря под Сухуми и в горах, недалеко от озера Рица.

В праздничные и воскресные дни профком организует для рабочих поездки на автобусах и теплоходах. Семья Гурджуа объездила весь Крым и Кавказ, побывала в Прибалтике.

Люди на заводе живут дружно. Когда Гурджуа переезжали в новую трехкомнатную квартиру, пришли друзья из цеха. Быстро помогли сложиться и перевезти имущество. И уже вечером того же дня из распахнутых окон новоселов звучали песни — то напевные русские, то темпераментные грузинские и абхазские. Между прочим, завод «Сухумприбор», где работает более тысячи человек, построил уже четыре стоквартирных дома. И строит еще.

Подросли дети. Арсен окончил авиационно-техническое училище. Сейчас работает авиамехаником в Сухумском аэропорту. Руслан после средней школы поступил в Свердловский сельскохозяйственный институт.

Так живет семья Гурджуа — одна из многих в нашей стране. Дружба, взаимопомощь — вот что скрепляет ее, создает тот высокий нравственный микроклимат, свойственный нашему советскому образу жизни.

АБХАЗСКАЯ ССР

А. ПЕТРОВА

память

У времени быстрый бег. Уже не годы, а десятилетия отделяют нас от минувшей войны. Но память огненных дней жива и неистребима, как сама жизнь.

Бережно, свято сохранил эту память, образы друзей-однополчан, с которыми шагал трудными дорогами войны — пыльными и снежными, размокшими от осенних дождей и апрельской распутицы — и фронтовой шофер Джуманияз Игамов из Хивы. Он помнит их: русских и украинцев, узбеков и таджиков, казахов и белорусов — всех, кто долгих четыре года рядом с ним, не щадя крови своей, добывал нашу победу.

От Подмоскovie до Праги — весь этот долгий боевой путь 13-й гвардейской Краснознаменной Ровенской стрелковой дивизии прошел рядовой Игамов, кавалер пятнадцати государственных наград. Многие его товарищи погибли. Ему же довелось увидеть Победу. И тогда, в майские дни сорок пятого он дал клятву на всю жизнь сохранить память о погибших боевых друзьях, разыскать их родных и близких, рассказать им о ратном подвиге защитников Родины, воспитывать молодежь на патриотических традициях.

С тех пор каждый свой отпуск отправляется Джуманияз в путь по местам былых сражений. Город за городом, деревня за деревней. Позади Московская, Калининская, Ленинградская области, города и села Украины. Сколько их объехал ветеран! Он отыскал могилы около двухсот боевых товарищей, судьбы которых не были известны. С помощью газет и радио ему удалось найти и их семьи, сообщить матерям, женам, детям о мужестве их павших смертью храбрых мужей, отцов, сыновей...

Подмосковный городок Солнечногорск. Его теперь и не узнать. Шире стали улицы, выросли новые дома. И только братская могила да обелиск напомнили Игамову о том сражении, во время которого погибли здесь тридцать его боевых друзей. Учителя местной школы, узнав о приезде ветерана, попросили его провести для ребят урок мужества.

— Я даже растерялся сначала, — вспоминает Игамов. — Как можно, разве я учитель? Простой шофер, с акцентом говорю по-русски. А потом все же согласился. И не напрасно — ребята слушали рассказ затаив дыхание...

Более тридцати лет назад холм на границе Волынской и Ровенской областей именовался на оперативных картах «высотой 193». Смотрел старый солдат на обелиск, установленный местными жителями на его вершине в честь двух его друзей — Виктора Ершова и Нематтана Хакимова — восемнадцатилетних Героев Советского Союза, и во всех подробностях припомнил то трудное утро.

...Враг пятый раз бросается в контратаку на кучку наших бойцов, закрепившихся на высотке. И в пятый раз безуспешно — станковый пулемет Виктора и Нематтана поливает фашистов смертоносным огнем. Вся земля на высотке вздыбилась от артиллерийских взрывов, а пулемет все не умолкает. Тогда фашисты решают раздавить смель-

чаков гусеницами танков. Все ближе и ближе бронированные чудовища. И вот сначала Виктор, а потом и Нематтан, обвязавшись связками гранат, выскакивают из окопа и бросаются навстречу танкам. Один за другим грохочут два взрыва, и охваченные пламенем «тигры» застывают на месте...

Большой оказалась семья у Нематтана Хакимова. Кроме родных, в нее по праву вошли самая большая в Андижанской области школа и колхоз, носящие его имя. Погостил Джуманияз в семье фронтowego друга, с односельчанами встретился, в школе побывал. А вскоре на могилу Нематтана (разысканную Игамовым) приехал его отец Шукурулла Хакимов. Привез сюда горсть родной узбекской земли, а в изголодавшее посадил белоствольную русскую березку.

...Город за городом, село за селом. И всюду обелиски, обелиски, обелиски. Сначала старыми фронтowymi дорогами ветеран шел один, а как только подрос сын Уктама, стал брать его с собой. Пусть увидит следы войны своими глазами: постоит в молчании у братской могилы, подержит пробитую пулями каску, за которой, быть может, стоит чей-то последний бой, чья-то оборвавшаяся жизнь. Здесь он явственнее ощутит и поймет, почему Конституция наша строго запрещает пропаганду войны. Поймет сам и товарищам расскажет, какой ценой заплатили фронтовики за нашу нынешнюю мирную жизнь.

...О той памятной встрече Игамов помнил всю жизнь. В феврале сорок третьего гвардейцы-кавалеристы их дивизии освободили от фашистов украинское село Замост. Из полуразрушенного, обгоревшего дома навстречу им вышел старик-украинец. Со слезами радости на глазах подошел он к незнакомому солдату-узбеку, обнял его и протянул краюшку хлеба...

Приехав после войны на Харьковщину, Игамов попробовал разыскать этого крестьянина. Выступил по радио, рассказал о нем молодежи. А через несколько дней его уже обнимал восьмидесятилетний Федор Митрофанович Колонтай.

«Дорогой мой сын Джуманияз!» — так начинал потом свои письма в далекую Хиву Федор Митрофанович. И неизменно подписывался: «Ваш друг и отец». «Где хлеб кушал — сорок дней честь отдавай, где гостем был — сорок лет». Следуя этому добром узбекскому обычаю, Игамов снова приехал на Харьковщину, взяв с собой и Уктама. Они привезли на Украину восточные сладости, фрукты и узбекский хлеб — чурек. И все это с поклоном вручили Федору Митрофановичу Колонтаю...

— Пока видят глаза, пока ходят ноги, я буду продолжать свое дело, — убежденно говорит Джуманияз. — Память сердца не дает мне покоя...

В своем доме создал Игамов настоящий музей боевой славы, ставший одной из достопримечательностей древней Хивы. Сейчас в музее собрано свыше двух тысяч фотографий военных лет, множество самых разных реликвий, привезенных с полей былых сражений, горсти земли с братских могил воинов-гвардейцев 13-й стрелковой дивизии.

Здесь можно встретить людей самых разных национальностей и возрастов: ветерана войны с Украины, солдата из Сибири, школьников из Москвы... Ребят особенно много. Тут, в тиши этого необыч-

ного музея, в окружении живых примет сурового военного времени они сердцем постигают великий смысл патриотической заповеди нашего Основного Закона: «Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

УЗБЕКСКАЯ ССР

И. СЕРГЕЕВА

Жена героя

В декабре прошлого года Керимбюбю Шопоковой — знатному свекловоду Киргизии — исполнилось шестьдесят лет. Много народа собралось в тот день в клубе села Шалта, где родилась и всю жизнь трудилась Керимбюбю. Пришли ее сверстники, подруги, ученицы, колхозная молодежь. Приехали гости из соседних аилов, из района — руководители партийных организаций и представители общественности.

«Высота башни определяется ее тенью. Высота человека узнается со слов народа» — гласит восточная мудрость. Много, очень много добрых слов было сказано о Керимбюбю в тот день. Нет, не зря трудилась она не покладая рук сорок лет на свекловичных полях, не зря дарила людям тепло своего сердца, заботилась о них будучи народным депутатом.

Маленькая скромная женщина с добрыми, чуть с грустинкой глазами и опаленным солнцем лицом сидела в президиуме, смущаясь оттого, что ей одной столько внимания, а люди все говорили о ней, о ее жизни, которая вся прошла у них на виду...

В пятнадцать лет Керимбюбю уже работала на свекловичных полях. В ту пору, чтобы отвоевать у гор хотя бы пиалу плодородной земли, нужно было, как говорили старики, вытащить на себе два кургана камней. Вся же «механизация» — кетмень да собственные руки.

Появление первого трактора взбудоражило весь аил. Как стайка воробьев, мчались за ним любопытные ребятишки. Недоверчиво покачивали головами старики. На железном коне горделиво восседал вожак колхозной комсомолки Дуйшенкул Шопоков. Счастливая улыбка сияла на его перепачканном мазутом лице. А вскоре односельчане заметили, что тракторист неравнодушен к юной Керимбюбю. И не успела по аилу разойтись молва об их дружбе, как ее догнала новая: Дуйшенкул и Керимбюбю поженились...

Недолгим было счастье молодоженов. Черной зловещей птицей ворвалась в Шалта весть о войне. Один за другим стали уходить на фронт односельчане. В июле сорок первого ушел и Дуйшенкул.

Вечерами, возвратившись с поля, жадно перечитывала Керимбюбю весточки с фронта. Письма согревали, вселяли надежду. Но скоро почтальон перестал заходить к Шопоковым. Керимбюбю сама

ловила его, заставляла еще и еще раз перебирать письма и, не получив ничего, молча уходила.

«Дуйшенкул вернется, не может не вернуться! Ведь он же обещал!» — успокаивала себя Керимбюю. А горе уже подстерегало ее у порога. Заболел Сатарбек, годовалый сыннишка. И сутки не прошли — малыша не стало.

Несколько дней не видели Керимбюю на свекловичном поле. Укрывшись от посторонних глаз, в одиночестве переживала она свою беду.

В то время на одном из подмосковных рубежей в районе разезда Дубосеково небольшая группа отважных советских бойцов ценою жизни преградила путь лавине вражеских танков. Среди двадцати восьми отважных панфиловцев был и тракторист из Чуйской долины коммунист Дуйшенкул Шопоков.

О подвиге героев узнала вся страна. В дом к Керимбюю пришли секретарь райкома партии и председатель колхоза. В исхудавшей, осунувшейся женщине трудно было узнать всегда веселую неунывающую Керимбюю. Нет, не могли они сообщить ей сейчас страшную весть. Через несколько дней пришли снова

— Керимбюю, можешь гордиться. Твоему мужу присвоили звание Героя Советского Союза...

Она посмотрела на мужчин пристальным взглядом. Не выдержав, те опустили головы. И женщина все поняла.

— Убит... — чуть слышно прошептала она бескровными губами.

Горе за горем ходило по селу, стучалось в дома вместе с «похоронками». Но, выплавав первую боль, женщины вновь выходили на колхозные поля. Вышла к людям и Керимбюю. Вместе с сочувственным горю прочла она в их глазах немой вопрос: как-то будет жить дальше жена героя? Очень любили в колхозе тракториста Дуйшенкула, а сейчас гордились его подвигом не только в селении Шалта — вся Киргизия. Керимбюю пришла в правление колхоза и предложила организовать комсомольско-молодежное звено по выращиванию сахарной свеклы. Обязательства, которые взяло звено, вызвали сомнения у многих. Справятся ли молодые женщины?

Если бы заснеженные хребты Ала-Тоо, что, как часовые, стоят на кромке колхозных полей, могли говорить... Ох, как много рассказали б они о тех, кто от зари до зари рыл скупую землю, лелея молодые посевы. И земля расщедрилась, отблагодарила их за труды. Всю Чуйскую долину облетела весть о достижениях комсомольско-молодежного звена Шопоковой, собравшего более четырехсот центнеров свеклы с гектара. А ведь для суровых предгорий Ала-Тоо даже сто центнеров считались хорошим урожаем. Но Керимбюю и ее подруги уже думали о большем. Жадно читали они учебники по агрономии, советовались с опытными свекловодами, а сама звеньевая не раз ездила в районный центр консультироваться со специалистами-агрономами. И вот рекордный результат. 707 центнеров с каждого гектара. Это был подвиг. Трудовой подвиг. Рядом с другими наградами — орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина — на груди у Керимбюю сияла Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

А как возмужала, окрепла духом молодая женщина. В 1944 году

она стала коммунистом, в 1946-ом ее избрали депутатом Верховного Совета СССР. И Шопокова не подвела тех, кто оказал ей столь высокое доверие. Более четверти века земляки избирали ее депутатом Верховного Совета СССР, Верховного Совета республики. Она была делегатом многих съездов партии, членом Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии и членом Президиума Верховного Совета республики. Несколько лет Керимбюбю руководила исполкомом Джаламышского сельского Совета Сокулукского района. Тогда, оправившись от тяжких последствий войны, благоустроивалось село Шалта.

Энергия Керимбюбю казалась неистощимой. Председатель сельисполкома занималась и электрификацией домов колхозников, и благоустройством дорог, и обеспечением села питьевой водой. Ее видели то в поле, то в медпункте, то в школе. Но вот она уже мчится в район — хлопотать о стройматериалах, а вечером собирает сельских активистов. Много хорошего сделала тогда для родного аила и его жителей Керимбюбю. Но поле манило ее, и она снова вернулась к нему.

В Шалта, да и в окрестных селениях почтительно зовут Керимбюбю эже — старшей сестрой. И нет, наверное, в республике человека, который не знал бы о ней, о ее трудовом подвиге.

Сейчас Шопокова на заслуженном отдыхе. Да только усидит ли она без дела? А дела есть, и очень важные. Пионеры из средней школы имени Дуйшенкула Шопокова поселка Кара-Балты приглашают ее на свой Первомайский парад, а школьники из Ошской области просят прислать фотографию и рассказать, как ей и ее подругам удалось добиться таких высоких урожаев. «Мы знаем, что все профессии почетны, — пишут школьницы из Нарынской области. — Нам пришла пора выбирать свой путь в жизни. Поэтому мы обращаемся за советом к Вам, знатной дочери нашего народа, которая добросовестным трудом заработала славу. Что Вы нам посоветуете?» И всем надо ответить, дать совет, выступить на пионерском сборе. Керимбюбю часто бывает в мемориальном музее Дуйшенкула Шопокова, открытом в Шалта, помогает школьникам в создании уголков боевой и трудовой славы и никогда не забывает о поле...

Её поле. Журчит вода в арыках, доносится веселый девичий смех, заглушаемый рокотом тракторов. Сейчас здесь другая «хозяйка» — звено Шопоковой приняла ее ученица Бейшегюр Момункулова. Звеньевыми стали Токтосун Садыкова, Тургун Джеггимбаева и другие. Но вот пришла Керимбюбю, и молодые свекловичницы шумливой стайкой окружили ее.

— Скажи, эже, посоветуй, объясни...

И Керимбюбю щедро делится своим опытом, знаниями, житейской мудростью.

...Разъезд Дубосеково под Москвой. Здесь теперь возвышается памятник. Им, панфиловцам, воинам-героям разных возрастов, разных национальностей. Летопись Великой Отечественной и память народная увековечили их имена.

Первый раз Керимбюбю побывала здесь в сорок шестом, когда избрали ее депутатом Верховного Совета СССР. А потом, приезжая на сессии, она снова и снова спешила сюда. В рощице, посаженной

делегатами III Всесоюзного съезда колхозников, шумит, набирает силу и посаженный ею дубок в память о Дуйшенкуле.

Имя Дуйшенкула Шопокова носит его родной колхоз, в списках которого он остался навечно. А когда первые лучи солнца освещают гребни Ала-Тоо, их блики золотят небольшую мраморную стелу, на которой высечено имя героя-панфиловца Дуйшенкула Шопокова, за ней начинается поле, его зовут полем Дуйшенкула. Право работать на нем предоставляется правлением колхоза лучшему свекловодческому звену. И звено Керимбюбю Шопоковой всегда трудилось на этом поле.

с. ШАЛТА,
КИРГИЗСКАЯ ССР

И. СЕНЕЦКАЯ

Ветеран войны — прокурор района



Георгий Иванович Устюгов, прокурор Ленинского района Красноярска, — ветеран Великой Отечественной войны. В грозном сорок втором, закончив среднюю школу, в составе Сибирского добровольческого военного соединения ушел он на фронт. Неоднократно был ранен, но каждый раз возвращался в строй. О его воинской доблести свидетельствуют многочисленные боевые награды, которые надевает ветеран в торжественные дни.

После войны Георгий Иванович вернулся в родные края, стал работать в прокуратуре.

Трудно приходилось вначале, не было опыта, юридического образования. Иногда и рассветы заставляли Устюгова за письменным столом. Работал и учился. Окончил курсы следователей в Свердловске. Там получил теоретическую подготовку. Ну а опыт добывал в работе с помощью старших товарищей — работников прокуратуры. И каким бы сложным ни было дело, он всегда настойчиво и терпеливо искал истину, помогая вершить правосудие.

Уже в зрелые годы Георгий Иванович получил университетское образование и был назначен прокурором района.

— Нам, прокурорским работникам,— говорит Георгий Иванович,— приходится быть не только юристами, но и психологами. Ведь человеческие судьбы, характеры людей, особенно подростков,— очень и очень сложный мир. Именно поэтому нам приходится большое внимание уделять профилактике правонарушений, чаще бывать в школах и на заводах, в институтах и профтехучилищах, что называется, на местах заниматься правовым воспитанием населения...

Тесная и деловая связь, налаженная прокуратурой Ленинского района с общественными организациями и предприятиями, помогает бороться с нарушениями трудовой и производственной дисциплины, расхитителями социалистической собственности, бракоделами. Конечно, о всех сторонах беспокойной работы Георгия Ивановича в одной заметке не рассказать. Но везде и всегда коммунист Устюгов безупречно выполняет свои ответственные обязанности прокурора района. Недавно к боевым наградам Георгия Ивановича прибавилась еще одна — он награжден орденом Трудового Красного Знамени.

П. БОЧИЛЛО

КРАСНОЯРСК

Вернули к жизни

Я никогда раньше не писал в редакции, но вот после недавнего тяжелейшего события решил послать вам письмо. Хочу рассказать о безграничной душевной щедрости людей, с которыми мне довелось пройти по жизни.

Начну с того, что дважды в жизни я был буквально на краю гибели. Первый раз еще в раннем детстве, в годы войны, когда меня, рискуя жизнью, спас от смерти при бомбежке простой русский солдат. Родители погибли, и этот солдат, ставший для меня самым родным человеком на свете, дал мне свою фамилию. Рос я в детском доме, где воспитатели заменили мать и отца, научили любить труд и свою Родину.

В 1964 году по призыву партии я поехал на целину. С тех пор жил и работал в Казахстане электромонтажником. И вот полтора года назад со мной случилось большое несчастье. Я получил тяжелые травмы позвоночника, сильнейшее сотрясение мозга. Потерял слух, отказали руки и ноги. Казалось, состояние безнадежное...

За мое лечение взялся нейрохирург Петропавловской областной больницы Владимир Васильевич Карпухин. Он срочно вылетел на место происшествия (хотя мог этого и не делать — ведь случилось это все в другой области) и сам сопровождал меня в петропавловскую больницу. Несколько суток подряд он почти неотлучно находился у моей кровати. И лишь когда я пришел в сознание, буквально валившийся с ног хирург позволил себе короткий отдых. Долго, очень долго боролись за то, чтобы сохранить мне жизнь, Владимир

Васильевич и его коллеги С. Б. Коспанов, М. М. Ушакова, В. Д. Меллер, Р. Ф. Лебедева, Л. Т. Трушникова, А. А. Юшкевич и многие другие медицинские и технические работники больницы. Ценой невероятных усилий эти люди вернули мне здоровье. Я думаю, они сделали больше того, что требуют от них закон и клятва Гиппократ, потому что коммунистический принцип «человек человеку — друг, товарищ и брат» уже стал частью их трудной, но благородной жизни. Спасибо им за все!

И еще. Недавно я написал письмо директору моего родного детского дома, что в полтавском селе Яхники. И что же вы думаете? Столько лет прошло, а не забыл меня Александр Владимирович Юрченко. Ответил, что сам давным-давно на пенсии, да и воспитатели мои почти все на заслуженный отдых ушли. Пишет — приезжай, да торопись: многим уже за восемьдесят, опоздать можешь. Далеко от Казахстана Полтавщина, но в это лето, «кровь из носа», а поеду на Украину. И обязательно заеду в Москву, схожу на могилу Неизвестного солдата. Поклонюсь от всех воспитанников нашего детского дома.

Г. ДЕРКАЧ

ПЕТРОПАВЛОВСК

материнский поклон

Хочу рассказать о хороших людях, которые помогли мне в трудную минуту.

Семейная жизнь у меня не сложилась — муж пил, буянил, и не было у нас с сыном не только счастья, но и мало-мальского покоя в доме. До милиции дело доходило. Хорошие там люди работали — все старались меня с сыном в обиду не дать и мужа к нормальной жизни вернуть. Помучились мы тогда вместе с участковым инспектором немало — да, видно, не судьба. Развелась я и уехала с сыном Виктором из города Моспина, что в Донецкой области (там мы жили), в грузинский город Гори. Устроилась на работу, Витя в школу пошел. После восьмилетки сын опять поехал в Моспин — в ПТУ учиться (там его бабушка по отцу осталась). Закончил плохо. Все письма писал. И вдруг ни ответа ни привета. Подождала я немного. А потом разнервничалась, сердце даже схватило. По этой причине и поехать туда не смогла. Чего я только не передумала, а потом решила — напишу старым знакомым, в милицию. Сознаюсь, сначала и ответа не ждала — мало ли у них дел своих! Но они ответили подробно, с толком. Успокоили: все, мол, в порядке, скоро приедет к тебе сын.

Не стану пересказывать всего письма моспинской милиции, но из него я узнала, что в армию Виктор пойдет достойным человеком. И еще я поняла, что есть в том заслуга заботливых людей из моспинской милиции. Материнский им поклон и сердечное мое спасибо.

ГОРИ

В. К-ва

ОСТАНОВИТЬ „ДИКОГО“ ТУРИСТА!

Повышение благосостояния советского народа и увеличение свободного времени способствует тому, что в дни отдыха и в отпускное время миллионы людей устремляются за город, на лоно природы, отправляются в многодневные путешествия. Об огромной пользе туризма — наиболее доступной и полезной форме активного отдыха трудящихся — говорить не приходится. Вместе с тем нынешний туристский бум выявил и ряд серьезных (в том числе правовых) проблем, связанных главным образом с безудержным развитием неорганизованного или, как еще называют, «дикого» туризма. Своими размышлениями об этом делится мастер спорта, ответственный секретарь Федерации туризма Центрального совета по туризму и экскурсиям Владислав Юлианович ПОПЧИКОВСКИЙ.

■ на в крови у нас, эта страсть к дороге, желание увидеть новое, неизведанное. Да и вообще смена привычной, повседневной обстановки дает человеку возможность встряхнуться, получить заряд бодрости и здоровья. Поэтому люди все чаще проводят свободное время в путешествиях.

Для тех, кто хочет путешествовать с комфортом, в нашей стране организованы так называемые плановые маршруты. То есть человек приобретает путевку и обеспечивается в пути всем необходимым: жильем, питанием, туристским снаряжением, транспортным и экскурсионным обслуживанием. Путешествовать по путевкам можно пешком, на лодках, на лыжах по определенным, заранее разработанным маршрутам. В последние годы большое развитие получили путешествия на пароходах и туристских поездах. В 1977 году на плановых туристских маршрутах (а их сейчас в стране насчитывается более семи тысяч) обслужено более 25 миллионов человек.

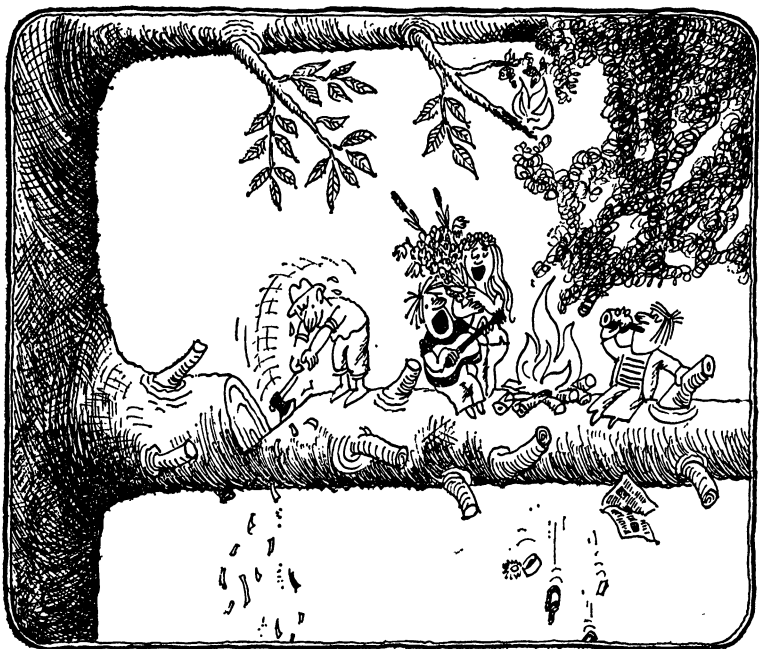
С каждым годом в нашей стране растет популярность и организованных самостоятельных походов и путешествий. Туристы сами вы-

бирают и разрабатывают маршруты, сами обеспечивают себя в пути. Хорошо организованное путешествие укрепляет здоровье, вырабатывает инициативу, мужество, находчивость, чувство коллективизма, расширяет кругозор, воспитывает любовь к природе, к Родине. Человек, вернувшийся из такого путешествия, преодолевший все трудности и лишения, испытывает ни с чем не сравнимое чувство победителя, землепроходца. Отдых в этих путешествиях сочетается с общественно-полезной работой: изучением природных ресурсов, географическими наблюдениями. Туристы ведут агитационную и пропагандистскую работу среди населения, участвуют в борьбе с браконьерами, помогают охранять природу.

Путешествовать волен каждый. Нехитрое походное снаряжение можно купить или взять напрокат. И вот многие люди, чаще молодые, не имея нужных навыков и опыта, подробных схем и описания маршрута, специального снаряжения, не имея представления об ожидающих их трудностях и опасностях, отправляются бродить по свету, по разным уголкам нашей необъятной страны. Кроме родственников или друзей, никто не знает, где они бродят, никто не сможет в случае необходимости прийти им на помощь. Чаще всего такие «туристы» возвращаются домой неудовлетворенными, не пройдя намеченного маршрута, не победителями, а побежденными. А бывает, и не возвращаются, как это было зимой 1977 года с четырьмя москвичами, навсегда оставшимися в снежной лавине на Кольском полуострове. Многочисленные группы иных «землепроходцев» каждую субботу и воскресенье, в особенности летом, располагаются биваками в пригородных лесах, на берегах рек и водоемов. И если они не знают чем себя занять (а такое случается нередко), после их нашествий остаются горы консервных банок, выжженная земля, поломанные деревья.

«Дикие» туристы... В большинстве своем они не знают, куда обратиться, не знают (или не хотят знать!), что существует туризм организованный. А между тем самостоятельный туризм имеет сейчас четкие организационные формы, прочную материальную базу и по массовости занимает третье место среди других видов спорта. В 1977 году при Центральном совете по туризму и экскурсиям создана Федерация туризма, которая объединяет теперь любителей пешеходного, лыжного, горного, водного, велосипедного, автомо- и спелеотуризма. Организованы такие федерации и при всех республиканских, краевых и областных советах по туризму и экскурсиям. Десятки тысяч туристских секций и клубов объединяют сейчас более 5 миллионов человек.

Массовое развитие самостоятельного туризма требует постоянной заботы о безопасности путешествий. В этих целях, в частности, создана туристская контрольно-спасательная служба, к работе которой привлекаются квалифицированные активисты-общественники. В наши дни в наиболее посещаемых туристами районах страны (таких, как Карпаты, Крым, Кавказ, Кольский полуостров, Урал, Памир, Тянь-Шань, Алтай, Саяны...) действуют 48 штатных контрольно-спасательных служб и 103 контрольно-спасательных отряда. Конечно, даже самая активная деятельность этих служб не может гарантировать полную безопасность, ведь когда группе придется преодолевать сложные препятствия, когда она столкнется с неожиданной



опасностью, решение необходимо будет принимать самостоятельно, и правильность его будет зависеть от подготовки туристов, от их опыта, приобретенного в предыдущих походах.

Поэтому, чтобы свести к минимуму возможность несчастных случаев в походе, все туристы обязаны строго выполнять «Правила организации и проведения самостоятельных туристских походов и путешествий на территории СССР», согласованные с одиннадцатую союзными министерствами и ведомствами и утвержденные президиумом Центрального совета по туризму и экскурсиям. Эти правила подразделяют все самостоятельные туристские маршруты на шесть категорий сложности, каждая из которых определяется количеством, разнообразием естественных препятствий на маршруте, его протяженностью и продолжительностью.

Нельзя участвовать в походе и руководить им, не имея опыта участия и руководства в путешествии предыдущей категории сложности. Поскольку преодоление препятствий в путешествии требует коллективных усилий туристов (организация переправ, обеспечение страховки и так далее), правила определяют обязательное число людей в группе. Уменьшение состава группы особенно сказывается в аварийных случаях, когда нужно транспортировать пострадавшего или послать часть группы за помощью. Так, летом прошлого года четверо туристов из Новосибирска и Омска, не оформляя маршру-

та, отправились в сложное путешествие на Памир. Двигаясь по леднику Сугран, они пренебрегли страховкой, и один из них провалился в трещину. Попытки вытащить его своими силами оказались безуспешными. Было потеряно слишком много времени, и помощь пришла поздно.

Прежде чем отправиться в путешествие, группа, и в первую очередь ее руководитель, должна тщательно изучить район путешествия, получить консультацию опытных туристов, познакомиться с отчетами, иметь хорошие карты и подробные схемы сложных участков. Иначе поход может закончиться печально. Да вот недавний случай. Группа туристов из Кирова в сентябре прошлого года решила пройти довольно простой маршрут в Фанских горах (Памиро-Алай). Потеряв ориентировку в самом начале путешествия, туристы вместо сравнительно простого перевала Полтава поднялись по легкому пути на очень сложный в преодолении перевал Седло московской. Район этот они почти не знали, а потому решили спускаться по крутому ледовому склону на ледник Сарыходан. В результате срывов погибли руководитель и один из участников группы.

Собираясь в поход, туристы обязаны правильно составить график маршрута, установить контрольные пункты и сроки, стать на учет в контрольно-спасательной службе, обслуживающей район путешествия.

Заключение о подготовленности группы к путешествию по назначенному маршруту, обеспеченности ее необходимым снаряжением обязана сделать маршрутно-квалификационная комиссия совета по туризму. И если группа отвечает всем требованиям правил, эта комиссия выдает туристам маршрутную книжку — документ, который дает право группе на совершение путешествия той или иной категории сложности.

Таким образом, выполнение правил организации и проведения самостоятельных туристских походов и путешествий на территории СССР в большой мере гарантирует безаварийность похода. Статистика свидетельствует, что подавляющее большинство несчастных случаев происходит с теми туристами, которые их нарушают.

К сожалению, вместо пропаганды этих правил, вместо показа отлично проведенных, интересных, изобилующих приключениями походов, вместо рассказов о людях, своим мужеством и умением преодолевающих препятствия, на страницах некоторых наших газет и журналов зачастую приходится читать публикации о разного рода походах и экскурсиях, прямо-таки дезориентирующих любителей путешествий.

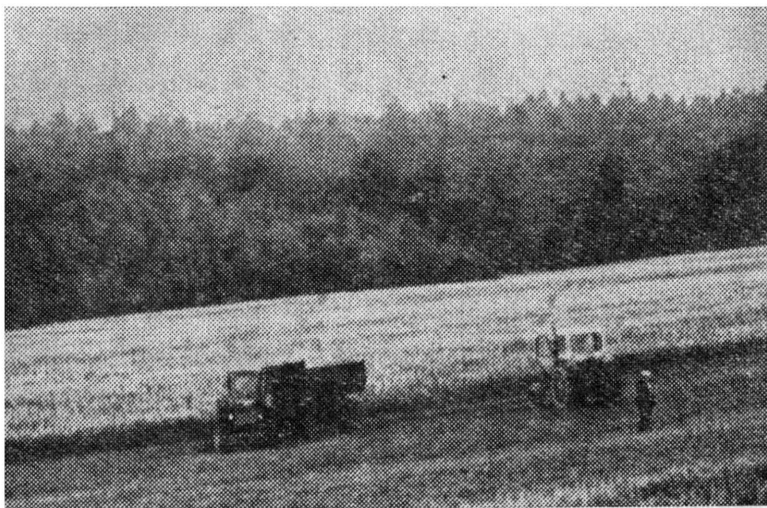
В последнее время то и дело появляются сообщения о сверхдальних переходах из Сибири до западных границ нашей страны (и наоборот) путешественников-одиночек, чаще солидного возраста, этаких «рыцарей дальних дорог, бросивших вызов веку прогресса и урбанизации». Да пусть они себе ходят на здоровье, если есть свободное время и средства. Но нужно ли так много писать об этих, нередко сомнительных по своим целям мероприятиях? Думаю, что нет. И вот почему. В Центральный совет по туризму и экскурсиям поступают письма, выдержки из которых уместно здесь привести: «Прошу дать мне официальный документ, путевой лист, для посещения всех двух тысяч городов Советского Союза, который я смогу

заверять в исполкомах посещаемых мною городов в качестве самостоятельного туриста. Цель маршрута — детальное знакомство с нашей страной. В пути намерен подрабатывать...»

Или такое: «Покорителем Северного полюса признан Пири, достижение которого пытался опровергнуть Кук. Ученые пришли к общему мнению, что ни Пири, ни Кук не достигли полюса. Достижение полюса силами современной техники не разрешает спора исследователей. Чтобы поставить точки над «і», в память погибшим на пути к полюсу, я решил в 1978 году пройти в одиночку с собачьей упряжкой, без средств связи и страховки от побережья до полюса. Финансирование возлагаю на себя. Прошу выдать мне маршрутный лист и навигационные карты...» Комментарии, как говорится, излишни! Начитались, наслушались и собрались в путь-дорогу.

Газета «Комсомольская правда» организует в последние годы научно-спортивные экспедиции. Многие из них (например поиск следов пропавшей экспедиции Русанова) действительно представляют научный интерес, проводятся опытными людьми и обеспечиваются всем необходимым для успешного выполнения поставленных задач. Но вот последняя экспедиция газеты и рассказ о ней «Трое в тайге» вызывают по меньшей мере удивление... Эксперимент на выживание людей, заблудившихся в тайге без пищи, средств связи, контрольных сроков, был грубейшим нарушением элементарной техники безопасности, по словам самого же автора записок. Да и стоило ли его проводить? И не нужно вырабатывать полезные советы для заблудившихся в тайге — они давно уже выработаны. А главное — очерки эти написаны в столь развеселом тоне, что могут повлечь подражания, последствия которых обычно бывают плачевными...

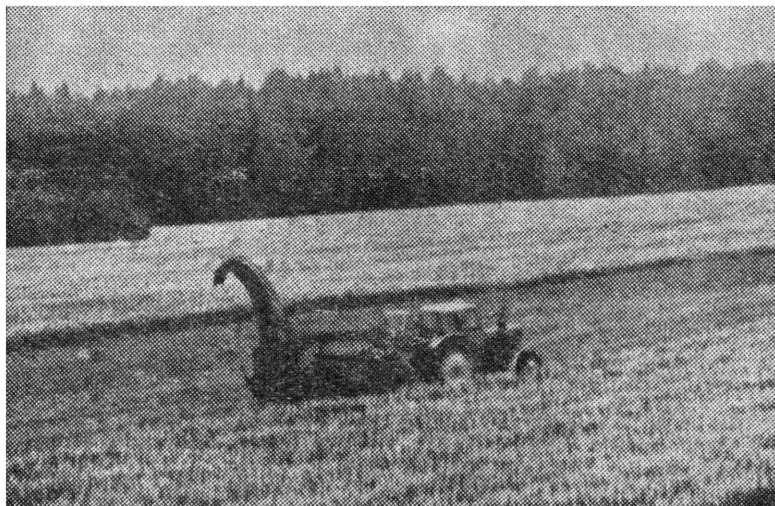
С каждым годом уменьшается количество «диких» туристских групп. И это закономерно. Растет сеть опытных маршрутно-квалификационных комиссий, их оперативность и четкость в работе. Библиотеки туристских клубов и секций пополняются отчетами о путешествиях. Получить исчерпывающую информацию по району путешествия, оформить нужные документы — не бог весть как трудно. И соблюдение «Правил организации и проведения самостоятельных туристских походов и путешествий на территории СССР» становится нормой для всех любителей походов, ибо правила эти не выдуманы, в них учтены опыт, промахи и ошибки многих поколений туристов. Все их положения проникнуты заботой о том, чтобы туристские путешествия приносили людям не увечья и горе, а здоровье и радость.



СВОЙ ОГОРОД

IV

Эти заметки я начал с новгородских звеньев только потому, что урок, преподанный ими, совсем еще свежий, очень пригоден для распространения в самых, что называется, обыкновенных условиях. И убедительно свидетельствует об огромных ресурсах поля, которое нас кормило, кормит и способно, повторяю, кормить значительно щедрее самых ухоженных огородов. Теперь речь пора повернуть к доводам против звена, приведенным в начале очерка. Ответы на эти доводы получены совсем в другом месте и, надо сказать, уже давным-давно. Добыты они на Кубани в звене Героя Социалистического Труда, делегата XXV съезда партии Владимира Яковлевича Первицкого, к чьему опыту нам придется еще не раз возвращаться, осмысливать, рекомендовать для раздумий другим. Ибо то, через что прошел Первицкий, прежде чем достиг со своим звеном блистательных успехов, предстоит пройти многим. Он продвинулся дальше других по той же причине, что и новгородцы, хотя его звено, надо сказать, трудится в условиях, о которых новгородцы еще только мечтают и которые создает им сейчас обширная программа развития российского Нечерноземья.



И ПОЛЕ ЗА НИМ

Конечно, в отличие от новгородской, земля, на которой работает звено Владимира Первицкого, всегда была плодородной. Осадки — не очень обильные, а все-таки падает их в год по пятьсот миллиметров, даже с небольшим гаком. Техники у Первицкого в достатке, как и положено звену научно-исследовательского института, занимающегося испытаниями самых перспективных машин. Наших, американских, французских, канадских, югославских, немецких... На полях институтского опытного хозяйства выверяется то, что придет в широкую практику колхозов и совхозов как в недалеком, так и в далеком будущем.

Не исключено, что кому-то такая ситуация может показаться негипичной — слишком, мол, вольготно, всего тут через край. На деле же условия эти типичны по той причине, что в дне сегодняшнем здесь, как нигде зримо, можно увидеть не только радости, но и сложности дня завтрашнего.

Так вот, еще в пятидесятых годах в институте возникла дерзновенная идея — возделывать кукурузу на огромных площадях только механизированным способом, без применения ручного труда. Для реализации замысла создавались сеялки, техника ухода. Разрабатывалась технология обработки почвы, посева, культивации междурядий... Можно было бы привести длинный список лабораторий, от-

делов, конструкторских бюро, экспериментальных цехов, заводов. Миллионы и миллионы рублей затрат, опытные образцы, переделки. Работа шла напряженно. Но ладилась! И уже виделась сладостная картина: поля без женщин, согбенных под жарким солнцем с тяпками в руках над бесконечно длинными рядками кукурузы, убегающими за горизонт. Пришла пора начинать хозяйственные испытания и комплекса машин, и самой технологии. Тему эту вели заведующий лабораторией агротехнических исследований, авторитетнейший агроном, ученик Вавилова, школьный и институтский однокашник кубанского «пшеничного батьки» Лукьяненко, кандидат сельскохозяйственных наук Андрей Алексеевич Васильченко, совсем еще молодые экономист Александр Еркаев, инженер Лев Коноваленко и тогдашний директор института Александр Иванович Оськин. Казалось, и на последнем этапе все обойдется гладко. Казалось...

И не сбылось. Идея рушилась все из-за той же крупнобригадной организации труда механизаторов и сдельной пооперационной оплаты работ. С осени поле пахали одни трактористы, сеять присылали других, культивировали плантацию и вносили гербициды, чтобы «попасть» сорняки, третьи. Сеяльщик здесь меньше всего заботился, чтобы семена ложились на одну глубину, — поэтому всходы оказывались пестрыми. В кривых рядках многие растения потом срезались культиваторными лапами.

Сорняки же росли своим чередом.

Институтская кукуруза решительно ничем не отличалась от растущей в окрестных колхозах. А если и отличалась, то только тем, что давала урожай пониже, потому что в колхозе после «техники» на поле выходило больше «белых платочков» и даже за председательской женой закреплялась на пору ухода деланка.

Так что же, миллионы выброшены впустую? Не нужны ни новые системы машин, ни технология? Ни повышенные дозы удобрений и химические средства борьбы с сорной растительностью? Выходит, прав Глеб Успенский, когда в своей «Власти земли» утверждает, что былинка может вырасти, а может и не вырасти, что все будет так, как захочет, как сможет земля... Нет, нет и нет! Через годы Александр Дмитриевич Еркаев скажет мне: «Лошадь ли с сохой, тракторная ли громада с плугом, пашущим хоть по колено, — все это лишь эпизодические средства воздействия человека на землю. Сегодня они одни, завтра — другие. На первом месте здесь — человек и его цели во взаимоотношениях с землей. А цель должна быть одна — все возрастающий урожай при заботливо наращиваемом плодородии земли».

Вот тогда-то и возникло решение — доверить Владимиру Первицкому весь комплекс работ по возделыванию кукурузы. От вспашки до уборки урожая. На невиданной по тем временам площади — 300 гектаров! — предложили работать только двум человекам. И платить пообещали «с урожая». А точнее, Первицкому и пожилому трактористу Ивану Александровичу Карнауху дали на руки технологическую карту, в которой было досконально, на весь год, расписано, что и когда им предстоит делать, объяснили, что деньги поначалу им будут выплачиваться с выработки, а за перевыполнение плана урожайности — после уборки, когда «подобьют бабки», следует премия. И будет она тем значительней, чем выше окажется

добавка к плану. Вроде все ясно-понятно — вдвоем делать одно дело, от начала до конца. Но в середине месяца придешь за получкой, и выдадут тебе ее за работу, конкретно выполненную одним, и, опять же конкретно,— другим. А работа-то эта разная: подготовка почвы — второй разряд, посев — шестой. К тому же Первицкий, хоть и молодой, а все тонкие операции делать умеет мастерски. «Значит,— рассуждал Иван Александрович,— я у него буду на подхвате, попыхачем».

Раз появившийся, этот холодок отчуждения не давал Карнауку покоя. Как-то он сказал Первицкому, что глотать пыль на культивации ему надоело и теперь он будет сеять. Первицкий согласился, но шел за агрегатом и видел — не получается у Александровича, портачит. Поругались. И крепко. Сеял дальше Первицкий. А когда проклюнулись всходы, выяснилось: квадраты у Карнаука на целых десяти гектарах не вышли.

Чтобы конфликты из-за выгодных или невыгодных операций впредь не повторялись, Первицкий пошел в контору с просьбой платить обоим поровну. Но там сказали, что так делать нельзя, что работа каждого ежедневно замеряется и труд оплачивается по нарядам. Тогда они с Карнауком стали получку делить пополам. Так было до самой уборки.

Косить кукурузу договорились так — по очереди работать на комбайне и на перевозке початков. У Карнаука комбайн то и дело ломался, чинили машину вместе, а вскоре погода испортилась совсем, и Иван Александрович перебрался на выгодную пахоту. Впервые в получку старый тракторист и должен был подкинуть часть заработка звеньевому. И не расплатился. стыдно было Первицкому и за товарища, и за себя. Пошел к Еркаеву и потребовал построить оплату так, чтобы на любой работе получать одинаково, а еще лучше — вообще не считать выработку. Скажите, сколько мы должны дать зерна, сколько затратить на производство и сколько нам заплатят за центнер. А до уборки каждый месяц давайте только аванс. Иначе — разгоняйте звено. Толку не будет от нас никакого. Это, поймите, не каприз.

И Еркаев согласился с Первицким.

Потом в звене добавился еще один механизатор — Федор Галка. Вскоре троим они возьмут 400 гектаров кукурузы на зерно, 160 — на силос, 40 гектаров подсолнечника... Потом размахнут плантации кукурузы до 900 гектаров. И придут ошеломляющие результаты — звено Владимира Первицкого опередит показатели американского фермера Гарста, о котором много писалось по всему свету. Еще бы! У Первицкого на центнер кукурузного зерна стало уходить меньше 11 человеко-минут. Делался тот центнер в 12—15 раз быстрее, чем в среднем по Новокубанскому району. А обходился лишь в 42 копейки.

И это у Первицкого, который еще вчера тоже был сдельщиком. У паренька, чью школу война оборвала на пятом классе, вынудила с такими же, как он, хлопчиками и девчушками, пахать одичавшие поля ломаными-переломанными плужками и утешать мать, исходящую слезами над отцовской «похоронкой». Этот паренек удостоился золотой геройской звезды, избрания в Верховный Совет страны, стал членом бюро райкома партии и членом краевого комитета КПСС.

Впоследствии во многих местах появились — они организуются и сейчас — звенья, специализирующиеся на возделывании кукурузы и свеклы, хлопка и пшеницы. Они тоже показывали результаты великоленные. Но Первицкий, анализируя итоги, убеждал, что сделана лишь половина дела. Заботами об одной культуре весь год не займешь, в длинных пустотах, как в повести Залыгина «На Иртыше», надо идти в контору и спрашивать: «А скажи, ягодка Фофан, что мне сегодня робить?»

Чтобы добиться полной занятости, звено распространило свои заботы на полный севооборот культур, и уже многие годы двенадцать человек хозяйствует почти на двух тысячах гектаров земли. Когда-то на такой площади жили целым колхозом. При этом к «кукурузным» рекордам звено скоро добавило и «подсолнечные», «пшеничные», «гороховые». Это здесь на сверхвысоком урожае опробовались «зубы» новых «Колосов» и «Нив». Видавшие виды заводские конструкторы поразились, впервые попав на пшеницу, которая давала по 80 центнеров зерна с гектара.

И все-таки как-то быстро призабылся конфуз с «кукурузной» идеей, которая не шла, с плантациями, зарастающими сорняками. Одни ехали в институт за опытом, а другие — за доводами относительно того, что рекорды эти получены «в тепличных условиях». Одни внедряли «метод Первицкого», организовывали школы его имени, вникали в суть дела со всеми его сложностями и нерешенными вопросами, другие... Каких только версий они не распространяли. И что кукурузу ту обхаживают всем институтом, а хвала достается одному Первицкому, и что близко у него залегают подпочвенные воды, а земли расположены в «ветровой тени...» Что ж, «богату — ветер всегда в спину», а люльку его детям «черти колышат» — такое из ревнивой зависти говорится давно. Но если урожай да себестоимость еще можно было признать (пусть надрываются), то несказанно высокие заработки наверняка состоят, мол, из приписок. А тут еще случилось по одному году, что на каждого пришлось в звене по 501 рублю среднемесячного заработка.

Крутая каша заварилась. Комиссия за комиссией перетряхивали все, что можно было перетрясти. Нарушений не обнаружили: каждая копейка платилась по закону. Осталось одно — пересмотреть расценки, чтобы «не платить помногу». И пересмотрели.

Может, действительно, концы здесь в чем-то не сходятся? Нет! Трудовые затраты на центнер продукции у звена в 3—4 раза ниже, чем в среднем по Кубани, а производительность труда в 10—12 раз выше. Почему? Откуда такой всплеск? Дело в том, что нет в звеньях трактористов или комбайнеров, здесь каждый работает на любой машине, досконально знает технику, ибо от того, какой у тебя механизаторский класс, заработок тоже зависит. Далее. Курс на урожай заставляет хорошо знать не только машины, но еще и землю, растения, сидеть по вечерам над книгами по агрономии, почвоведению, агрохимии, защите растений. Агроном здесь уже не контролер, а советчик, товарищ по интересам. Любая поломка в поле — не предлог проволынить день в мастерской и получить «по среднему», а ЧП. И поломку товарищи помогают, если надо, устранить моментально. А взять удобрения. Их здесь не «вывозят» в поле — их вносят в почву. Или такая щепетильная вещь, как плановые показа-

тели. В звене Первицкого они исчисляются по трем последним урожаям. Справедливо? Вполне. Выдался благоприятный год — план на следующий сезон резко подскочит. Значит, ищи резервы перекрыть и его. Ударила засуха, получили меньше? Что ж, на следующий год задания понизятся и то, что не добрал, доберешь. А если урожай уж совсем плох, в долгу не окажешься — аванс меньше суммы, заложенной в годовую технологическую карту на выполнение объема работ.

Как видим, хату продавать не надо.

И еще открытие. Когда накопилось достаточно опыта и подсчитали, оказалось: несмотря на то, что в звеньях большая часть заработка падает на сверхплановую продукцию, получаемую благодаря старанию и выполнению работ вовремя, несмотря на то, что в поле механизаторы выходят с зарей, а о двух выходных и строго восьмичасовом дне даже не заходит речь, а работают они в поле меньше сдельщиков. Парадокс? Нет. Давно замечено — «быстрее ездит тот, кто дольше запрягает», умеет досконально «обмечтать» свой завтрашний день. Отсюда и «линия жизни».

Действительно, приусадебный участок здесь вроде как раздвинулся до больших полей, и стали они такими же «своими», каким еще недавно был огород у дома. Только с большими урожаями. Увидит любой член звена, как ломает кто-нибудь кукурузу, стрижет в мешок колосья или подкапывает свеклу, — хватает заводную ручку и в матюки. Это ведь его теперь обворовывают, в его карман запускают руку.

Вот какой поворот. Земля, техника, оборудование — все осталось колхозным или совхозным. Частнособственнические инстинкты ни у кого не пробудились: «кулак» не возродился, никто не надрывается. А отношения между собой, с коллективом и обществом стали другими. Другими потому, что здесь слились в одно целое интересы всех.

И не есть ли это то «главное звено», взявшись за которое можно «вытащить всю цепь»? Думается, да. С таких бы позиций пять лет назад, и десять, и пятнадцать изучать процессы, происходившие в коллективах со звеньевой организацией труда и аккордной оплатой. Как далеко бы мы уже продвинулись вперед.

Я знаю Первицкого давно, а с осени 1964-го бываю у него по несколько раз в году, наблюдая, как отрабатываются в звене новые взгляды на отношение к земле, ее плодородию, как цепляется Первицкий за технологические новинки и прилаживает их к своим условиям. Всякий раз встречаюсь при этом и с первым секретарем Новокубанского райкома партии Андреем Филипповичем Недилько. В первые годы задавал ему вопрос: «Не пора ли на такие принципы переводить весь район»? И однажды Недилько сказал: «Кошмарно трудная будет эта работа, но пора. Провели последний предметный урок и убедились — другого пути нет». Недилько в том разговоре тоже вспомнил про травинку, которая может вырасти, однако, перефразировав Успенского, сказал: «Будет не только так, как захочет земля, а еще и так, как поступит с нею человек, что и как даст ей, прежде чем взять».

Вспоминая эти слова, я вновь и вновь думаю о новгородцах. Здесь уже нет-нет, да удастся брать «кубанские урожаи». А когда

во всю ширь развернется обновление земли и станут просторней поля, когда весной избыток воды начнут отводить, а летом поить посевы и обильно удобрять,—сколько же перемен придет и сюда. Перемен, во имя которых затрачиваются миллионы и миллионы рублей, ведется строительство, поставляется новая техника.

И далеко не все равно, в чьих руках окажутся эти богатства. В руках Ивана или в руках Петра. А они есть и среди тех, кто проектирует и строит мелиоративные системы, и среди тех, кто возделывает потом пшеницу и сеет травы. В Литве, к примеру, объем вынутого грунта и километры уложенного дренажа еще не служат главным критерием в оценке работы строителей. Закончив систему, они обязаны сдать ее с запланированным урожаем. В колхозе имени Снечкуса, где семь лет назад мелиоративные работы завершены на всей площади, уже знают, что такое 50 центнеров хлеба с гектара на круг. Здесь воздвигнут обелиск с благодарной надписью: «Мелиораторам, чьи разум и руки вернули нашей земле силу».

На Кубани друг Первицкого Владимир Светличный, бывший звеньевой, а теперь директор совхоза, возил меня по полям и показывал, как строители оросительных систем до глины сдирали чернозем и обваловывали им каналы. Здесь «Петр» из передвижной мехколонны гонит кубометры, а «Ивану» Светличному придется сеять по глинищу рис и пшеницу.

А у Первицкого «предметный урок» вышел вот как. На бюро райкома обсуждался вопрос о шефской помощи отстающему колхозу «Путь Ильича», куда институт должен был подбросить кое-какую технику. Первицкий высказался в том духе, что технику эту подкидывали не впервые, а толку мало и пора тому колхозу получше работать. Председатель из «Пути Ильича» обиделся, пробурчал глухо: «Ты бы, Владимир Яковлевич, помордовался на наших буграх с камнями да супесью — понял бы, почем фунт лиха. У нас даже за 12 центнеров кукурузы людям впору Героя давать. Это не твой чернозем». Технику в колхоз все-таки послать решили. Но договорились и еще об одном: весной в колхозе подберут поле, разделят пополам — на одном участке кукурузу вырастят шефы, на другом работать будут хозяева. Точно такой же опыт чуть позже предложено было поставить в Карачаево-Черкессии на поле одного из совхозов.

«Учительствовать» в колхозе Первицкий поручил весной своему помощнику Николаю Проглову, черкесский совхоз взял на себя. Возвратясь оттуда, рассказывал:

— Поле они подготовили кое-как, пригляделся — на матрац похоже. Там, где гербициды внесли, полосы белые, посох сорняк. Но чередуются они с темно-зелеными. Ясно, думаю, полосовал, чтобы записали сто гектаров, хотя обработал пятьдесят. Пришлось искать опрыскиватель, ладить и пропуски еще раз гербицидить.

Потом с директором приехал на поле, посмотрел и говорю, что надо теперь прокультивировать. Отдал он команду, и тут явился на «Беларуси» бравый паренек. Выслушал задание и в тот же момент рванул в поле. «Стой» — кричу. Не слышит. Побежал следом, кидаю комьями в кабину... Еле догнал. «В чем дело?» — спрашивает. «А в том, — говорю, — что давай сначала отладим все до единой лапы на культиваторе, потом нормально заглубишь его и ездить

будешь потише». Он мне тут же вворачивает: «Я так ничего не заработаю, день зазря ухлопаю!» «Нет,— отвечаю,— зазря, джигит, не ухлопаешь». Поехали с ним в мастерские и полдня возились, пока привели культиватор в порядок. Но все это уже позади, отселись.

...Примерно так же начинал и Николай Пруглов. Когда появились всходы и полезли сорняки, отправился он обрабатывать свою половину, взяв легкие боронки, способные прочесывать почву сплошным и не ломать молодые побеги кукурузы. Были как раз майские праздники. И хоть дорога дальняя — 90 километров, — увязался с ним младший сын Сережка. На бригадном стане не обнаружили они ни души. По нему бродили лишь огромные волкодавы, спущенные с цепи.

Пришлось свернуть к полю и работать, перекусив всухомятку, пока вычесал участок до последней соринки. Я был потом с Пругловым на том массиве и видел по одну сторону великолепную плантацию, а по другую не понять было: сорняки ли растут в кукурузе, или кукурузная падалица проросла в бурьяне.

Самое же главное, к чему я веду, предстояло впереди. И состояло оно в том, что проделанная работа всякий раз учитывалась. Как по заказу, шефы получили в колхозе и совхозе по 40 с лишним центнеров кукурузного зерна. И хоть председатель полагал, что предел тут двенадцать центнеров, все же хозяева там и там поднялись к шестнадцати — урок подхлестнул.

Ну, а заработок? Лучше всего о нем скажет такая справка: «Механизаторам колхоза «Путь Ильича» при урожайности 16 центнеров за обработку участка выплачено 380 рублей, звену Первицкого — 300 рублей». Вот тут-то и зададимся узловым вопросом всей проблемы: почему общество платит денег больше тому, кто производит в одних и тех же условиях продукции в два с половиной раза меньше? Почему это «законно», а заработки в передовых звеньях с производительностью труда в 10—12 раз высшей, чем у «поденщиков», считаются слишком высокими и посему как бы «незаконными», подлежащими пересмотру? Как образно было однажды замечено, получается, что и охотникам надо оплатить не за добытую дичь, а за число выстрелов, прогремевших в лесу. Пали в божий свет, как в копейку, а заготконторе предъявляй только пустые гильзы. Когда я привел это сравнение давнему сибирскому знакомому, он тяжело вздохнул и сказал:

— За урожай я получил звание Героя Социалистического Труда, меня из года в год посылают на конкурсы пахарей... Но я не помню месяца — даже единственного в жизни, — чтобы заработал денег больше всех в бригаде. А почему? Потому, что любую работу не умею делать кое-как.

...А теперь о возражениях против звеньев, которые «отживают» по той причине, что мощную современную технику куда разумней объединять в крупные механизированные отряды. Пришло время пахать — собирай в один отряд все тракторы с плугами и паши. Потом организуй посевной механизированный кулак, потом уборочно-транспортный. Более того, чтобы лучше использовать технику, предлагается даже коренным образом перекроить севообороты. Для

чего, говорят, раскидывать, допустим, кукурузу по шести или семи полям? Почему, мол, всю ее не сконцентрировать в одном месте на тысяче гектаров? Рядом разместить все четыре или пять тысяч гектаров озимой пшеницы, потом идет вся свекла, весь подсолнух...

— С чисто инженерной точки зрения замысел вроде заманчив,— тут Владимир Яковлевич сделал короткую паузу, вздохнул и сказал.— Чем-то затея эта похожа на отказ от маленьких личных хозяйств с целью улучшить дело на колхозных полях. Я тогда тоже свел корову на ферму. Заставили! До сих пор жалею, что послушался. А тоже все казалось ладно да складно. И что вышло? В Москве жил со мной в номере председатель одного бескоровного колхоза и жаловался, что за бутылкой молока в Ярославль ездит. Так и безнарядные звенья. При желании упразднить их можно. Только ломать легче, чем строить.

Он не против концентрации техники, не против отрядов. Он за них, если они не слишком велики или состоят из звеньев. Он за них, если от начала и до конца одни и те же люди растут из года в год свои урожаи своей техникой на своей земле. Но одно дело, когда, скажем, кубанцы едут помогать в уборке целинникам Казахстана, когда необходимость маневра вызывается крайне неблагоприятными условиями погоды, острой нехваткой кадров... И совсем другое — жатва, пахота или сев по принципу передвижения с поля на поле единой армады. Сторонники этой идеи прежде всего должны бы задаться вопросом: а не нарушит ли пропагандируемая ими система разумные отношения человека с землей?! Не обезличит ли хлебороба в его ответственности за результаты труда?! И не приведет ли все это к разрушению земли?..

Представьте себе такую картину: тысячегектарный массив с осени распахан под предстоящий посев кукурузы, черный, беззащитный, он будет лежать таким до апреля следующего года. Рядом же множество полей осенью заняли озимой пшеницей. И вот зимой загудела черная буря. Она сорвет черный покров с пашни, закружит его вьюгой, завалит пыльными сугробами дороги, лесополосы, фермы. И попутно погубит, иссечет всходы неокрепшей озими. Это не мрачный прогноз. Такое уже было в 1969 году, когда в Новокубанском районе в пыльном пожаре, загоревшемся на полях зяби, погибла практически вся пшеница.

«Как же быть?» — вопрос этот Первицкий ставит сторонникам пахать все с юга на север, сеять с севера на юг, растить на гигантских площадях то лишь кукурузу, то хлеба или подсолнечник. И отвечает:

— Агрономы давно объясняют инженерам: урожайность, к сожалению, не пропорциональна растущему объему крошения и распыления почвы, числу проходов колес, гусениц, сошников, культиваторных лап и увеличению полей. Тут все наоборот. Потому и говорят агрономы: если у вас поле километр в длину и километр в ширину — разбейте его лесополосой еще раз пополам. Тогда бури станут слабей. Не увлекайтесь, учат думающие агрономы, большими площадями сплошного посева одних и тех же культур — лучше размещать их чередующимися полосами. И верно! Разведет ветер пыльные смерчи на полосах пара, и, набрав силы, они погаснут в

зеленом барьере из многолетних трав, озими, лесопосадках или в специально оставленных строчках подсолнуха, кукурузы...

Что ж, Первицкий прав. Тут инженерная концепция с агрономической не вяжется, у агронома она убедительней. И не только потому, что агроном грамотно критикует инженерный размах. Противоречия глубже. Инженер в «своем промышленном подходе» к делу путь к урожаю хочет расчленить на операции, выполняемые всякий раз разными исполнителями. Но какие бы выгоды ни сулила унификация, она не способна создать всеобщей агротехники, ибо не бывает двух одинаковых полей и каждое из них требует по-своему индивидуального подхода, многолетнего знакомства. Не отдавая себе отчета в том, что он обезличивает труд, инженер отрывает механизатора от земли, от заглавной его задачи в обществе — получать все большие урожаи на бережно сохраняемой земле.

Рассуждая таким образом, Первицкий не намерен поссорить инженера с агрономом. Агроному удобно поле малое, инженеру нужен простор. Но давайте вместе искать оптимальные варианты, говорит Владимир Яковлевич и вполне резонно задает вопрос: разве его, звено, назовешь малым подразделением? Вряд ли. Хлеба в последнюю жатву здесь убирали девятью комбайнами, ходили за ними девять грузовиков. Тоже все работали в одном поле, здесь же действовали службы ремонта, быта...

Действительно, чем не отряд?! И потом, ни на севе, ни на уборке это звено еще никогда не брали на «буксир». Как правило, на помощь другим идут они. Однако сложись обстановка, при которой в жатву поля, закрепленные за звеном Николая Пруглова, заливают дожди, а над землями Первицкого сияет солнце, Первицкий позовет Пруглова к себе, чтобы потом помочь ему. И никто ничего не потеряет, ибо звенья эти работают на одних принципах.

Я за «вариант Первицкого» еще и потому, что убедительнее всего его характеризуют такие цифры: каждый из двенадцати работающих на площади в 1800 гектаров здесь производит в год продукции как минимум на 50—60 тысяч рублей. По этому критерию пора бы грамотно сравнить показатели и самых именитых наших передовиков, строящих работу на разной системе оплаты и разной организации труда, и «середняков», и тех, кто отстает. Такой подход повернул бы спорщиков от эмоций к беспристрастному анализу и правильному выбору оптимальных решений. Пример с предметными уроками Первицкого случайным фактом не назовешь. Это опыт — уже во многих повторностях, «без разбега между результатами и вполне достоверный», как сказал бы исследователь. И добавить мог бы лишь одно: «Устройте такие уроки в разных зонах, ведите три года подряд, и вы получите полностью доказуемую закономерность».

Во время жатвы 1977 года мне пришлось много поездить дорогами Ставрополя. То и дело, мешая косить, здесь хлестали дожди, короткие ливневые, затяжные... В уборочных штабах не раз видел карты, раскрашенные синими тонами разной интенсивности и испещренные цифрами. На «сухие куски» или на массивы, где выпало 5—7 миллиметров, сразу же устремлялись по большакам колонны комбайнов и грузовиков, чтобы через полдня, если опять задождит, вновь перебазироваться на другие поля. И повсюду, во всех разговорах звучало одно и то же слово — комплекс. Да, эти крупные

уборочно-транспортные подразделения помогли буквально вырвать хлеб у непогоды. Более того, ставропольцы подали добрый пример всей стране.

В колхозе «Заветы Ильича» Грачевского района председатель правления Василий Андреевич Рындин жаловался:

— Пшеницу — а ее у нас пять с половиной тысяч гектаров — свалили всю, подобрали пока тысячу. Идет по тридцать три центнера. Мало! Надо по тридцать пять, чтобы сделать два хлебных плана. По двадцать четыре центнера продадим государству, остальное пойдет на свои нужды. У нас тридцать три комбайна, двадцать жаток, тридцать шесть автомобилей. Нагрузка на комбайн громадная. Судите сами — сто восемьдесят гектаров. Всю технику мы свели в три комплекса. Руководят ими управляющие зерновыми участками. Но обязательно учтите — наши комплексы не только убирают: они растили этот хлеб, работают на общий котел, зерно комбайнеры сыплют в самосвалы, не считая бункеров. Потерь времени нет, техника используется лучше...

Спрашиваю:

— Выходит, они на аккордной оплате? А говорят, что с комплексом аккорд не увяжешь.

— Очень даже увязывается. Правление колхоза покупает у механизаторов всю выращенную ими продукцию. Зерно и солому, шляпки подсолнечника и семена, кукурузную и свекловичную ботву. Все, что выращено на земле, строго оценено. Получили, например, зерна по пятнадцать центнеров — платим за него по семнадцать копеек. Получали по семнадцать — за два дополнительных получайте уже по тридцать пять копеек. Если урожайность колеблется между семнадцатью и двадцатью, добавочные центнеры идут по полтиннику, после двадцати пяти — по рублю.

В семьдесят третьем году, когда взяли на круг по тридцать центнеров, механизаторам надо было только дополнительной оплатой выдать четверть миллиона рублей. Кое-кто из членов правления забоялся — не много ли? Нет, не много, выплатили все до копейки. Механизаторский заработок в тот год составил четыреста, а то и четыреста пятьдесят рублей за месяц. Тем не менее фонд зарплаты к общей выручке составил тридцать семь процентов. Спросите экономистов, и они скажут, что это хорошее соотношение.

Оказывается, аккордно-премиальную оплату с повременным авансированием в «Заветах Ильича» начали вводить еще в 1965 году. И теперь Василий Андреевич Рындин оперирует прямо-таки ошеломляющими цифрами. На протяжении восьмой пятилетки среднегодовая валовая продукция колхоза оценивалась в 3 миллиона 886 тысяч рублей. В девятой пятилетке — уже 4 миллиона 673 тысячи. Больше 20 процентов прироста. Производство зерна с 46 801 тонны выросло до 62 739 тонн. Выручка от реализации продукции с 2860 тысяч рублей поднялась до 4100 тысяч рублей. Рост 43 процента.

Интересно при этом отметить, что за 10 лет число занятых в производстве сократилось по колхозу на 700 человек.

Не есть ли «Заветы Ильича» такой же «счастливый остров», как земли Первичского? А какова, допустим, общерайонная статистика? В райкоме партии ее охотно привели: 95 процентов земель обраба-

тывают механизированные звенья и отряды с аккордно-премиальной системой оплаты труда и повременным авансированием. За эти коллективами закреплены севооборот, набор техники. Задание — на весь год. Аванс 110—150 рублей. Расчет — в конце года. При этом учитывается стаж работы, классность. Планы даются из среднего урожая пяти последних лет.

Если в Грачевском районе раньше на одного механизатора продукции производилось на 7—9 тысяч рублей, то теперь в зависимости от условий года эта цифра колеблется от 18 до 34 тысяч рублей.

А как обстоит дело в целом по Ставропольскому краю? В 1975 году по методу бригадного подряда здесь работало 590 подразделений, на следующий — 1500, в 1977 году — 1690 отрядов и звеньев. Они обрабатывают уже почти 80 процентов земель.

Что касается комплексов, то они на Ставрополье, как и во многих других местах, не являются застывшей организационной структурой. Это объединение звеньев и отрядов для проведения напряженных и скоротечных полевых работ. Уборочно-транспортные — на жатве, заготовительные — на уборке силоса, трав или других кормов, посевные — на время осеннего или весеннего сева. Основной же производственной единицей остаются звено, бригада, отряд.

...Показатели у звена Первицкого, слов нет, завидные. Однако он, как и Федор Яковлевич Канивец, без подсобного хозяйства обходиться не может. Хутор, где живет Первицкий, компактный, живут механизаторы в коттеджах на две семьи. Участок при доме у Владимира Яковлевича совсем маленький. Палисадник с цветами, дорожка к гаражу, несколько грядок, фруктовый садик, в конце двора — загородка для птицы. Остальные «сотки» вынесены за хутор.

Как-то спросил Первицкого:

— Представь, что в садах, на плантациях, фермах по всей округе звенья и бригады получают так же много фруктов, овощей, мяса и яиц, как вы пшеницы, кукурузы, подсолнухов, гороха...

— Копал бы я грядку?

— Да.

— Копал бы. Во-первых, до изобилия далеко. Во-вторых, как же мне ее не копать, если даже на заводах тысячи людей просят дать им участки под сады, ездят сажать их за десятки километров. А тут земля под рукой. Как бы ни намаялся за день, придешь домой — польешь цветы, прополешь огурцы, сядешь на порог и смотришь, как распускаются яблони, цветет вишня... Хорошо становится на душе, усталость снимается. И потом, это же на весь год свой магазин «Фрукты — овощи». И такого магазина на хуторе, может, никогда не будет.

Слушаю Владимира Яковлевича, вспоминаю разговоры про личные хозяйства в других местах: «Размеры участка надо увеличить, отводить личному скоту выпаса, обеспечивать кормами»... Ну, а где взять те корма? Будь их в достатке, хватало бы всем и мяса, и молока с ферм. Где председатель достанет зерно, сено, солому?..

— Давай, — говорит Первицкий, — начнем с малого. Скажи, у крестьянина раньше хоть одна крошка пропадала впустую? Нет. А мы-то развели помойки, каких в селе не было от сотворения

мира. Это раз. А дальше — больше. Пора, например, честно признаться, что мы безобразно относимся к тому, что остается в поле после комбайнов. Картошки, поломанных початков, битой свеклы... Ходим по ним ногами целый день, два, три, знаем, что завтра все это уйдет под плуг. Так почему не сказать: граждане бабоньки, детки наши большие и малые, складывайте все это в кучки, половину их свалите в эту машину, и пойдет она на ток, а половину — в другую машину и везите делить между собой на хуторе? Кто тут пострадает? Никто! Глаз, конечно, нужен. Чтоб по-честному, без воровства. Это тебе — два!

Теперь припомним время, когда за труд все выдавалось натурой. По осени зерно стоит в мешках в кладовой, насыпано под кроватями, чердак завален тывкой, початками. Пропадало что-нибудь? Опять же, нет! А сколько, если по стране, заготовленного хлеба у нас остается под открытым небом? Что тут закрывать глаза, кто этого не знает? Много остается! Остается и гибнет... Значит, можно смело увеличить продажу зерна колхозникам и рабочим совхозов. До грамма переработается в мясо, молоко, яички. Это тебе — три.

Опять же солома. Скирдую ее по краям полей, пишем, что создаем полуторогодичный запас кормов, и стоит тот запас зиму, весну и лето, чернеет, пока кто-нибудь запалит. А раздать нельзя. Числится! Словом, начини перебирать, откуда и что взять, — пальцев не хватит на обеих руках, разувайся и загибай на ногах.

И пока мы закрываем на это глаза, распределение идет по другим каналам. Мы с тобой сколько годов ведем разговоры про эрозию, плодородие, про технологию да механизацию, а поедем-ка в степь посмотреть на жизнь с другого конца. А то уж очень длинная выходит речь.

...Солнце уже зашло. Смерклось. Навстречу нам по большаку мчались разномастные «Жигули», «Москвичи», но больше мотоциклы с колясками. У люцернового поля Первицкий остановил машину и повел меня вдаль от дороги. Вскоре он остановился и сказал, указывая на проплешины в траве:

— «Колорадские жуки» поработали. Выкашивают, набивают мешки и везут коровам, курам, кроликам. То хоть ночами выходили на заготовки, а теперь и днем косят.

У одной из лесопосадок одноколесная тропка кончалась канавой, но в обход рва уже обозначались в траве следы колес и убега-ли в заросли.

— Так и знал, — зло сплюнул Первицкий, — опять надо копать. На машине проберешься не везде, потому и шастают на мотоциклах. «Жигули» — роскошь, на них в гости ездить, а мотоцикл — добытчик, платят за него, не скупясь. Когда убирали подсолнухи, один комбайн уперся в кучу шляпок и чуть не перевернулся. Тоже «жуки» поработали. Прoberутся краем посадки, нарежут шляпок и молотят семечки. Кукурузу, правда, берут в початках. От восковой до полной спелости.

— Кто же ворует? Вашим-то ни к чему.

— Нашим — да. Но поскольку дороги сейчас хорошие, передвигаться есть на чем, то едут из Новокубанска, Армавира, Гулькеви-

чей. Задерживали «жуков» не раз — большей частью городской народ.

...Уже совсем стемнело. На дороге поодаль все чаще вспыхивали фары. Потом от нее оторвался одиночный огонь и, хищно подпрыгивая на ухабах, покатился, все увеличиваясь, на нас. Наверное, тропа была знакомая.

Фото В. ОПАЛИНА.

Комментарии юриста

Работа тружеников поля, работа, привычная для земледельцев, сегодня как бы высвечена емкими и четкими словами важного политического документа — Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развитии социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 года и усилении борьбы за повышение эффективности производства и качества работы». Задача дальнейшего развития сельскохозяйственного производства, повышения его эффективности названа в нем общепартийной, общенародной.

«За последние годы, — говорится в Письме, — значительно окрепла материально-техническая база сельского хозяйства. Возрастают поставки селу новых машин и механизмов, минеральных удобрений и других средств.

Дело за тем, чтобы полнее использовать эти возможности, привести в действие огромные резервы, которыми располагает сельское хозяйство, каждый колхоз и совхоз».

Всякого рода «специалисты по России» истратили тонны

бумаги, доказывая, что наш закон не защищает личную собственность граждан, что у нас, мол, нет права на наследство и тому подобное. «Специалисты», прекрасно знающие разницу между личной и частной собственностью, с умыслом подменяют эти понятия, в расчете на то, что читатель буржуазной прессы просто плохо в этом разбирается.

Еще в Декрете о земле, принятом на второй день Великой Октябрьской социалистической революции, провозглашалось:

«6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается».

Принцип пользования гражданами землею «до той поры, пока они в силах ее обрабатывать» и о запрещении наемного труда получил в стране социализма конституционное и законодательное закрепление.

Наиболее полное выражение и развитие этот основополага-

ющий принцип получил в Конституции (Основном Законе) Союза Советских Социалистических Республик.

«Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Личная собственность граждан и право ее наследования охраняются государством.

В пользовании граждан могут находиться участки земли, предоставляемые в установленном законом порядке для ведения подсобного хозяйства (включая содержание скота и птицы), садоводства и огородничества, а также для индивидуального жилищного строительства. Граждане обязаны рационально использовать предоставленные им земельные участки. Государство и колхозы оказывают содействие гражданам в ведении подсобного хозяйства» (статья 13 Конституции СССР).

Психология колхозника изменилась, теперь он не тот крестьянин, каким был до коллективизации. «Нынешний колхозник родился и вырос в колхозе, — указал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, — его психология сформировалась уже на социалистической основе». Но отношение к колхознику, особенно к такому, который имеет приусадебный участок, кое-кто и кое-где еще не изменили.

Анатолий Иващенко пишет: «В 1976 году от каждой коровы «частника» в среднем надоено 2945 килограммов молока...» Против слова «частник», тем

более в привычках, возражать не приходится. Но дело в том, что в обыденной жизни нередко человека, имеющего личное подсобное хозяйство или приусадебный участок, мы называем с оттенком пренебрежения частником без навыков.

Читатель М. Д. Кожухин, к примеру, пишет, что некоторые граждане «завели дачи, развели огороды, птицу, кроликов, свиней и даже коров и т. д. и т. п.». У этих людей, добавляет автор письма в редакцию журнала, «вольно или невольно воспитывается и проявляется частно-собственническая психология».

Вот так-то! Завел рабочий или служащий, скажем, садовый участок, развел кроликов и «даже корову» — и, пожалуй, стал обладателем «частно-собственнической психологии».

Сходные мысли высказаны в ряде писем, которые цитирует в очерке Анатолий Иващенко.

Подобные взгляды довольно живучи. Основываются они на непонимании того, что личная собственность — не частная собственность.

Не только юридическая, но и социальная природа личной собственности принципиально отлична от природы частной собственности.

Частная собственность опирается, как известно, на эксплуатацию человека человеком, распространяется она на орудия и средства производства.

У нас же господствует социалистическая собственность на средства производства, которая существует в двух формах: государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной.

В статье 10 Конституции СССР указывается: «Государство охраняет социалистиче-

скую собственность и создает условия для ее преумножения.

Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях». Статья 13 Конституции СССР, определяющая и гарантирующая право личной собственности, гласит:

«Имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества».

Именно в этом: в отсутствии нетрудовых доходов, в использовании личной собственности не в ущерб интересам общества и состоит принципиальное отличие личной собственности от частной.

Личное подсобное хозяйство не имеет ничего общего с частным крестьянским хозяйством. Это новый вид хозяйства, вызванный к жизни социалистическими преобразованиями на селе. Личное подсобное хозяйство — составная часть социалистического сельского хозяйства.

Об этом ясно и предельно четко сказано в законе. «Личная собственность,— читаем мы в преамбуле Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик,— является производной от социалистической собственности и служит одним из средств удовлетворения потребностей граждан».

Между тем встречаются случаи неправильного отношения к личному хозяйству, пренебрежения им, необоснованного ущемления. Об этом подробно рассказывает Анатолий Иваченко.

Некоторые факты, сообщаемые в очерке, мы проверили. Например, что в городе Урюпинске «коз в городе и районе — тучи... Доход весь идет в частный карман,— жалуются авторы писем.— Ловкие хозяева понастроили себе домов — и не по одному,— дач, гаражей».

Позвонили мы прокурору Волгоградской области В. П. Шарихину. Вот что он нам сообщил. Не только в Урюпинске, но и в ряде других небольших городов колхозники, главным образом пенсионеры, разводят скот, занимаются «платочным производством» и иным кустарным промыслом. Но все это в рамках закона, и никому этот промысел не мешает, не вредит. Утверждение, что «ловкие хозяева понастроили себе домов»,— явное преувеличение, заявил прокурор области.

Другой пример. В некоторых малых городах Сибири число звероводов за последний год удвоилось. Мы позвонили в прокуратуру Омской области. К телефону подошел начальник отдела общего надзора Д. Е. Попов. Он подтвердил, что в Тюкалинске и в других небольших городах рабочие, служащие, главным образом пенсионеры, домохозяйки, разводят песцов, выделывают шкурки, и опять-таки все это в рамках закона. На производстве это не отражается. Мы проверяли, но факты, что кто-то бросил работу на производстве, не подтвердились.

При этом не следует забывать, что, согласно статье 17 Основного Закона социалистического общенародного государства, «в СССР в соответствии с законом допускаются индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ре-

меленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей. Государство регулирует индивидуальную трудовую деятельность, обеспечивая ее использование в интересах общества».

Теперь о юридической природе приусадебного участка.

Земля, ее недра, воды, леса находятся в исключительной собственности государства (статья 11 Конституции СССР).

Земля, занимаемая колхозами, закреплена за ними в бесплатное и бессрочное пользование.

Гражданам СССР (колхозникам, рабочим, служащим) земельные участки предоставляются только в пользование.

Таким образом, гражданин СССР, получивший участок земли, собственником ее не становится и не вправе распоряжаться ею по своему усмотрению.

Земельный участок должен быть использован только в тех целях, для которых он предоставлен.

Приусадебный участок может быть использован для посева сельскохозяйственных культур, для посадки лесных, плодовых, декоративных и других насаждений.

На приусадебном участке колхозник вправе содержать птицу, кроликов и «даже корову», но все это «до той поры», пока он и его семья «в силах ее (землю) обрабатывать».

Автор очерка «Свой огород и поле за ним» затрагивает большой круг вопросов правового характера. Осветить их все в кратких комментариях не-

возможно, потому остановлюсь на одном.

В очерке много говорится о спекуляции. Иногда колхозника или домохозяйку, которые продают на рынке молоко, фрукты, овощи, выращенные на своем приусадебном участке, обвиняют в спекуляции. Это неправильно.

Обвинять человека в спекуляции можно лишь тогда, когда он занимается скупкой и перепродажей товаров с целью наживы.

Если нет скупки и перепродажи, то нет и спекуляции.

Другое дело — перекупщики, то есть люди, которые скупают оптом продукцию у непосредственного производителя, везут в города и там перепродают, — тут налицо спекуляция, преследуемая в уголовном порядке.

Поэтому нельзя смешивать колхозника, рабочего, служащего, продающих плоды своего собственного труда, с перекупщиками, то есть со спекулянтами, нарушающими принципы советской торговли.

Во время всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР в 1977 году были предложения ликвидировать или резко ограничить ведение подсобных хозяйств.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 года подчеркнул, что подсобное хозяйство это «форма труда, не связанная с эксплуатацией, играет в данное время полезную роль в нашей экономике».

Говоря о случаях злоупотребления подсобными хозяйствами в целях извлечения спекуля-

тивных доходов, товарищ Л. И. Брежнев указал: «Соответствующие государственные органы как раз и должны твердо осуществлять данное им Конституцией право контроля, строго следить, чтобы земельные участки, предоставляемые гражданам, использовались рационально, с пользой для общества и чтобы доходы от подсобного хозяйства и индивидуальной трудовой деятельности соответствовали принципам социализма».

О каких государственных ор-

ганах идет речь? Прежде всего это — местные Советы народных депутатов. Это они «обеспечивают соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан...» (статья 146 Конституции СССР). Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов в стране осуществляют органы прокурорского надзора.

П. СКОМОРОХОВ,
заслуженный юрист РСФСР

**КНИЖНАЯ
ХРОНИКА**

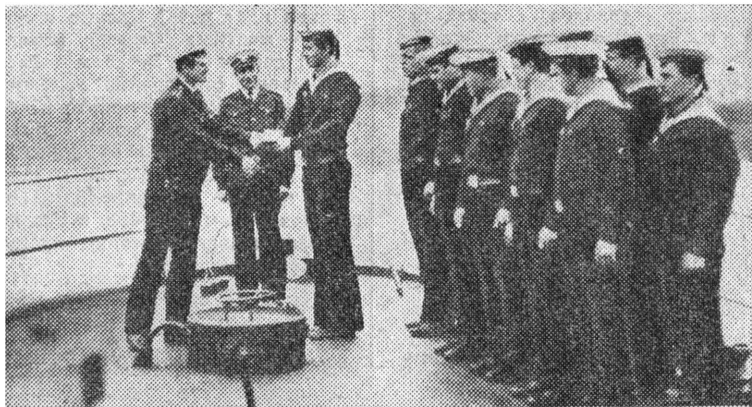
В издательстве «Юридическая литература» вышли в свет новые книги.

Батуров Г. П. Разрешение судом споров о праве собственности на жилое строение. (Библиотечка народного судьи.) Цена 30 коп.

В книге идет речь об особенностях рассмотрения дел в суде: о приобретении права личной собственности на строение и его прекращении, об общей долевой собственности, об управлении жилым домом.

Венгеров А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. Цена 70 коп.

Автор рассматривает актуальные правовые проблемы совершенствования управления народным хозяйством на этапе развитого социализма. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования информационных процессов в управлении, системного подхода к принятию решений, юридической ответственности в условиях автоматизации управления и роли права в информационном обеспечении АСУ.



28 мая 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал Декрет о создании советских пограничных войск. За шестьдесят лет своего существования пограничники прошли славный путь. Вместе со всем народом они первыми отражали нападения врага, будь то на западных или на восточных границах, а в мирные дни охраняют спокойный труд советских граждан.

Фоторепортаж, помещенный на этих страницах, рассказывает о самых восточных заставах, о пограничниках, которые несут службу на Курильских островах.

САМЫЕ ВОСТОЧНЫЕ ЗАСТАВЫ...

Наверное, почти все пограничные заставы находятся в отдалении от больших городов, от шумных и оживленных дорог. Это понятно — они охраняют рубежи нашей Родины, ее границы. Но отдаленность Курильских островов можно по достоинству оценить только побывав там, только прочувствовав громадность расстояния, которое отделяет их от центральных районов нашей страны. И тогда только в должной мере начинаешь понимать и ценить мужество тех русских мореходов, которые еще несколько веков назад открыли, описали и нанесли на карты эти острова.

Первыми пришли сюда казаки Семена Дежнева. Два судна отбились во время сильного урагана и считались погибшими. Но они не погибли. Выдержав все испытания, проявив мужество и морское искусство, казаки осенью 1648 года прошли до Курильской гряды, осмотрели Шумшу и другие острова. А в конце семнадцатого века Владимир Атласов со своим отрядом прошел от Анадыря до Камчатки. В 1711 году сюда прибыли казаки под командованием Данилы Анциферова и Ивана Козыревского, а посланные Петром Первым геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин нанесли на карту ряд островов Курильской гряды. Потом здесь побывали многочисленные русские экспедиции, в результате чего на «Генеральной карте Российской империи» появилось сорок островов Курильской гряды. И только к концу восемнадцатого века на южных Курилах побывали японцы...

В наши дни отдаленность Курильских островов осталась прежней, но попасть сюда теперь гораздо проще, быстрее, и хотя они столь же прекрасны, их загадочности и экзотичности заметно поубавилось. Здесь живут и работают советские рыбаки, геологи, строители, здесь несут свою службу пограничники на самых восточных заставах. И ко всем местным диковинкам вроде горячих пляжей, бамбуковых рощ, цветущих диких магнолий, сернистых источников относятся спокойно и практично. На заставе, где мы побывали, в парниках, обогреваемых просачивающимся сквозь прибрежный песок паром, выращивают отличные огурцы, у горячих сернистых источников устроили бассейны...

Но граница есть граница. Самое современное оборудование позволяет в любую погоду, в любое время суток надежно просматривать море, бухту, дальние и ближние подходы к ней. Ни столь частые здесь туманы, ни снегопады и тайфуны не могут мешать радиолокационному лучу нарисовать четкую линию берега, отметить на экране положение рыболовных траулеров, сейнеров, иностранных шхун, наших пограничных катеров... С ними существует надежная связь, и пограничники с заставы всегда могут передать морским пограничникам срочное сообщение о нарушителе, если таковой будет замечен.

На помещенном здесь снимке запечатлен очень торжественный момент — секретаря комсомольской организации пограничного катера Валентина Васильева принимают в партию. Это отлично подготовленный моторист, его техническую грамотность, дисциплинированность, готовность помочь товарищу отмечали все выступавшие на собрании. Кандидатскую карточку Валентину вручает начальник политотдела бригады капитан второго ранга Виктор Иванович Пилипенко.

Служба на границе становится для ребят большой жизненной школой, она дает им тот опыт, который неоценим в будущем, когда они вернутся к мирной жизни. Действительно, служба в пограничных войсках обязывает знать не только свои непосредственные обязанности, технику, местные условия, но и общую политическую обстановку, международное положение. Поэтому духовный, нравственный рост для ребят становится естественным, неизбежным. Умение принимать решения не только грамотные, целесообразные, но и верные с юридической точки зрения особенно важно для погранични-

ков, проходящих службу на сторожевых кораблях, выходящих в нейтральные воды, контролирующих соблюдение правил рыболовства. Тут уж не обойтись без знаний, как юридических, так и дипломатических.

Этим требованиям в полной мере отвечает замполит пограничного сторожевого корабля Виктор Георгиевич Домбровский. Он родился в Пржевальске, а техникум железнодорожного транспорта окончил в Курске. Армейскую службу проходил на Чукотке. Вернувшись, райкомом партии был направлен на работу в милицию, в оперативный отряд. Тогда же Виктор поступил в университет, на юридический факультет. И еще один поворот судьбы — в 1970 году, студентом университета, Домбровский начал службу в пограничном отряде на восточной границе. Оттуда он был переведен на Курилы, в Рушукский пограничный отряд. А два года назад перевелся там же, на Тихом океане, в морскую пограничную часть на должность замполита корабля.

Там Виктор Георгиевич Домбровский стал командиром так называемой обзорной группы. В его обязанности входит осмотр иностранных рыболовных шхун, которые нередко заходят на промысел в наши территориальные воды, нарушая границу. Жизненный опыт, юридическое образование помогают молодому офицеру. Кстати, свой диплом — «Государственная граница и международное право» — он защитил на «отлично».

В этих местах многое напоминает давние времена. Залив Измены, например, где вероломно был захвачен японцами мореплаватель Василий Михайлович Головин, поселок Головино, названный в его же честь, пролив Екатерины, названный в память о бригадине «Екатерина», на которой еще в 1792 году отправлялось в Японию первое русское посольство, вулкан Тятя, возвышающийся из моря идеально ровным конусом...

Да, в самом деле места красивые, богатые, связанные с именами наших предков. Они достойны того, чтобы охранять их бдительно и надежно — как и любую другую часть нашей Родины.



СОВЕТСКИМ ПОГРАНИЧНЫМ ВОЙСКАМ — 60 ЛЕТ



Пост на самой восточной по-
гранзаставе страны.

Фото Т. КОПЫЛОВОЙ.



Курильские острова.
Прилив.

Фото В. ЗИМИНА.







Наряд Рушукского пограничного отряда.



Капитан-лейтенант С. С. Рябинин — заместитель командира пограничного сторожевого корабля по политической части.



На заставе — как дома.

Фото В. ЗИМИНА.

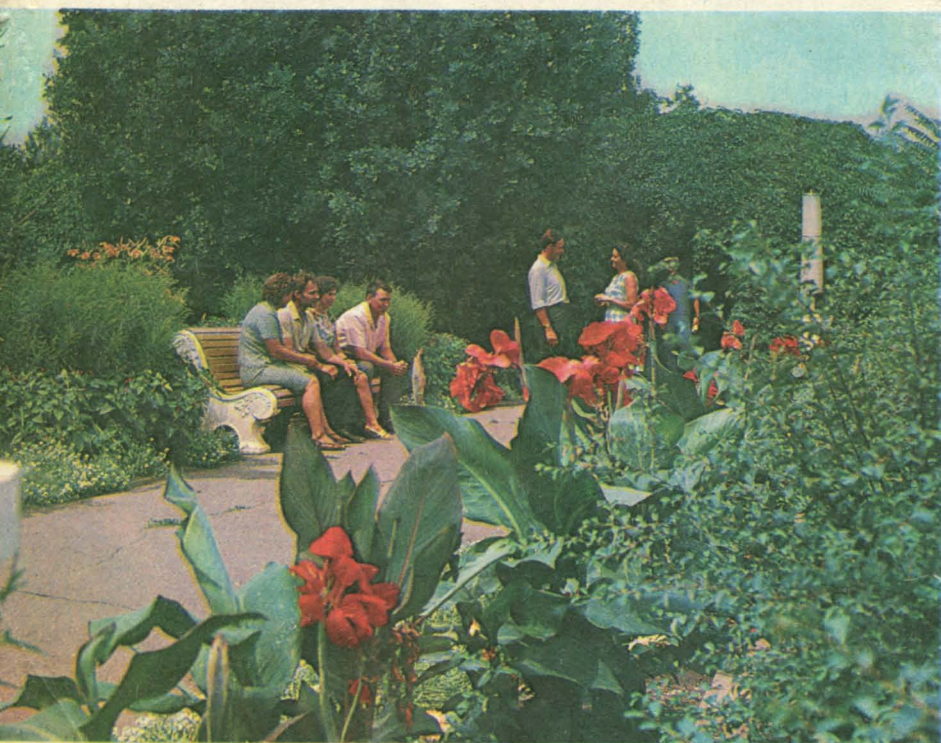




**Граждане СССР
имеют право
на отдых...**

Статья 41 Конституции
(Основного закона) СССР.

Шахматы на море.



В заводском профилактории.

Я давно собирался написать эту статью. Но все не мог за нее засесть — явно не хватало стержневой идеи. Она пришла с опубликованием Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 года и усилении борьбы за повышение эффективности производства и качества работы».

Обращенное к каждому труженику, в том числе и ко мне, оно по-новому осветило для меня те проблемы правового и морального характера, которые хотелось поставить перед читателями. Касаются они и строительных дел, о которых немало говорится в Письме. Тут и вопросы рационализации, и вопросы достижения наивысших результатов при наименьших затратах, и вопросы темпов. Так размышления над Письмом помогли мне завершить задуманную статью.

рационализация подлинная и мнимая

СЛУЧАЙ В ТРЕСТЕ

Темой разговора, который я вел с главным инженером МосводоканалНИИпроекта Д. Соколиным, была неприглядная судьба чертежей мощнейшего канализационного колодца. Разработанные в стенах научно-исследовательского и проектного института, они так и оставались лежать в бездействии на полках производственного отдела строительного треста. В то же время сооружение колодца шло полным ходом. Но велось оно по другим техническим документам. Подготовили их строители из субподрядного треста Гидроспецфундаментстрой Министерства монтажных и специальных строительных работ СССР. При этом оказалось, что новый вариант по всем статьям лучше институтского.

Способ, предложенный субподрядчиком, называется методом опускного колодца. Его применение дает огромный выигрыш времени и средств. Один только отказ от искусственного замораживания грунта в котловане приносил тресту более полумиллиона рублей экономии.

Необычность ситуации настораживала. Почему идею опускного колодца, думал я, предложили практики, а не, так сказать, теоретики? Ведь работникам института по долгу службы полагается первыми узнавать обо всех новинках в строительном деле.

Отправляясь в институт, я заранее готовил себя к тому, что проектировщики будут упорно защищать свое детище и всячески оспаривать идею строительного треста. Иначе и быть не могло, ибо, оставив дерзкий вызов строителей без ответа, научные работники дали бы повод усомниться в надежности и других предложенных ими решений, а также в глубине и основательности их знаний. Тем более что на стройке существует правило: в проект не может быть внесено ни одно изменение без согласия его авторов. Пользуясь правом «вето», проектанты, следовательно, имели возможность попросту «зарубить» предложение строителей.

Короче, обстоятельства, известные мне по другим историям рационализации проектов, заставляли предполагать, что без острого конфликта, принципиального столкновения идей, схватки мнений, противоборства честолюбий, сшибки амбиций, стычки характеров, борьбы страстей в сложившейся вокруг колодца ситуации не обойтись.

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Однако на деле все оказалось совсем не так, как я предполагал. Уже в самом начале разговора с главным инженером института стало ясно, что авторы проекта с абсолютно легким сердцем согласились с предложением строителей. Они даже сами приняли посильное участие в разработке чужой идеи: создали новую схему размещения технологического оборудования в круглом, а не четырехугольном, как было раньше, подземном помещении.

Но куда же все-таки подевались драматические переживания творцов первоначального замысла? Неужели совсем не мучили их ни авторское самолюбие, ни боль поражения в соревновании с практиками, ни, наконец, стыд за свою работу, оказавшуюся, в сущности, недоброкачественной?

Впрочем, кроме огорчений и кровных обид, есть еще и официальные документы: ведь речь шла о том, что одна из сторон по сути недоброкачественно выполнила заказ, нарушив тем самым договор. Уж в бумагах-то наверняка, надеялся я, отражены какие-то административные отголоски победы предложения строителей над детищем проектировщиков, людей, как любят выражаться газетчики, вечного поиска и творческой устремленности.

Но, увы! И в документах мне не удалось найти ни одного слова, говорящего о том, что срыв в работе института стал предметом какого-либо серьезного делового разбирательства. Абсолютная тишина и спокойствие встретили меня в научно-проектном учреждении. Единственным фактом, вызвавшим здесь некоторое оживление, стал мой приезд.

«О чем тут говорить? — было написано на удивленных лицах встретивших меня работников института. — Колодец, неважно по чьему проекту, уже почти сооружен. Зачем же ворошить прошлое и задавать эти бесконечные «как» и «почему?»»

«Ладно, — думал я, — бог с ними, с авторским достоинством, честью ученого, наконец просто ущемленным самолюбием — назовем их атавизмами несовершенной человеческой психики. Будем считать, что создатели проекта преодолели в себе эти пережитки прошлого и теперь в самом деле искренне радуются чужой победе больше, чем собственному успеху. Согласен даже допустить, что они достигли на этом пути такого «внутреннего совершенства», что их уже нисколько не трогают такого рода неудачи. Пусть будет так. Но ведь при всем при том в истории с проектом колодца многое остается неясным и противоречивым. Например, непонятно, как же быть с деньгами, которые институт получил от заказчика — управления капитального строительства водопроводно-канализационных сетей и сооружений ГлавУКСа Мосгорисполкома за проектную разработку, оказавшуюся, в сущности, настолько недоработанной, что другим ее пришлось в корне переделать?»

— Все-таки странно, — сказал я вслух, обращаясь к главному инженеру института, — почему даже после того, как выяснилось, что колодец следует сооружать иначе, более прогрессивным способом, в институте никого не наказали за брак в работе?

— А кто вам сказал, что наш проект недоброкачественный? — удивился, в свою очередь, главный инженер.

— Так колодец строится по чужим, а не по вашим чертежам!

— Мало ли что, — беззаботно ответил мой собеседник. — Это еще не аргумент. Надо, чтобы кем-то, скажем экспертами, было официально записано: проект не удался, и его нужно заменить другой разработкой. У вас в руках есть такой документ? — прямо спросил меня главный инженер.

Кроме очевидного факта: сооружение колодца шло по чертежам, предложенным строителями, — никаких бумаг, удостоверяющих брак проектировщиков, у меня не было.

— В таком случае, — спокойно объяснил мне Д. Соколин, — вы обязаны говорить не о том, что строители создали хороший проект взамен нашего, плохого, а лишь о том, что практики рационально усовершенствовали нашу разработку.

— Значит, никакого конфликта с новаторами не было? — изумился я.

— О чем вы говорите! — возмутился главный инженер. — Неужели вы хотите, чтобы мы из престижных соображений встали на пути технического прогресса, из шкурного интереса мешали творчеству масс, практическому осуществлению чьей-то лучшей идеи взамен нашей хорошей?

Задавая свой вопрос, главный инженер смотрел на меня укоризненно и зорко. Я поспешил заверить его, что у меня и в мыслях не было призывать работников института тормозить технический прогресс и глушить новаторскую деятельность масс.

— Тогда разрешите считать нашу беседу исчерпанной, — твердо произнес мой собеседник, вставая из-за стола.

РАЗГОВОР В СТРОЙБАНКЕ

Тот незадавшийся визит в научно-исследовательский и проектный институт так и остался бы, наверное, случайным эпизодом, если бы вскоре судьба не подбросила мне историю не менее занимательную и загадочную.

Началась она с письма прораба Сергея Александровича Удодова, обиженного, как утверждал он, «не по делу».

Речь снова шла о рационализации проекта, уже другого. Сергей Александрович предложил заменить широкие подоконники в доме, который строил, на узкие. По чертежам их почему-то надо было делать почти полуметровой ширины. А зачем, если вполне хватает и двадцати сантиметров, вполне практично мыслил прораб. Так родилось рацпредложение.

Но местная контора Стройбанка почему-то отказалась выдать строителям положенную премию.

Познакомившись с делом, я решил, что отказ финансистов — досадная случайность. Устранить ее, заверил я прораба, не составит особого труда. Однако моей самонадеянности в отделении Стройбанка был дан неожиданно жестокий урок.

— Предположим,— популярно ввели меня здесь в курс дела,— вы — прораб на строительном участке, а в проектном институте работают ваши хорошие друзья. И вот случилось так, что как раз им поручили готовить проектную документацию для вашей стройки.

— И что же в этом плохого? — усмехнулся я.

— Пока ничего,— многозначительно отвечал финансист.— Но вдруг, представьте себе, звонок. Вы берете трубку и слышите знакомый голос. «Вася,— говорят вам друзья-проектировщики по телефону,— мы тут готовим проект сооружения канализационного коллектора для твоего объекта. Так учти: траншея в чертеже будет изображена в виде дуги. Поэтому ты, как только заказчик утвердит документы, сразу же подавай рационализаторское предложение и предлагай вести коллектор по хорде. Премия за экономию получится немаленькая. На поход в ресторан вполне хватит».

— Ну, я бы так никогда не поступил,— решительно запротестовал я, выслушав предположение знатока финансов.

— Так не о нас с вами речь,— успокоил меня работник Стройбанка.— Но где доказательства, что в случае с подоконниками рационализация не была подготовлена именно таким способом?

К сожалению, подобных доказательств у меня и в самом деле не имелось. Ни Удодов, ни я как-то не подумали ими запастись. А между тем весомое подтверждение невиновности прораба в мошенничестве с рационализацией, оказывается, было остро необходимо. Без него разговор о премии за рацпредложение становился бессмысленным. Больше того, чем глубже я вдумывался в полученные в Стройбанке разъяснения, тем личность Удодова, с которым, как мне казалось, я достаточно хорошо знаком, делалась все расплывчатей и туманней. Тот ли он человек, за которого себя выдает? И подумал: а не совершил ли я ошибки, ввязавшись в эту историю?

КТО ВЫ, УДОДОВ!

Разговор в Стройбанке произвел коренной переворот в моем сознании. С каждой минутой во мне все ошутимее росло убеждение, что проступок прораба, не имеет никакого отношения к конфликту новатора с консерватором. Все произошло, как мне теперь представлялось, вовсе не на почве производственных проблем, а всецело в сфере морали, высокие нормы которой твердо отстаивали в столкновении с ловкачом-прорабом наши финансисты.

— Претендовать на премию за исправление ошибки, допущенной проектировщиком,—вспомнились мне слова, услышанные в кредитном учреждении,—равносильно требованию материального вознаграждения за то, что уступил старушке место в трамвае или не похитил продукты, лежавшие на открытом прилавке в универсаме.

Прямоте и суровой логике суждений финансистов можно было только позавидовать. Само собой разумеется, я не стал скрывать от Удодова свою новую точку зрения на историю с подоконниками, а изложил ее тут же, как только Сергей Александрович пришел узнать о результатах моего визита в Стройбанк.

— Согласен,—глухо сказал он, выслушав меня,—негоже свою совесть разменивать на рубли. А вот расплачиваться за чужие ошибки, что же, по-вашему, нормально?

— Как это — расплачиваться? — удивился я.

— А вот так! — сурово проговорил прораб и принялся толковать мне ту же историю с подоконниками с такой неожиданной правовой и хозяйственной стороны, что я только рот разинул от удивления.

— Допустим,—сказал он,—что каждая полуметровая подоконная доска стоит десять рублей. Для удобства счета скажем, что в моем корпусе тысяча окон. Таким образом в плане, составленном по смете и выданном мне для безусловного выполнения, проставлено задание, равное десяти тысячам рублей.

— Однако подоконник, уменьшенный в половину, наверное, и стоить будет в два раза дешевле? — уточнил я.

— Совершенно верно,—подтвердил он,—при расчете с заказчиком в случае замены подоконника я получу за свою работу уже не десять, а всего лишь пять тысяч рублей: вдвое меньше требуемого планом. Что же в итоге? А то, что квартальное плановое задание на объекте окажется невыполненным. Из передовых мой участок сразу перейдет в отстающие.

— И все из-за того,—поразился я,—что вы проявили инициативу и исправили в чертеже ошибку проектировщиков?

— В том-то и дело,—порадовался моей догадливости Удодов.—Порядочный человек, честно выполняющий свои обязанности, добросовестно заботящийся о качестве работ и экономии материалов, при таком порядке вещей оказывается наказанным и морально и материально. В то же время кто-то другой, кто не стремился понастоящему исполнить свой долг, не обременял себя исправлением чужих ошибок, не заботился об экономии дефицитного материала, может не только остаться без наказания, но даже получит моральное и материальное поощрение за успешное выполнение планового задания! Не кажется ли вам,—произнес с болью в голосе строи-

тель,— что Стройбанку надлежало бы предъявить свои обвинения совсем не мне, а тому, другому, оставившему в проекте подоконники полуметровой ширины? Ведь тем самым он «сделал» свой план за счет ненужной траты дорогого строительного материала. Но зачем же такое выполнение?

— Ну, а если бы в Стройбанке ваше предложение назвали не исправлением чужой ошибки, а рационализацией? — спросил я, испытывая какое-то смутное, еще не до конца осознанное чувство вины перед прорабом. — Что бы изменилось в этом случае?

— Много! — объявил Удодов. — Стройбанк не стал бы пересчитывать и снижать сметную стоимость здания, а заказчик заплатил бы мне за подоконник ту сумму, которая стоит в смете, вне зависимости от фактической стоимости доски, использованной мною на корпусе. При таком расчете план по валу был бы выполнен и никаких осложнений для участка не последовало бы.

Да, ситуация с планом, после разъяснений прораба, стала для меня предельно ясной. Ну, а как быть с правовой, моральной стороной дела? Можно ли считать нравственно безупречным поведение человека, выполняющего план, даже выходящего в передовики производства только потому, что ему достались недоработанный проект и на этой основе ошибочно составленная завышенная смета? Казалось бы, тут не может быть двух мнений. Порядочный человек никогда не превратит в собственную выгоду чужую оплошность. Однако нельзя назвать нормальным и другое решение. Нельзя заставлять строителей, как это произошло с Удодовым, расплачиваться за чужие ошибки. Пусть отвечает тот, кто ошибся. Так должно быть и с точки зрения права, и с точки зрения элементарной справедливости. К сожалению, этого не произошло в истории с подоконниками. И подобные случаи, увы, не редкость.

СПОРЫ У СВАЙНОГО ОСНОВАНИЯ

В 1973 году случай свел меня с тогдашним заместителем управляющего трестом Мосфундаментспецстрой С. Беленьким — тоже рационализатором. После разговора с ним у меня осталась целая кипа документов, официальным языком излагающих долгий спор, разгоревшийся у свайного основания типовых жилых корпусов номер 26 и 26-А, выстроенных в первом микрорайоне Нагатина.

Приведу здесь несколько наиболее важных строк из каждого документа. Начну с письма С. Беленького одному из руководителей Госстроя СССР.

«...Трест,— писал он,— осуществил рационализаторское мероприятие, удешевляющее стоимость строительства на 200 тысяч рублей без снижения прочности и эксплуатационных качеств сооружений. Заказчик оплатил нам экономии, полученную в результате замены свай большого размера на меньший. Однако Московская городская контора Стройбанка дала указание произвести оплату только за фактически выполненный объем работ и снять сумму экономии с выполнения треста». Так сваебойщики, получив при расчете деньги за мелкие и потому дешевые сваи, единым росчерком пера

оказались в числе отстающих, не справившихся с плановым заданием.

Как же отреагировали на эту историю в Госстрое СССР? В ответ на письмо из треста оттуда сообщили: «Экономия, полученная в результате осуществления рацпредложения сваябойщиков, может быть оставлена на их выполнении в порядке исключения».

Однако дело на этом не кончилось. Стройбанк деньги тресту по-прежнему не возвращал. Через год еще один из руководителей Госстроя СССР в повторном письме подтвердил право сваябойщиков на получение 200 тысяч рублей экономии. И все-таки эта сумма строителям так и не была выплачена. Основанием для отказа послужили слова эксперта технического управления Стройбанка СССР, записавшего в своем заключении: «Повышение несущей способности свай не является мероприятием подрядчика». Проще говоря, сваябойщикам вновь было отказано в праве называться рационализаторами.

— Выходит, не надо было строителям менять длинные сваи на короткие, экономить дефицитные металл и цемент? — спросил я у эксперта Стройбанка СССР.

— Как так не надо! — искренне возмутился тот. — Сваябойщики обязаны экономить материалы, это их прямой долг и святая обязанность.

— Значит, — не унимался я, — работники Мосфундаментспецстроя, заменив сваи, выполнили свой долг. Но за это, как известно, принято всемерно благодарить и поощрять. Почему же тогда по требованию Стройбанка сваябойщиков все-таки наказали, сняв с их выполнения 200 тысяч рублей и переведя тем самым из передовиков в отстающие?

Услышать ответ на свой вопрос мне так и не довелось. А между тем сложившееся в строительстве положение требует решительных мер. И дело здесь вовсе не в частностях и не в том, чтобы точно определить, кому в том или ином случае положено платить деньги за рационализацию, а кому нет. Практика показывает, что вопрос, задаваемый рационализаторами, на деле простирается гораздо глубже. Речь идет о моральных ценностях, связанных со строгим соблюдением в строительном производстве нашего основополагающего конституционного принципа: каждому по труду.

Социалистическая экономика, как известно, имеет в своем распоряжении целый арсенал средств, которые своими специфическими, особыми способами призваны утверждать незыблемые нравственные принципы: работать спуска рукава, ошибаться, врать, нарушать данное слово, мухлевать, жульничать — нехорошо, а в итоге и невыгодно, и наоборот: работать по-хозяйски, умело, инициативно, честно и добросовестно — почетно и прибыльно. Именно так, очевидно, должно преломляться нравственное воздействие на человека законов хозяйственной деятельности в строительстве, если их правильно использовать и применять. Во всяком случае, в нашем социалистическом обществе, чуждом духу наживы и эксплуатации, умелая работа без ошибок, честное соблюдение своего слова, точное исполнение своих обязанностей, инициатива и советская предприимчивость всегда должны служить увеличению нашего общественного достояния. А в конечном счете — и росту личного благосостояния.

советского человека. Особенно остро задача использования нравственного влияния основного принципа нашей экономики стоит сегодня, когда на повестку дня поставлено качественное улучшение работы, требование трудиться эффективно, без ошибок и брака.

Попробуем разобраться, почему же иногда на стройке не удается достичь поставленной цели.

БЕГЛЕЦ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДЫ

Размышляя об этическом тупике, в котором оказался Удодов со своим рацпредложением, я с новой ясностью вспомнил тот день, когда в кабинете главного инженера научно-проектного института обнаружилось таинственное отсутствие конфликта между проектировщиками и строителями. Теперь мне стало ясно, как все это в действительности происходило. Оформив в качестве рацпредложения свой вариант проекта, подрядчик получил с заказчика первоначальную сметную стоимость работ, включающую затраты на замораживание грунта. А ведь на самом-то деле его никто не морозил.

Впрочем, выгоды от рационализации не заканчиваются и на этом. К полученным задарма средствам за работу мифических холодильных установок по цепочке присоединились другие выплаты. Были также похвалы и поощрения за успешное выполнение плана. Всего этого, несомненно, оказалось вполне достаточно для того, чтобы строители никогда и нигде не заводили разговора о качестве проекта, разработанного институтом. Для них обернулось бы крайней невыгодой известие о плохой работе института над проектом колодца. Появись на свет акт экспертизы об ошибках в проекте — заказчик заплатил бы строителям уже не по смете, признанной в акте ошибочной, а по фактическим объемам выполненных работ. И тогда не было бы у них ни премии за рационализацию проекта, ни экономии, ни прибыли.

В таких условиях родился вынужденный компромисс в отношениях между строителями и проектировщиками. Он-то и поглотил конфликт между новатором и консерватором, послуживший, как известно, основой для различных пьес, повестей и рассказов на производственные темы. За любой компромисс (такова логика вещей) нужно платить. В нашем случае это делает государство. Именно оно оказалось в проигрыше и убытке, ибо подобного рода рационализация на стройке служит иногда лишь надежным способом для проектировщиков замаскировать брак в работе, а для строителей — удобным средством получения денег, заложенных в смете, но не заработанных ими в действительности. Однако материальные затраты — лишь часть жертвы, поглощаемой компромиссом. При этом часть, в общем-то, легко восполнимая. Значительнее ущерб моральный. Ведь люди, поставленные в ненормальные условия хозяйствования, теряют правовые, нравственные и моральные ориентиры. А восстановление их, как говорит опыт, процесс весьма длительный.

Как же поступить с рационализацией на стройке? На мой взгляд, сюда нужно как можно быстрее вернуть конфликт между новатором и консерватором, исчезнувший временно из-за того, что спутались критерии, позволяющие отличать подлинное новаторство от

многого. Для этого требуется строгий — как моральный, так и материальный — спрос за результаты труда со всех участников строительного производства.

— Надо бы сделать так, — вслух мечтал я во время нашего разговора с Удодовым, — чтобы деятельность строителей и проектировщиков оценивалась не раздельно, по этапам, а целиком, по совместным конечным результатам, за которые следует считать сдаваемые «под ключ» жилые дома и промышленные объекты.

— Когда это еще будет, — остудил мой пыл Сергей Александрович. — А пока лично мне приходится считаться с тем, что есть в реальности. Поэтому я в другой раз крепко подумаю, прежде чем изменю что-либо в проекте. Пусть даже он будет из рук вон плох и подоконники на корпусе придется устанавливать метровой ширины.

Горько было слышать эти скучные слова от человека, судя по всему, толкового, искреннего, равнодушного, с хорошим хозяйским взглядом на вещи. Однако можно ли строго судить за них прораба, ищущего ответы на наболевшие вопросы?

Комментарий юриста

Хочу сразу отметить, что статья Г. Макарова поднимает интересные, я бы сказал, весьма острые вопросы, которые связаны с тем, что на языке юристов называется «правовым регулированием капитального строительства». Такие вопросы очень важны, ведь от правильного их решения зависят и качество, и экономичность стройки.

Подрядчик обнаружил ошибки в полученном проекте. Какие? Порой самые простые, даже арифметические. Ошибся проектировщик в счете, и в результате стоимость работ оказалась завышенной или, наоборот, заниженной. А вот совсем иная ситуация. Явных ошибок

в проекте нет, но у подрядчика «есть предложение», и если оно будет принято, проект станет лучшим: без каких-то запроектованных работ можно обойтись, каких-то материалов можно использовать меньше, более дефицитные и дорогие — заменить менее дефицитными и дешевыми и т. п. И это, отметим, без ущерба для стройки: ни прочность, ни эксплуатационные качества сооружения не пострадают.

Какие же последствия возникают в подобных случаях во взаимоотношениях подрядчика, заказчика, проектной организации?

Начнем с отношений заказчика и подрядчика. Государ-

ство заинтересовано в том, чтобы строительство осуществлялось по самым совершенным проектам, и с этой целью установило весьма реальный и эффективный стимул для подрядчика: внесешь и реализуешь предложение — выгода от него достанется тебе. Записано это в действующих Правилах о договорах подряда на капитальное строительство, утвержденное Советом Министров СССР в 1969 году. В п. 45 Правил читаем: вся экономия, которая будет получена в результате осуществления подрядчиком предложенных им мероприятий, удешевляющих строительство против сметы, остается у подрядчика. Кроме того, все, что должно быть выполнено по проекту, засчитывается в фактическое выполнение плана строительно-монтажных работ и заданий по снижению их себестоимости (по прибыли). Поэтому представляется неточным указание, содержащееся в ответе Госстроя СССР, приведенном автором статьи. Экономия, полученная в результате осуществления предложения, о котором говорится в п. 45 Правил (как помните, речь шла о свайном основании типовых жилых корпусов), должна быть оставлена подрядчику «не в порядке исключения», не в виде милости, а как причитающееся ему по закону вознаграждение.

Ну, а если речь идет об «ошибках»? Здесь уже последствия совсем иные. Как предусмотрено п. 44 тех же Правил, все сводится к тому, что по соглашению подрядчика с заказчиком в проект и смету вносятся необходимые изменения.

Если в проекте случайно не заложена, скажем, стоимость

крыши, то подрядчик сам заинтересован в том, чтобы заниженная стоимость работ была увеличена. А если заложена лишняя крыша, то и тогда подрядчик должен обратить на это внимание. Во-первых, как правильно пишет автор статьи, — это вопрос морали, добросовестности, а, во-вторых, при окончательных расчетах излишек все равно будет выявлен.

Однако могут быть и другие «ошибки», которые сложнее отграничить от «предложений», предусмотренных в п. 45 Правил. Здесь-то и возникает весьма сложная проблема. Между тем 11 марта 1977 года четыре ведомства (Госстрой СССР, Госплан СССР, Стройбанк СССР и Госбанк СССР) издали письмо «О порядке применения Правил о договорах подряда на капитальное строительство». В нем много внимания уделено отграничению «предложений» от «ошибок». В письме рассмотрены и разные частные ситуации, возникающие при проведении отдельных видов работ (при устройстве свайных оснований, строительстве угольных, горнорудных шахт и рудников, производстве буро-взрывных работ). Общих признаков «предложения» в этом письме пока нет. Следует надеяться, что будет издано новое письмо, регулирующее и такие проблемы, которые поставлены автором в случае, например, замены широкими подоконники узкими.

Хотелось бы сказать несколько слов о «подозрительном финансисте». Конечно, можно себе представить такую ситуацию, когда работники подрядчика и проектной организации встанут на путь мошенничества, но тут уж слово за уголовным кодексом. Однако нель-

зя же подозревать всех в преступлении.

Ну а теперь о взаимоотношениях заказчика с проектной организацией. Выполнен план, но впоследствии он был исправлен подрядчиком, изменен, усовершенствован или даже, как имело место в случае с проектом канализационного колодца, заменен другим, разработанным подрядчиком. В результате проект, оплаченный заказчиком, частично или даже полностью оказался нереализованным. Влечет ли это какие-либо неблагоприятные последствия для проектной организации?

Отношения заказчика с проектной организацией регулируются Правилами «О договорах на выполнение проектных и изыскательских работ». Они были утверждены Госстроем СССР, Госпланом СССР и Министерством финансов СССР еще в 1959 году и предусматривают определенную ответственность проектных организаций. В частности, за ненадлежащее качество проекта (что и произошло в описанном автором слу-

чае) ответственность наступает только тогда, когда применение проекта повлекло за собой фактические убытки у заказчика. Но во всех рассматриваемых ситуациях, идет ли речь об исправлении «ошибок» или о реализации «предложений подрядчика», никаких убытков у заказчика не возникает. Выходит, проектная организация свободна от ответственности. Понятно, что такое положение не стимулирует проектную организацию к повышению качества разрабатываемых ею проектов.

Между тем на вопрос, что же в таких случаях делать, прямо и ясно отвечают решения XXV съезда КПСС, потребовавшего «улучшить проектно-сметное дело, повысить ответственность проектных, конструкторских и научных организаций за высокий технический и экономический уровень проектных решений».

М. БРАГИНСКИЙ,
доктор юридических наук,
профессор

ПУТЬ К РОДНОМУ ДОМУ

Письмо в редакцию от супругов Суровцевых * было коротким: «Помогите! Из дому ушел наш пятнадцатилетний сын. Живет у учительницы. Мы обеспокоены, что мальчик может сбиться с правильного пути...»

В недосказанности звучала тревога.

И я направилась по указанному на конверте адресу в дом, где раньше жил Олег Суровцев, к его родителям.

На мой звонок дверь почти мгновенно отворилась: видно, приход ждали. На пороге стояла невысокая шатенка лет тридцати пяти. Из двери напротив входной тут же вышел пожилой, сухощавый седой мужчина. Они заговорили, перебивая друг друга.

— Мы так и знали: как только вы получите письмо об этом безобразном случае, сразу к нам приедете. Сразу поможете нам.

Но потом мужчина, сделав предупреждающий знак жене, продолжил один.

— Начнем сначала,— предложил он, едва я сняла пальто.— Со знакомства. Перед вами отец, его отец, Сергей Акимович,— церемонно наклонил он голову.— Вот мама, Вера Павловна,— жест в сторону жены.— Катя! Принеси Ваню,— крикнул он в глубину квартиры, подождет, когда выйдет из двери насупленная белобрысенькая девочка с мальчиком на руках.— Это брат и сестра. Вот наша простая, трудовая семья,— произнес он торжественно.— Теперь начнем осмотр.— И повел по квартире.— Комната, комната. Комната Олега. Обратите внимание: квадратная, с двумя окнами, у стены пианино,— он пересек комнату, поднял крышку, замер, давая возможность оценить красоту инструмента. Затем закрыл пианино.— Цена — тысяча пятьсот рублей. Кухня, ванная, санузел.— Я едва поспевала за Сергеем Акимовичем. А он тем временем вернулся в комнату Олега, сел к столу, подождет, когда мы с Верой Павловной зайдем указанные им места.

— Теперь слушайте! Слушайте! Мы с женой все расскажем об этом...— И быстро заговорил: — Чтобы вам все было ясно, надо

* Имена и фамилии в очерке изменены.

обрисовать обстановку. Я его воспитываю с детства. Я его усыновил. Денег на него не жалел. Вот тут у меня записаны расходы. Я подсчитал на досуге. Школьная форма покупалась четыре раза, восемь пальто, двадцать семь пар обуви...— Список завершало пианино.

Я чуть растерялась от обилия цифр, да, по правде сказать, вовсе не перечень покупок ожидала я услышать от авторов тревожного письма. Но разговоры начинаются по-разному.

— И чтобы вы сразу знали он — Олег, стало быть, — он тунейдец. — Суровцев хлопнул по столу ладонью, как печатью пристукнул по важному документу. — Тунейдец, хвастун, лгун, неряха, лентяй!

— Он плохо учился? — спросила я.

Ответ обескуражил:

— Восьмой класс закончил без единой тройки! И вообще за все школьные годы у него годовые только пятерки и четверки.

— Олег, если я не ошибаюсь, занимался музыкой?

— Да. И неплохо. У него нашли абсолютный слух, вот я и определил его в вечернюю музыкальную. Все лучше, чем толкаться без дела. Так у него все вечера были заняты.

— Почему же вы считаете его лентяем?

— Потому что он лентяй! А школьные успехи — это моя заслуга! — И Сергей Акимович гордо вскинул голову. — Нелегко из лентяя, тунейдца выбивать отличные отметки! Ох, как нелегко! Я вам покажу.

Он прошел к этажерке, порылся в стопке тетрадей, отобрал несколько и положил их передо мной. Я раскрыла первую. Вверху страницы стояло число, а затем следовало расписание, по минутам был размечен весь день подростка: подъем, завтрак, занятия в школе, уборка по дому, приготовление уроков, приготовление заданий по музыке, гуляние с Ванечкой, занятия в музыкальной школе... Я взяла следующую тетрадку. Обращало на себя внимание, что и тут не был пропущен ни один день. Какой же организованностью должен был обладать воспитатель, чтобы так, не уставая, расписывать жизнь подростка! Из месяца в месяц, из года в год. Я стала вчитываться в замечания, сделанные чуть ли не каждый день. Под ежедневной подписью Сергея Акимовича шла оценка: «Время прогулки с Ваней было на пять минут самовольно сокращено». «На приготовление домашнего задания затрачено недопустимо мало времени». «Уборка проведена не за 40, а за 30 минут. Недопустимо». Я пролистала тетради. Бросилось в глаза, что записей о нарушении режима становилось тем меньше, чем свежее была тетрадь.

— Вот видите, — победно взглянул на меня Сергей Акимович. — Он уже почти не отступал от строго установленного распорядка. Он почти стал человеком.

Суровцев ждал одобрения. А меня вдруг охватило беспокойство:

— Скажите, а вы думаете, мальчику легко было изо дня в день исполнять расписанные по минутам задания?

— Нелегко! Нелегко! — весело рассмеялся Сергей Акимович. — Нелегко, ведь он же лентяй, тунейдец. Он мучился.

В голосе слышалось ликование. Что радовало Сергея Акимовича? Неужели упоминания о мучениях пасынка? Хотелось выяснить, попыталась возразить:

— Олегу всего ведь пятнадцать.

А меня будто и не слышали:

— Он — туняец. Его все время приходилось ломать. Ему бы только в кино, да на разные там мероприятия, да с друзьями поболтать.

— Он что, связан с дурной компанией?

— Ну, до такого не дошло. Но всякие «клубы любителей музыки», — в голосе Сергея Акимовича звучал сарказм, — концерты художественной самодеятельности, обсуждения кинофильмов и тэдэ и тэпэ — пустая трата времени...

— Вы так считаете?

— Я так считаю. Я в этом уверен!

— А дружба? Друзья?

Сергей Акимович усмехнулся наивности вопроса:

— Я вот не трачу времени зазря на встречи, застолья, беседы. Могу сказать даже больше — у меня нет друзей. Ну и что? Как видите — живу. И неплохо. У меня трудовая, прекрасная положительная семья. Если, конечно, не считать этого лентяя, выроodka, подзаборника...

И тут вдруг закричала Вера Павловна, будто прорвало плотину молчания:

— Зачем ты так? Мальчик не такой. Разве он виноват, что нас бросил его отец? Олег хороший, добрый...

Я не предполагала, что у Сергея Акимовича может быть такой мощный голос. Он буквально заглушил крик жены:

— Я требую, чтобы вы, Вера Павловна, замолчали и верили мне! Требую. Иначе вам придется выбирать: я или он.

И я увидела, как сразу же сникла, замолчала эта женщина, ни слова не сказав более в защиту сына. А Сергей Акимович, распалившись, только и повторял:

— Он еще приползет на коленях! Он еще у нас попрыгает. Он еще будет умолять о прощении. Вот что нам с женой надо! И я этого добьюсь!

Так вот о чем «беспокоился» отчим, а вовсе не о беде, что грозила подростку, как о том было написано в письме в редакцию.



Постепенно знакомясь с «делом» Олега Суровцева (а поговорить пришлось со многими людьми: педагогами, членами комиссии по делам несовершеннолетних, прокурорами, работниками роно, сотрудниками милиции), я смогла восстановить события.

Итак, произошло это действительно накануне прошлогодней летней практики.



Олег собирал рюкзак, когда отчим вошел в комнату. Мальчик почувствовал, что Сергей Акимович недоволен, едва услышал его тихий голос:

— В чем дело?

— Собираюсь на практику. Послезавтра едем. В лесничество. Ты же знаешь, папа, — спокойно ответил Олег. — Родителям восьмиклассников объявили на собрании. Мы будем собирать гербарий.

Сажать лес. Людмила Петровна сказала, что мне эта поездка много даст и как музыканту. Природа... лес...

Сергей Акимович рассмеялся, взвизгивая, произносил отдельные слова:

— Музыкант! Ха-ха! Музыкант! Гений! Ха-ха. Много даст! — И, вмиг посерьезнев, будто и не смеялся, тихо, но жестко сказал: — А что, эта старая гримза Людка больше, чем я, разбирается, что тебе нужно, а что — не нужно?

— Как ты можешь так говорить об учительнице?

— А вот и могу. Раз она тебя — тебя! — хвалит, значит, ни в чем не разбирается, ни бельмеса не понимает в воспитании. Хвалить, поощрять тунеядца может только набитый дурак, в данном случае — дура. Ты же тунеядец, лентяй, хвастун... Впрочем, незаконнорожденным это свойственно...

До Олега не сразу дошел смысл услышанного. А потом накатились стыд и растерянность.

— Сергей Акимович, вы не смеете всех оскорблять!

Впервые Олег назвал отчима Сергеем Акимовичем.

— Оскорблять? Ха-ха. Оскорблять! Его, видите ли, оскорбили! — отчим опять смеялся.

Олег нагнулся, трясущимися руками затянул веревку на рюкзаке и, едва сдерживая слезы, прошептал:

— Я ухожу. Навсегда.

Улыбка все еще играла на губах Сергея Акимовича.

— Навсегда? Прекрасно! Ты еще пожалеешь, щенок!

Два дня до практики Олег провел у товарища. И после практики домой не вернулся.



Родного отца Олег не помнит... Однажды в их доме появился он — Сергей Акимович. Мама в первый же день сказала:

— Зови его папой.

Сергей Акимович строго взглянул на жену и поправил ее:

— Я и есть папа. Понятно?

Но, как видно, ребенок не сразу все понял. Через несколько дней он передал матери разговор ребятишек в детском саду:

— Они говорят, что папа старый, как дедушка.

Тогда мама больно хлестнула по щеке.

— Дрянь! Дрянь! Он — папа, папа. Запомни!

Олег хорошо запомнил урок. Впрочем, в их доме на многое существовал запрет молчания. Спрашивать нельзя было не только о возрасте Сергея Акимовича, но и о том, где он трудится. Из разговоров матери и отчима можно было понять: Сергей Акимович часто-часто менял работу. И всегда все вокруг были виноваты, всегда его недооценивали.

Зато сам Сергей Акимович требовал от пасынка полного отчета обо всем.

— Я должен знать все! — часто повторял он. — Я должен иметь возможность контролировать тебя. Чтобы не получилось чего-нибудь дурного.

И Олег рассказывал. Иной раз замечания отчима бывали для мальчика вовсе неожиданными:

— Готовишься в пионеры? Думаешь, великое дело делаешь?

— Пионерское поручение? Запомни — это тебе не надо! Не надо! Ах, ты уже согласился? Зря!

— Член комитета комсомола школы? И нравится? Ненормальный!

— Собираешься быть учителем? Голодранцем, значит?

— Запомни, надо работать там, где больше платят.

Маленький — он не смел протестовать. Просто, заметив разницу между тем, что говорилось в школе и дома, старался понять, разобраться, кто же прав. Жизненный опыт у Олега был невелик, но сердцем он почуял: в словах учителей была правда, в словах и поступках Сергея Акимовича — злая издевка, клевета.

Теперь же ему хотелось открыто заявить: «Я не согласен! Я не хочу быть таким, как вы. Я не хочу брать с вас пример. И не буду!»

Протест накапливался.



Дома Олег все время ощущал на себе неласковый, оценивающий взгляд отчима. Тот постоянно следил за пасынком.

И только в школе он чувствовал себя уверенно, свободно. Учился Олег всегда с радостью, хорошо. Вначале ему просто хотелось сделать приятное первой учительнице, ласково и внимательно относиться к детям. Позже добросовестное приготовление уроков вошло в привычку. Он был хорошим товарищем, и ребята, оценив в Олеге эту черту, неизменно избирали его в совет дружины, комитет комсомола школы.

Да, он не доставлял учителям тех хлопот, которые доставляли трудные подростки. Но беспокойство вызывал. Учителя ощущали внутреннюю напряженность мальчика. Он — такой открытый, мягкий, щедро идущий на общение, — замыкался, едва речь заходила о доме.

...Олег учился уже в восьмом классе. Как-то преподаватель биологии, организатор внеклассной работы Людмила Петровна Глинова проходила мимо кабинета, где Олег готовился к очередному заседанию «Клуба любителей музыки». Учительницу насторожило, как внезапно оборвалась музыкальная фраза. Она вошла в класс и увидела, что мальчик, уронив голову на клавиши, плачет... Плачет? Взрослый парнишка — и плачет? Учительница подошла, положила руку на плечо:

— Олег! Что с тобой?

Он резко выпрямился, отвернувшись, ответил:

— Ничего!

Но учительница видела, что за резкостью скрывается какое-то горе. Оставить его наедине с самим собой было нельзя. Она стала расспрашивать. Постепенно Олег разговорился. О деспотизме отчима, о холодности матери. О постоянном обмане, что царит в их доме (отец все время поучает: «Не говорите, где работаете», «Не отвечайте, куда ушел», «Не рассказывайте о даче»). Об унижительном контроле за каждым шагом и неприкрытой слезке.

И хоть Олег говорил горячо и, казалось, искренне, Людмила Петровна вначале отнеслась к его признанию настороженно. Опытный педагог, тридцать лет проработавший в школе, она знала, что в пе-

реходном возрасте ребята бывают впечатлительны, иной раз придумывают беды, любят себя пожалеть, ищут сочувствия и сострадания.

Поэтому Людмила Петровна попыталась урезонить и успокоить мальчика:

— Может быть, все дело в том, что тебе приходится помогать маме? Ведь вас трое, если я не ошибаюсь, — десятилетняя сестренка и маленький братик. Так? Вот видишь... Наверное, маме тяжело со всеми вами управляться.

Олег молчал. А потом вдруг, будто через силу, будто не решаясь, промолвил:

— Он не только меня не любит. Он ничего-ничего вокруг не любит. Ему все плохо. Все не так. Узнает о ком-нибудь, о чем-нибудь плохое — и радуется. Начну рассказывать о нашем лесничестве, о кружке, о стройке — надо всем насмехается.

Разговор, в общем-то, не получился. Но и не прошел даром. Людмила Петровна поделилась с директором школы. Они стали вспоминать, сопоставлять. И ранее вовсе необъяснимое, выбивающееся из привычного представления об этой благополучной семье стало проясняться. Учителей Олега всегда ставила в тупик злая скрупулезность, с которой Сергей Акимович выяснял, какие у пасынка были отметки. Если у Олега после тройки стояла высокая отметка, Сергей Акимович устраивал шумный разнос учителю. Он всегда перебивал учительницу, если та отмечала успехи мальчика: «Требую прекратить захваливание! Не развивайте в Олеге тщеславие. Он склонен к лени и тунеядству».

— Создается впечатление, что Суровцев просто не любит мальчика, — заметила Людмила Петровна. — А может быть, тут крайнее проявление властолюбия? Такого властолюбия, когда отец получает удовольствие от подавления воли сына. Этаким душевным садизм.

...Теперь Людмила Петровна старалась, как могла, приласкать, ободрить Олега. Так она понимала долг учителя, воспитателя. Не удивительно, что Олег, лишенный дома тепла, любви, понимания, потянулся к ней.



Об учительстве она мечтала еще девочкой, в школе. В письме с фронта поздравлял ее с поступлением в педагогический институт молодой муж. «Как я рад за тебя, Люда, — писал он. — Как рад за нас с тобой. Как я рад, что никакая фашистская нечисть не сможет помешать осуществлению наших планов». Это было его последнее письмо. Он погиб в сорок третьем.

А когда через четыре года Людмила Петровна пришла на свой первый урок, она считала, что должна выполнить завещанное им — быть хорошей учительницей. «А значит, прежде всего надо думать о ребятишках», — было написано в том же давнем письме.

Людмиле Петровне и не надо было особенно стараться, чтобы стать такой учительницей, заботящейся, болеющей о своих учениках, — она была такой. И этот ее особый педагогический талант был скоро замечен и отмечен. Кроме ведения уроков ей, молодому коммунисту, было поручено шефство над пионерской, комсомольской организациями школы, а когда через несколько лет в школе была введена новая должность организатора внеклассной и вне-

школьной работы, она, естественно, была поручена Людмиле Петровне.

При первом, поверхностном осмотре эта школа ничем не отличается от других. Да и чем она может отличаться? Типовое четырехэтажное здание с широкими окнами, гулкими коридорами, просторными классами, обставленными типовой школьной мебелью. На стенах — газеты, витрины, выставки, объявления, плакаты. Как и в других школах. Но ты ходишь, приглядываешься и постепенно замечаешь некоторое отличие. После уроков здесь шумно и оживленно: работают кружки, готовятся сборы. Готовят их сами ребята, многие кружки ведут школьники (кстати, Олег Суровцев второй год ведет «Клуб любителей музыки»).

Это не случайно. Именно Людмила Петровна — заместитель директора по внеклассной работе — считает (и свои убеждения проводит в жизнь), что учить ребят самостоятельности, гражданской активности нужно не только словом на уроке, но и предоставляя им возможность самим организовать общественное дело, выполнить его.



Случайно ли, что Олег Суровцев именно с Людмилой Петровной поделился своей бедой? Случайно ли, что Людмила Петровна (пусть не сразу) поняла мальчика?

Как уже было сказано, после окончания прошлогодней практики Олег не поехал домой, жил у друзей, несколько дней провел на вокзале, ожидая приезда из отпуска Людмилы Петровны, которая после завершения практики уехала в Киев. Встретил Людмилу Петровну у поезда. Сбивчиво стал говорить, что ушел из дома.

— Он меня оскорбил... Он меня оскорбил...

А Людмила Петровна уговаривала мальчика вернуться к родителям: ну мало ли что случается в семье...

И уговорила.

А через несколько часов Олег Суровцев уже постучался в двери комнаты Людмилы Петровны.

— Можно я... побуду у вас? Мне идти больше некуда. Не гоните меня! — с надеждой в голосе попросил мальчик. — Вы не представляете, какой он, этот отчим...

Отчим позвонил учительнице через несколько дней (то был первый звонок за те долгие для Олега дни, когда он ушел из дома, скитался по Москве).

— Приведите мне сына! — не поздоровавшись, крикнул Суровцев Людмиле Петровне.

— Как я могу привести мальчика туда, куда он не желает возвращаться? — по возможности спокойно ответила учительница. — Кроме того, один раз мне удалось его уговорить, вы же сделали все, чтобы оттолкнуть мальчика от себя.

— Ах, вы еще и рассуждаете? — не сдерживаясь, закричал Суровцев-старший. — Ну что ж... вы еще пожалеете об этом!

Угрозу свою он постарался осуществить. Через несколько дней следовательно опрашивал соседей, преподавателей школы, ребят. И не мог не делать этого. Сигнал, поступивший в прокуратуру, был тре-

вожен: Сергей Акимович обвинял пожилую учительницу в том, что она насильно, обманом задерживает мальчика у себя.

Сигнал был проверен. Отмечено, что сведения, сообщенные в письме, не получили ни малейшего подтверждения.

Тогда Сергей Акимович написал в городскую прокуратуру, жалуясь на недалекость и преступное попустительство районной прокуратуры. Снова проверки — и снова отказ.

Прокуратура направила материал в комиссию по делам несовершеннолетних при исполкоме райсовета, с тем чтобы решить судьбу подростка.

Заседание комиссии по делам несовершеннолетних было бурным. Точнее — нервным. Тон задал Сергей Акимович. Он перебивал выступавших, давал «пояснения», одергивал тех, кто говорил то, что ему не нравилось, то есть всех, ибо не было человека, который бы выступил в его поддержку. Учителя, комсомольцы, товарищи Олега, члены комиссии говорили, что в той обстановке, в которой проходила жизнь подростка, находиться трудно. А потом взял слово Суровцев-старший. Час двадцать минут обличал всех и вся от своего имени и имени жены, доверившей ему высказать их общее мнение. И за это время — ни одного доброго слова об Олеге. В конце заседания спросили мнение пятнадцатилетнего мальчика. Он, не колеблясь, ответил:

— Я никогда не вернусь к родителям. Ни за что.

Решение членов комиссии было единодушным — направить Олега Суровцева в школу-интернат.

— Как — не домой? Значит, и вы потакаете порокам? — встал, услышав решение, Суровцев-старший. — Не думайте, что вы бесконтрольны. И на вас управа найдется. Прежде всего, предупреждаю, я вас ослаблю.



Встречу с Олегом Суровцевым я откладывала. Хотелось прежде подробнее ознакомиться с сутью конфликта, а уж потом — с Олегом.

Он вошел в учительскую, робко постучавшись. Высокий, светловолосый, кареглазый. Улыбка у него была застенчивой и приятной. И мы разговорились о школе, о доме, об учебе. А потом вдруг он сам, пронзительно тоскливо глянув на меня, как-то затравленно произнес:

— Вот Сергей Акимович что только не придумывает, в чем только не обвиняет меня: лентяй, тунеядец, незаконный...

— Олег! О чем ты? Слова-то какие — будто из прошлого...

Но он перебил меня:

— Нет, нет, вы послушайте! Я знаю, человек не может не измениться, все время слушая оскорбления. Я вот тут пословицу вычитал: говори человеку, что он свинья, — он в конце концов захрюкает... Мне иногда казалось, что я совсем конченный человек. Жить не хотелось. Поймите меня. Родителей не выбирают. Но Людмила Петровна — она мне как вторая мама. Нет, первая. Главная мама. Потому что она меня любит. А той маме... а той маме, наверное, меня даже не жалко. Она же не заступилась за меня! Я знаю — ее.

замучил Сергей Акимович. Сказал: или он, или я. Но все равно... Должна же она хотя бы... хотя бы иногда останавливать его!

Бывает так — человеку веришь потому, что видишь его искренность и порядочность.

Олегу я поверила. И не только потому, что он был предельно чистосердечен. Но и потому, что в пространном рассказе об успеваемости, нагрузках, обязанностях он ни разу не отступил от правды, — я просто не могла этого не отметить: его повествование до мельчайших деталей сходилось с рассказами учителей.

— Я никогда не вернусь туда! — сказал и сразу осекся Олег. — Хочу жить у Людмилы Петровны. Учиться, а потом работать, ей помогать. Приходите к нам. Конечно, у нас скромно. Но не в этом дело. У Людмилы Петровны хорошо, мне не приходится врать, умалчивать. Она никогда не высмеивает... мечты. Она меня уважает. Она гордится своей работой.

Он говорил об этом как о чем-то необычном. И мне подумалось: каким же мрачным, ненормальным должен был быть прежний дом Олега, чтобы обыденные вещи вызвали недоумение, радовали как открытие.



Я слушала Олега, а в ушах звучали слова Сергея Акимовича, что я услышала «под занавес»: «Он еще приползет на коленях! Он еще у нас попрыгает! Он еще будет умолять о прощении. И я этого добьюсь!»

Суровцев-старший как только мог старался осуществить эту угрозу. Уже упоминалось о решении комиссии по делам несовершеннолетних. Но чтобы его выполнить — необходимо было согласие родителей, которые обязаны платить за содержание их ребенка в школе-интернате. Суровцевы согласия не дали.

Комиссия по делам несовершеннолетних передала материалы в роно. Роно начал дело в суде: подал иск об отобрании ребенка. Но дело откладывалось со дня на день, из месяца в месяц.

То Вера Павловна Суровцева приносила в суд больничный лист: у нее температура. Второй раз — у Сергея Акимовича высокое давление. А там — приболел младший мальчик. В следующий раз Сергей Акимович заявляет, что дело не может слушаться без какого-либо свидетеля... Опыт проволочек у Суровцева-старшего огромный. В архиве районного народного суда хранится дело: Суровцев-старший судился с матерью из-за квартиры. Сын, который был ответчиком, затягивал суд не один год. До тех пор, пока мать не умерла, и С. А. Суровцев таким образом «выиграл» дело — квартиру старушка освободила.

Суровцев-старший не просто выжидал — действовал; Сергей Акимович и Вера Павловна приходили в школу, всячески оскорбляли учительницу и Олега. Товарищам Олега Суровцев-старший рассказывал о порочности Олега, распускал самые фантастические слухи.

Конечно, можно упрекнуть прокуратуру, что не возбудила дела по обвинению С. А. Суровцева в клевете, оскорблении. Но Людмила Петровна Глинова не подавала заявления. Ее бездействие каза-

лось необъяснимым, ее пассивность удивляла. Как-то у нас с ней зашел об этом разговор. Ответ ее был неожиданным.

— Да, я знаю, за меня заступились бы. Правда на моей стороне. Закон — тоже. И все-таки после долгих раздумий я решила не подавать заявления в суд, в прокуратуру. Мне кажется, для Олега подобная постоянная ревизия действий матери и отца не безвредна.

И Людмила Петровна заговорила не об оскорблениях, наносимых ей, а о будущем Олега. Это педагога волновало больше всего.

У Олега все благополучно в школе, с ребятами. Учится в десятом, с успехом закончил музыкальную школу, по-прежнему активный общественник, секретарь школьного комитета комсомола, председатель «Клуба любителей музыки», все лето проработал на фабрике.

Из столкновения с мешанством он вышел победителем. Но нужно ли еще раз ворошить прошлое, нужно ли заставлять переживать заново, возвращаться к воспоминаниям об унижениях, что сопровождали Олега в семье отца?

Вот что беспокоило учительницу, выбранную Олегом Суровцевым в матери. Вот о чем думала женщина, принявшая на себя этот благородный и трудный долг.



Совсем недавно пришло сообщение из роно:

— Суда не будет. Иск об отобрании ребенка у Суровцевых мы отзываем.

— Почему? — спросила я инспектора по опеке и попечительству.

— Да потому, что только что Суровцевы дали согласие на усыновление Олега Глиновой.

Закончилась полутрагическая тяжба. И нынче, когда я думаю о Суровцевых-старших, то убеждаюсь, что уроки и выводы, что вытекают из происшедшего с ними, весьма поучительны.

Казалось бы, правильные вещи говорил С. А. Суровцев пасынку: хорошо учись, помогай матери, гуляй с маленькими. Откуда же такой протест у Олега? Оправдан ли он?

Н. К. Крупская писала: «Для ребенка идея неотделима от личности. То, что говорит любимый учитель, воспринимается совсем по-другому, чем то, что говорит презираемый им, чуждый ему человек».

Сергей Акимович был чужд Олегу, чужд своей скрытностью, обманом, злобой, злорадством. И коль таким он воспринимался Олегом, подросток не слышал уж ничего доброго, полезного в словах отца. Да и было ли что-то доброе? Сергей Акимович, твердо веря в собственное превосходство над всеми, не старался ни понять подростка, ни полюбить его. Он мечтал об одном: сломить пасынка, подогнать под свои понятия о «правильном» человеке. А неподчинившегося он задумал наказать. Во всех его планах не осталось и места мыслям о будущем Олега, беспокойству за его судьбу. К сожалению, и мать Олега пассивно следовала за мужем. Суровцевы-старшие бились, чтобы вернуть Олега, чтобы утвердить мнение окружающих о своей «прекрасной семье», чтобы доказать свое право на

власть над жизнью, поступками, мыслями, симпатиями подростка. Но такого собственнического права в нашей стране не существует.

Любовь — то чувство, тот признак, без которых не мыслится семья, настоящая семья. Из скольких бы человек она ни состояла. Раньше у Олега было место проживания и не было семьи. Теперь — есть дом, есть мать, он живет в семье.

Но не просто из неласкового дома в дом, где тепло от душевной заботы живущих, ушел паренек. Олег ушел из дома, где не уважали человека, где высмеивали наши идеалы, где к жизни относились потребительски, где «забота» исчислялась в затраченных рублях, где воспитание сводилось к понуканиям, запретам. Ушел туда, где его не принуждают изворачиваться и лгать, где не двурушничают, где не мстят за самостоятельность суждений.

Трудным был путь Олега к родному очагу. Но у этой истории, несмотря на ухабы дороги, благополучный конец.

комментарий юриста

Семья — необходимая ячейка общества, ее важнейшая функция — рождение и воспитание детей. Статья 66 Основного Закона обязывает граждан СССР заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества. В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье записано: «Забота о советской семье, в которой гармонически сочетаются общественные и личные интересы граждан, является одной из важнейших задач Советского государства».

Обязанность воспитывать детей в первую очередь возлагается на их родителей. Естественное чувство любви человека к своему ребенку заставляет каждого стремиться самому непосредственно его растить и воспитывать. Именно поэтому родители в первую очередь наделяются так называемыми ро-

дительскими правами, то есть правом на личное воспитание ребенка. Родительские права неразрывно связаны с родительскими обязанностями и представляют собой две стороны одного и того же явления.

Государство всемерно охраняет права родителей. Для защиты своих прав родители могут требовать возврата им ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или судебного решения. В то же время неразрывная связь родительских прав с обязанностями неизбежно приводит к тому, что эти права охраняются лишь при условии надлежащего выполнения родителями своих обязанностей. При этом закон особо подчеркивает, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей (часть 6 статьи 18 Основ). Исходя из этого статья 58 Кодекса о браке и семье РСФСР (а подобные статьи есть

и в кодексах других союзных республик) предусматривает, что суд вправе отказать в удовлетворении требования родителей о возврате им ребенка, если придет к выводу, что это не соответствует интересам ребенка.

Родители, как уже отмечалось, пользуются своими правами лишь постольку, поскольку должным образом выполняют свои обязанности. При ненадлежащем выполнении их права не только не охраняются, но они могут быть лишены этих прав. Закон предусматривает, что родители или один из них могут быть лишены родительских прав, как о том говорится в части 1 статьи 19 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, «если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей или злоупотребляют своими родительскими правами, жестоко обращаются с детьми, оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением, а также, если родители являются хроническими алкоголиками или наркоманами». Если оба родителя лишены родительских прав, то ребенок передается на попечение органов опеки и попечительства. Эти органы определяют дальнейшую судьбу ребенка, устраивают его в соответствующее детское учреждение или передают в другую семью.

Лишение родительских прав — это крайняя мера, к которой прибегают, когда установлено виновное поведение родителей и суд приходит к убеждению, что нет оснований рассчитывать на изменение родителями своего поведения и

своего отношения к ребенку, нет надежды на то, что они сумеют создать ребенку необходимые условия для нормального развития.

Жизнь сложна, встречаются случаи, когда ребенка нельзя оставить у родителей, потому что создававшаяся в семье обстановка опасна для него, но в то же время нет достаточных оснований, чтобы прибегнуть к такой крайней мере, как лишение родительских прав. Опасная для ребенка обстановка может создаться в результате неопытности родителей, из-за болезни, иной раз и вины, но не настолько тяжелой, чтобы применение крайней меры было обоснованным. Закон особо предусматривает и такую ситуацию. Статья 64 КоБС РСФСР (есть соответствующий закон и в других союзных республиках) устанавливает, что суд вправе принять решение об отобрании ребенка и передаче его органам опеки и попечительства, независимо от лишения родительских прав, если оставление ребенка у лиц, у которых он находится, опасно для него.

Что означает понятие «опасно»? Было бы неправильно понимать под этим лишь непосредственную угрозу жизни или здоровью ребенка. Конечно, встречаются и такие случаи. Например, мать, больная тяжелым, опасным для окружающих заболеванием и живущая в условиях, при которых невозможно предотвратить опасность заражения, тем не менее не давала согласия на помещение ребенка в детское учреждение. Ребенок был отобран по суду, но, конечно, никаких оснований лишить мать родительских прав не было.

Понятие «опасно» рассматривается шире. Обстановка, которая способна травмировать ребенка, лишить его радостей детства, повлечь нежелательные изменения в его поведении и характере, способная наложить неизгладимый след на всю последующую жизнь ребенка, — это тоже опасная обстановка. Нельзя забывать чрезвычайную ранимость детской психики, не выработавшей еще умения противостоять трудностям жизни. Ребенок нуждается в тепле материнской любви, в чутком внимании не менее, чем в витаминах. Основы предусматривают, что семейные отношения должны строиться на взаимной любви, дружбе и уважении всех членов семьи (статья 1). Именно в семье должны развиваться у ребенка эти благородные человеческие эмоции.

Из очерка Т. Копыловой мы познакомились с обстановкой, сложившейся в семье Олега. Быть может, даже не из плохих побуждений, а из-за неправильно понимаемых методов воспитания, а главное — из-за отсутствия подлинного чувства родительской любви отчим создал несовершеннолетнему невыносимые условия жизни. Мать подростка, всецело находящаяся под влиянием мужа, не сумела этому противодействовать. У Олега были необходимые материальные условия, он был обеспечен питанием и одеждой, жил в хороших жилищных условиях, имел нужные ему предметы, вплоть до пианино. Но его не окружали любовь, доверие, уважение. В этом холодном доме он был лишен счастливого детства. А развернувшиеся впоследствии события, оскорбления, по-

пытка опозорить его и любимого им педагога преступили все возможные границы и несомненно создали «опасную» для формирования личности подростка обстановку. Лишенный душевного тепла подросток жадно потянулся к тем, кто дал ему почувствовать родительскую любовь, живое человеческое внимание, интерес к его личности. Эта тяга оказалась настолько сильной, что дала Олегу мужество уйти из нелюбимого дома, от равнодушных к нему людей.

Несомненно, что, если бы Суворовцевы не дали согласия на усыновление Олега учительницей и дело «об отобрании» разбиралось по существу, у суда было бы достаточно оснований для удовлетворения предъявленного к ним роно иска.

В то же время были ли основания лишить мать Олега родительских прав? Думается, что нет. Она действительно оказалась безвольной перед методами своего мужа, но так ли велика ее вина, чтобы применить к ней эту крайнюю меру? Что же касается отчима, то в случае рассмотрения дела об отмене усыновления им Олега требование подлежало бы безусловно удовлетворению. Усыновление допускается только в интересах ребенка, его цель — найти ребенку родную семью, людей, любящих его и способных заменить родных родителей. Если между усыновителем и усыновленным не сложились отношения отца и сына, сохранение искусственно созданных связей теряет смысл.

Когда усыновленный чувствует себя чужим, взаимная привязанность между ним и усыновителем не возникла, то даже при отсутствии неправо-

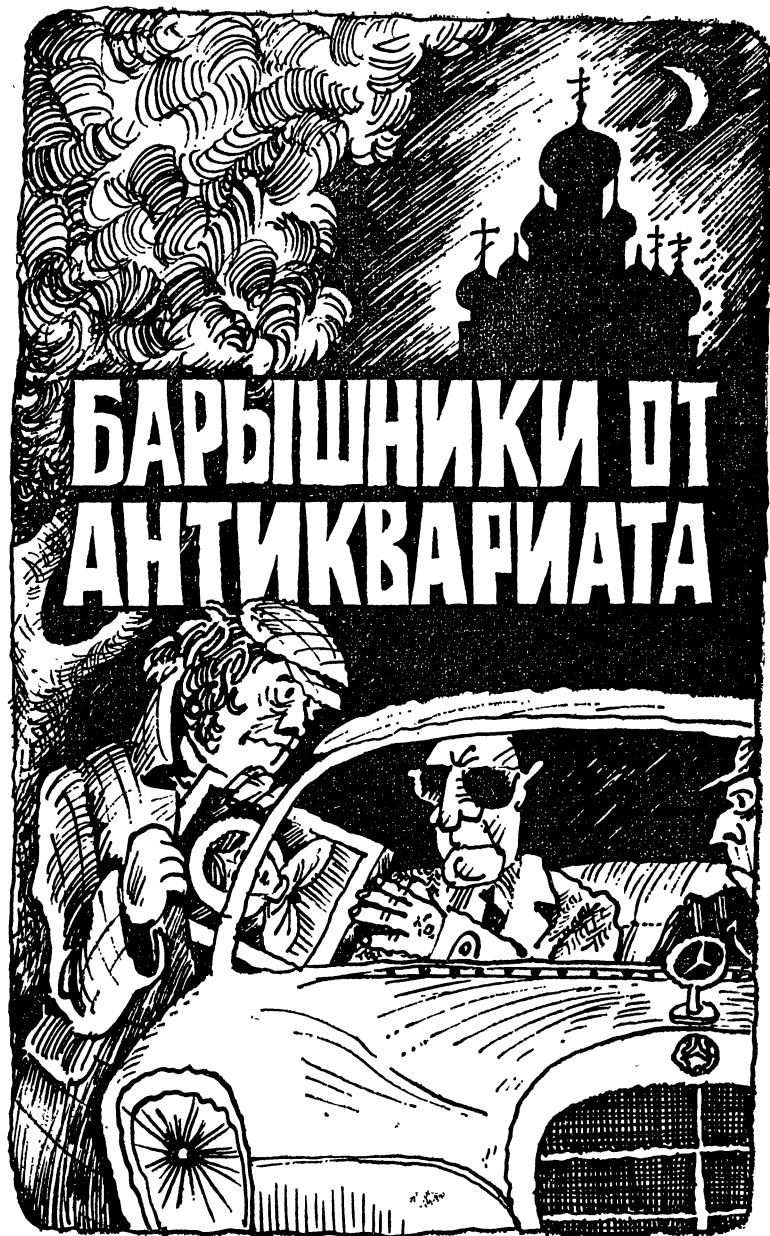
мерных действий со стороны усыновителя продолжение отношений отца — сына не будет соответствовать интересам ребенка.

В заключение хотелось бы остановиться на последствиях лишения родительских прав и отобрания ребенка без такого лишения. На первый взгляд, создается впечатление, что различия не существует, и в том и другом случае родители лишены возможности лично воспитывать ребенка. На самом деле различие весьма существенное. При лишении родительских прав родитель не только лишается права на воспитание, но теряет и все другие права, основанные на факте родства (статья 60 КоБС РСФСР). Остается лишь обязанность платить алименты ребенку. Родитель не вправе более участвовать в определении судьбы ребенка, ребенок может быть передан на усыновление без родительского согласия. И впоследствии родитель не вправе будет требовать от сына (дочери) алиментов, если окажется нетрудоспособным и нуждающимся, лишится права на пенсию после смерти сына (дочери), права на наследование их имущества. Все, на что может рассчитывать лишенный родительских прав родитель, — это на свидания со своим ребенком, но только если органы опеки и попечительства найдут, что такие свидания не окажут вредного влияния на ребенка.

Закон предусматривает, правда, возможность восстановления в родительских правах. Но для этого недостаточно доказать, что родитель изменил свое поведение и условия жизни. Суд, кроме того, должен убедиться, что возвращение сына (дочери) родителям будет соответствовать интересам ребенка.

При отобрании без лишения родительских прав последствия иные. Хотя родитель лишается права на непосредственное воспитание, но судьба ребенка не решается без его участия. Усыновление отобранного ребенка без согласия родителей не допускается, их мнение учитывается при помещении ребенка в то или иное детское учреждение, они вправе общаться с ребенком (лишь в тех случаях, когда встречи вредно влияют на ребенка, органы опеки и попечительства вправе временно лишить родителя возможности общаться с ребенком). Если отпадут условия, послужившие причиной отобрания, ребенок по решению суда возвращается родителям. Во всех случаях за родителями полностью сохраняются все иные права (на алименты, пенсию, помощь детей).

А. ПЕРГАМЕНТ,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
ВНИИ советского
законодательства



М

ногие граждане нашей страны занимаются коллекционированием. Коллекции бывают разные: от произведений изобразительного искусства и самоваров до книг редкого издания и древних рукописей. Эти реликвии материальной и духовной культуры народа нашего имеют большую историческую ценность. Многие владельцы частных коллекций, движимые высокими патриотическими чувствами, безвозмездно передают их государственным архивам, музеям, картинным галереям. Например, пенсионер из Риги Иван Никифорович Заволоко передал Ленинградскому Пушкинскому дому свою коллекцию из 256 рукописей, в числе которых редчайший рукописный памятник — Пустозерский сборник автографов Аввакума и Епифания.

А коллекция икон великого художника, гражданина и патриота П. Д. Корина — этот бесценный дар своему народу! Многие годы народный художник СССР Павел Дмитриевич Корин занимался коллекционированием древней иконописи и других исторических реликвий. Сам первоклассный реставратор, знаток и ценитель древней русской живописи, он с благоговением относился к каждой приобретенной иконе, видел в ней вдохновенное творчество мастера, восхищался талантом иконописца, волшебством красок, тщательно изучал каждый мазок. Он говорил: для меня каждая древняя икона — таинственный уголок великой истории нашего народа. Многие иконы доходили до него в ветхом состоянии, и он бережно реставрировал их, возвращал им первозданный вид. Буквально на последние рубли он покупал эти художественные реликвии, преследуя лишь одну цель — сохранить их для народа, для потомков. И всю свою бесценную коллекцию древних икон безвозмездно передал государству. Павел Дмитриевич с презрением говорил о дельцах, которые собирают иконы с целью спекуляции и наживы. Он знал таких барышников, знал их волчьи повадки.

В нашем очерке пойдет речь именно о таких вот дельцах.

В один прекрасный день — история не датировала это знаменательное событие — двадцатипятилетний бездельник, проживавший в городе Ступино Московской области, Владимир Фишеров воспыал любовью к русской старине. Не к летописям ее и преданиям, не к сказкам и былинам, а к материальным памятникам. Любовь его была так горяча, что он даже вступил в члены Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры.

Фишеров выдавал себя за большого ценителя изящных искусств и авторитетного знатока памятников истории и культуры. Справедливости ради надо отметить, что он учился в четырех институтах, правда, ни в одном из них дальше первого курса не пошел, но это так, детали. Да к чему диплом, когда и без него можно жить на широкую ногу, благо на плечах не футбольный мяч.

Он не был верующим, и обрядность русской православной церкви его не занимала. Его интересовали только иконы и другие материальные ценности. И он пустился в странствие по городам и весям обирать старушек. «Трофеи», добытые в этих путешествиях, Фишеров сбывал некоему Копелевичу (о нем речь впереди). А затем добыча шла по отработанному пути: все дальше, дальше...

Подлинное призвание Фишера — добыча денег. Деньги — вот

единственный бог, которому он самозабвенно и иступленно поклоняется. В них цель и смысл его жизни. Но Фишерову явно не повезло. Он родился в стране, в которой не ценятся такого рода «talанты». То ли дело там, в мире «свободного предпринимательства». Там Фишерову цены бы не было. Там такие, как он и его компаньон Феликс Копелевич, вполне уважаемые люди.

Копелевич, однако, никогда не считал, что он и Фишеров одного поля ягоды. Фишеров — добытчик, поставщик. Копелевич — перекупщик, своего рода перевалочная база в систему антикварного бизнеса. В отличие от Фишера он не пойдет темной ночью с металлорезающей пилой, зубилом и отверткой в церковь, не станет выламывать оконную решетку, не будет срывать со стен иконы, швырять в мешок серебряные кресты и дарохранительницы. Это делает Фишеров и потом доставит добычу Копелевичу. От Копелевича антиквариат пойдет дальше, в руки людей, стоящих на ступеньку повыше. Копелевич тоже, в сущности, мелкая рыбешка, ординарный спекулянт и скупщик краденого. Более уважаемые бизнесмены купят у Копелевича картины, выкраденные из музеев, иконы и кресты, сорванные с церковных стен или купленные за бесценок у наивных старушек, бронзовую скульптуру и серебряные потиры. Впрочем, и у них эти ценности надолго не задержатся, испарятся, исчезнут, а иные бесследно — не то, сквозь землю провалятся, не то перелетят за моря-океаны. Весь механизм этого многоступенчатого транспортера был недурно отлажен.

У Фишера водились деньги. И немалые. Он любил «шиковать»; сорить деньгами в кругу любителей легкой жизни.

Но со временем выманить иконы у простодушных старушек становилось сложнее, а аппетит у Фишера разыгрался не на шутку. И вот тогда он решил приняться за церкви. Свой промысел Фишеров поставил на «научную» основу. Погрузился в специальную литературу, пристально интересовался двумя предметами: искусствоведением и краеведением. Первый нужен был для того, чтобы определить ценность иконы, вернее ее стоимость, — не дай бог, подешевеешь. Второй — чтобы определить местонахождение икон. Теоретическая подготовка — дело индивидуальное. Для практической же деятельности Фишерову нужен был компаньон — человек, который мог бы по указанию Фишера проникнуть в ту или иную церковь и похитить то, что, по мнению «искусствоведа» Фишера, имело цену. Осмотрительный и недоверчивый, он не решался посвятить в свои планы первого встречного. Ему нужен был человек ловкий, опытный и, главное, надежный. Нужен был человек, если можно так сказать, с уголовным опытом...

На ловца и зверь бежит. Тридцатилетний Виктор Курашов, механик по специальности, был дважды судим: в 1963 году за воровство и в 1966 году за разбой и угон автомашины. Отбыв срок заключения, в 1971 году он возвратился в Ступино, начал промышлять спекуляцией иконами. Поначалу Курашов вел себя осторожно, сам на «промысел» не ходил, посылал ребят-подростков. Сбывал иконы разным «коллекционерам», постоянной клиентуры не имел, поэтому знакомство с Фишеровым воспринял как счастливую находку: они были нужны друг другу и, ничего удивительного, быстро столкнувались. Тем более что Фишеров намекнул Курашову на свои об-

ширные связи в среде столичных антикваров-коллекционеров, любителей старины и изящных искусств. Мол, можно хорошо подработать не только на иконах, но и на произведениях изобразительного искусства, на предметах старины, спрос, мол, на них не меньше. Курашов возликовал: перспектива, обрисованная Фишеровым, была весьма заманчива.

Распределили роли: Курашов добывает, Фишеров покупает либо сводит Курашова с покупателями, за что Курашов обязан выплачивать Фишерову определенный процент. Кроме того, «искусствовед» и «краевед» Фишеров указывает Курашову «объекты», на которые следует обратить внимание.

Начали с разведки. Разъезжая по селам Московской и соседних с ней областей, Курашов и Фишеров днем заходили в церкви, хищными взорами осматривали иконостасы, по возможности вступали в беседы с местными жителями. Интересовались наличием икон в частном владении, старинными захоронениями людей состоятельных сословий.

В мае 1976 года В. Курашов и двое его подручных Ю. Захарченко и В. Синицин отправились в одно из сел Рязанской области и ночью вскрыли родовой склеп знатной дворянской семьи. Вот как это было:

«Подошли к церкви и лопатой стали снимать землю со средней могилы, где была похоронена графиня. Я стоял на стреме. Курашов с Синициным... нашли золотое запястье. Курашов продолбил стену в склеп, где была похоронена дочь графа, но там ничего не нашел. После этого он послал меня и Синицина посмотреть склеп графа. Мы с Синициным продолбили стену и проникли в склеп графа. Там стоял сохранившийся цинковый гроб, который был запаян. Мы сняли крышку, там оказался второй цинковый гроб с окошком из стекла. В гробу мы увидели хорошо сохранившийся труп мужчины лет 50-60 с усами и бородой, глаза были открыты... Мы открыли вторую крышку. Увидели, что у него ни на груди, ни на руках ничего нет, и мы оттуда вылезли». (Из показаний Юрия Захарченко).

Жутко, не правда ли? А для Курашова и его «артельщиков» все очень просто. После того, как нашли золотой браслет, прах графини тщательно просеяли. Руками, на ощупь искали желтый металл и камешки. Хладнокровно, привычно. Кто ж эти люди? И уместно ли здесь вообще слово «люди»? Именно таких, себе подобных, набирал Курашов в свою «артель». Тех, кто за бутылку водки пойдет на все.

Впрочем, Фишеров, считающий себя интеллектуалом, как выяснится позже, войдя в раж, тоже не прочь был порыться в прахе. Хотя предпочитал, чтобы «грязную» работу делали другие. Но «другие» не разбирались в иконах и прочих ценных вещах. Для них все равно, что образ Николая Мирликийского на бумаге, что на доске XVII века. И тащили, по выражению Фишера, «всякий хлам», а настоящие шедевры оставляли. Вот почему Фишеров решил лично участвовать в «ответственных операциях».

Тут следует сделать небольшое отступление. Фишеров и компания разрывали могилы, взламывали церкви, но и дел «попроще» не оставляли. Перекупка тоже доход приносила. Так, в конце авгу-

ста 1976 года Курашов купил у К. Волкова бронзовую скульптуру «Женщина, парящая на плаще». Купил за 350 рублей. От Курашова скульптура перешла к Фишеру. Сделав краткий привал у последнего, бронзовая дама оказалась у Копелевича, который оценил ее в 2500 рублей и тут же выложил 1200 наличными, остальные 1300 пообещал уплатить «потом». Жуликоватый Копелевич «надул»: 1300 рублей так и не отдал, а парящая женщина отправилась дальше. Сначала к И. Зингеру, от Зингера к В. Гастевой, от Гастевой к некоему Чеманскому.

Осень 1976 года — расцвет деятельности шайки Фишера — Курашова.

В ночь на 4 сентября Курашов и Захарченко орудовали в одном из старых монастырей: перепилили решетку на окне церкви и похитили 12 икон и дарохранительницу.

В середине сентября Курашов похитил из другой церкви серебряный потир и евангелие. Как повелось, краденые вещи понес Фишеру. «Специалист-антиквар» оценил потир в 500 рублей. Курашова эта цена не устраивала, он считал, что за потир сможет получить раза в два больше, и просил тысячу. Начался спор, при котором присутствовал их приятель и соучастник многих преступлений двадцатипятилетний Александр Рогов. Рогов, видимо сознавая свою некомпетентность (у него восьмилетнее образование), в споре не участвовал, он знал, что Фишеров не уступит ни копейки, а спор решат московские «специалисты». Но на сей раз Фишеров решил обойти Копелевича, перешагнуть эту ступеньку и предложить потир специалисту-коллекционеру классом повыше — работнику одного столичного учреждения М. Гарту. Мол, этот уж не ошибется, через его руки прошла не одна такая штукавина.

Гарт, похоже заранее предупрежденный, ждал Фишера с Курашовым на квартире. Он был не один — при свидании присутствовал приятель Гарта — Ю. Барон, тоже «коллекционер-любитель», поклонник и собиратель произведений изящного искусства и старинных вещей.

— Пятьсот рублей, — сказал Гарт, осмотрев потир.

«Сговорились», — решил Курашов, бросил быстрый взгляд на Фишера и Гарта, и возразил:

— Восемьсот!

Гарт покачал головой. Курашов горячился:

— Да ему настоящая цена — тысяча. А я отдаю по дешевке, по дружбе...

Гарт не уступал. Барон начал прощаться и в прихожей шепнул хозяину:

— Если ребята согласятся за 600 рублей — возьми для меня.

И ребята согласились. Правда, Курашов пытался было в нагрузку («дружбы ради») всучить Гарту евангелие. Но этот номер не прошел: «первоисточники христианства» Гарта не интересовали.

Фишеров получил от Курашова сотню «комиссионных».

В сентябре Курашов «со говарищи», оторвавшись на время от антикварного бизнеса, совершили еще две кражи — с заводского

склада и в доме одной гражданки. Но мы не будем на них останавливаться и перейдем сразу к 25 сентября. В эту ночь Курашов, Фиширов, Рогов и Захарченко появились у одной из подмосковных церквей. Испытанным способом перепилили оконную решетку, проникли внутрь и похитили 17 икон и различную церковную утварь. Попутно вскрыли княжеский родовой склеп, но ничем не поживились.

Вот что об этом случае рассказывал на следствии Владимир Фиширов: «До конца была перепилена решетка и первый я, а потом Курашов проникли в церковь. Я показал Курашову, какие нужно брать иконы, и мы вдвоем с ним снимали их и подавали в окно Захарченко и Рогову... Похищенное сразу же после кражи повезли в Москву, где продали одиннадцать икон за три тысячи рублей, хотя стоили они три тысячи триста... После этого оставшиеся иконы повезли к Копелевичу Феликсу. Я зашел к нему, он вышел к автомашине, посмотрел вещи и купил у нас одно евангелие, потир и четыре иконы за тысячу пятьдесят рублей. Деньги он уплатил сразу. Откуда вещи, он не спросил. Копелевич мог догадываться, что вещи эти краденые... Часть вещей этой кражи — крест металлический, ложка, звездница и евангелие остались у Курашова, а остальные вещи были выброшены в реку...»

Вот так-то. Не хотелось Фиширову самому «марать» руки, а все же пришлось взяться за «грязную» работу. Потому что никто, кроме него, не смог указать Курашову, «какие нужно брать иконы».

Итак, одиннадцать похищенных икон было продано. Как считает Фиширов, он сильно при этом продешевил — на целых триста рублей. Впрочем, что для Фиширова эти три сотни! Пустяк — одна хорошая попойка. «Доходы» позволяли ему и не такое. Однажды он проиграл Рогову в бильярд 700 рублей. И ничего.

Фиширов всегда представлял себя «хранителем и ценителем памятников истории и культуры». Этаким эстет. И этот «хранитель» и «ценитель» хладнокровно бросает в реку памятники истории и культуры, которые не вместились в багажник «Жигулей». Какое дело ему до памятников, если их нельзя продать.

26 октября, похитив в церкви на Ярославщине 15 икон и два креста, компания Фиширова увезла с собой 11 икон и кресты. А четыре иконы большого размера, как «негабаритные», бросили на кладбище из-за отсутствия близости реки или иного водоема. Заметим попутно, что семь икон и один крест купил за 1300 рублей Копелевич.

Им же все казалось мало. И антикварные барышники обратили свои взоры к музеям — хранилищам памятников далекой истории, бесценных реликвий, полотен работы известных мастеров и других экспонатов, которые невозможно оценить ни в рублях, ни в долларах.

Начали с Серпуховского историко-художественного музея. После предварительной «разведки» Фиширов, Курашов и их подручные в ночь на 5 ноября проникли в музей. «Искусствовед» Фиширов шел впереди и, освещая стены фонариком, указывал, какие карти-

ны снимать. Отдавал предпочтение старинным работам, притом небольшого размера. Всего было похищено восемь картин кисти голландских и фламандских живописцев XVII—XVIII веков на сумму 15 800 рублей.

В залах музея в эту ночь находился сторож. Но он утверждает, что ничего не слышал и никого не видел.

Нам остается лишь подвести итоги. В течение 1976 года группой Фишера — Курашова были украдены художественные произведения на общую сумму 23 286 рублей.

Тридцатилетний Феликс Копелевич по своему нутру, повадкам, интересам и мировоззрению — старший брат Владимира Фишера. Когда-то он работал продавцом в магазине «Одежда». Но работа не удовлетворяла потребностей и желаний Копелевича: на зарплату не разгуляешься, «чаевые» за «услуги» не ахти какие. А он, комбинатор по призванию, жаждал деятельности по душе. И Копелевич начал «комбинировать». Заводил знакомства с такими, как Фишеров, быстро находил с ними общий язык, дружил с «антикварами-коллекционерами», вертелся возле иностранцев. Но должность продавца магазина «Одежда» не оставляла много свободного времени для бизнеса. Можно было вообще не работать, а заниматься лишь скупкой и перепродажей краденого. Барыши были солидные, во всяком случае, во много раз превышавшие зарплату продавца. Но перспектива прослыть тунеядцем и привлечь к себе внимание ничего хорошего не сулила. Надо было устроиться на работу хотя бы для видимости.

И Копелевич нашел такую работу — не пыльную и не денежную: вахтер спортивного комплекса. Сутки дежуришь — трое суток свободен. Зарплата — 80 рублей в месяц — Копелевича не интересовала. Эти восемьдесят целковых составляли ничтожную долю его бюджета. Главный доход давали свободные от вахты дни, которые он посвящал основному занятию. Состояния своего он не рекламировал, на вид не выставлял. Напротив, тщательно скрывал, даже от своей жены. «Жил на зарплату». Но жена смутно догадывалась о темных махинациях мужа. Домой к ним часто заходили какие-то подозрительные субъекты, приносили в сумках и портфелях какие-то вещи, о чем-то таинственно шептались. В такие минуты Копелевич «выставлял» жену на кухню либо предлагал ей пойти «подышать свежим воздухом». Он ей не доверял. Она его явно стесняла. В конце концов они разошлись.

Развод Копелевич воспринял со вздохом облегчения. Главное — не жена, не семья, главное — «дело», сколачивание капитала. Выше и дороже этого для Копелевича не было ничего на свете.

Конечно же, Фишеров был не единственным, да и не главным поставщиком Копелевича. Круг его деловых партнеров был широк и разнообразен: А. Ильинский, И. Зингер, В. Леганков, В. Фогель, Г. Карпис, А. Шапиро, А. Чеманский (он же Раевский). У Ильинского Копелевич покупает скульптуру за 2750 рублей, и у Леганкова за 2900. Потом обе эти скульптуры продает Фогелю за 7000, получая таким образом 1350 рублей чистого барыша.

Многие из клиентов Копелевича ворочали крупными суммами. Например, Фогель только в сентябре-октябре 1976 года купил у

Копелевича различных исторических и культурных ценностей на 36 тысяч рублей...

На первый взгляд, казалось бы, что общего между дельцом Копелевичем и бывшим спортсменом? Однако... было время, когда спортивная фортуна дружески улыбалась Вячеславу Фогелю. Но слава без барыша, по мнению Фогеля, не стоит ни гроша.

Поэтому он быстро поменял «род занятий», заняв место в цепочке преступников. Без особого труда Фогель нашел общий язык с Копелевичем, обнаружили родство душ и общность помыслов.

Читатель, естественно, вправе задать вопрос: откуда у отставного спортсмена такие деньги? 36 тысяч это не 360 рублей.

Чтоб ответить на этот вопрос, мы должны познакомить читателя еще с двумя «антикварными барышниками»: Яковом Марьяшем и его дочерью Диной Квартиной. В 1943 году в военное время семнадцатилетний Яков Марьяш был судим за кражу. В 1962 году его снова судили, уже за взятку. Отбыв наказание, Яков Марьяш поступил на работу по меховой части и вскоре стал товароведом пушнины. У меховых дел мастера появились «бешеные деньги». Лежали они мертвым капиталом до того дня, когда судьба свела его с приятелем дочери Фогелем, бывшим спортсменом, а затем человеком без определенных занятий. Дина рассказала отцу, что Фогель занимается коллекционированием произведений искусства, что это дело выгодное, если пустить в оборот солидный капитал. И Марьяш «пустил». Вначале он дал взаймы Фогелю семь тысяч рублей, на которые тот приобрел у Копелевича две бронзовые скульптуры: одну работы Е. Лансере, другую — французского ваятеля Клодиона. Обе эти скульптуры Фогелю удалось переправить в Брюссель брату Марьяша — Борису. Получив из Бельгии от брата уведомление, что скульптуры благополучно дошли, Я. Марьяш уже не осторожничал и уверенно пускал капиталы в оборот. Вскоре сумма, полученная Фогелем от Марьяша, достигла 38 660 рублей. Вошедший в азарт «коллекционер» продолжал скупать у Копелевича старинные иконы, серебряные лампы и другие предметы, представляющие историческую и художественную ценность. Все это предназначалось для противозаконной отправки за рубеж, что советским законодательством квалифицируется как контрабанда. Попутно с «коллекционированием» Фогель вместе с Квартиной занимались и валютными операциями. Не брезговали и обыкновенной спекуляцией. Так, купив у иностранцев несколько сотен мотков мохеровой пряжи, Фогель едет в Одессу и продает эту пряжу гражданам Гольденбергу и Сандлеру за девять тысяч рублей. На этой «операции» он зарабатывает шестьсот целковых.

Но всему бывает конец. Вторая попытка Фогеля переправить контрабандным путем за рубеж предметы материальной и духовной культуры, а также меха серебристо-черных лисиц, похищенных у государства Марьяшем, привела его на скамью подсудимых...

Как видим, в преступном бизнесе в один клубок сплелись спекулянты, воры, контрабандисты и прочая паразитическая публика. И хотя их дела рассматривались в разных судебных заседаниях и

обвинялись они по разным статьям уголовного кодекса, духовная их общность несомненна.

Наказание было неотвратимо.

А иконы XVI—XVII веков, такие как «Сшествие во ад», «Иоанн Устюжанский», «Богоматерь», «Алексий, божий человек», представляющие историческую и художественную ценность и приготовленные Фогелем с компаньонами для переправы за рубеж, по приговору суда конфискованы и переданы в фонд Третьяковской галереи.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Как известно, в капиталистическом мире кража произведений искусства, исторических реликвий — дело обычное. В последние годы оно приобрело на Западе особый размах. На кражах из музеев и соборов специализируются целые синдикаты гангстеров. В нашей стране явления, описанные в очерке И. Михайлова, — редкость. Но даже отдельные случаи не могут нас не встревожить.

Произведения истории и культуры, в том числе и культовые предметы — достояние государства. Вывоз их за границу запрещен законом, а те, кто пытается делать это нелегальным путем, преследуются в уголовном порядке. Люди, подобные Копелевичу, ищут и нередко находят пособников среди иностранных подданных. Поэтому от всех нас требуется высокая бдительность, создание такой общественной атмосферы, в которой невозможна была бы преступная деятельность воров и спекулянтов, таких как Курашов, Фишеров, Копелевич и иные с ними. Халатность, беспечность, которая была допущена в Серпуховском музее, преступ-

на. Никакие оправдания и ссылки на объективные причины здесь не позволительны.

Особой беспечностью отличается охрана церквей. Церковь, как известно, у нас отделена от государства, и, возможно, мне не следовало бы делать какие-либо упреки или замечания в отношении церковных служителей. Но когда случается кража в церкви, не кому-нибудь другому, а нам, работникам милиции, приходится разыскивать преступников, вести следствие, возвращать владельцам, в данном случае церкви, похищенное имущество. В частности, многое из похищенного в церквях имущества, о котором идет речь в очерке И. Михайлова, было отобрано у тех же Курашова, Фишера, Копелевича, Барона и возвращено владельцам. Нас поражает отсутствие в некоторых церквях инвентаризации, строгого учета имущества. Например, служители церкви заявляют нам, что похищено столько-то икон. Спрашиваем: каких? Не знают. Даже количество не всегда могут точно назвать. А это не только затрудняет ра-

зыск преступников, но и создает благоприятные условия для воровства.

Несколько слов о скупщиках краденого имущества, о так называемых «любителях-коллекционерах». Приобретая ту или иную вещь, имеющую очевид-

ную историческую и художественную ценность, коллекционер обязан поинтересоваться ее «биографией». Небесполезно напомнить, что закон предусматривает наказание за приобретение имущества, добытого заведомо преступным путем.

В. ЛЕНТИЩЕВ,
генерал-майор милиции

ИНФОРМАЦИЯ...

ИНФОРМАЦИЯ...

ИНФОРМАЦИЯ...



Рабочий СМУ-1 из города Орла А. Н. Чупахин изготовил из яблон, дрожжей и сахара 65 литров браги и стал из нее гнать самогон. За этим занятием его застали работники милиции. Уголовное дело на Чупахина Советский районный народный суд рассматривал в выездном заседании в помещении клуба СМУ. По приговору суда за изготовление крепких спиртных напитков домашней выработки ему определено наказание в виде штрафа на сумму 200 рублей.

Супруги Пономаренко из города Похвистнево Куйбышевской области прожили вместе около 30 лет в добром согласии. Однако в последнее время к ним в почтовый ящик стали подкладывать письма, в которых В. Д. Пономаренко обвинялась в недостойном поведении. Супруги обратились в районный суд с просьбой защитить их от клеветы. Автор писем был вскоре установлен. Им оказалась М. В. Пономаренко, родная сестра мужа потерпевшей. Похвистневским районным народным судом клеветница приговорена к штрафу в сумме 50 рублей.

Житель города Белорецка Башкирской АССР И. Берсин нигде не работал, постоянно пьянствовал. Однажды в нетрезвом состоянии стал стучать в окно своей квартиры и порезал предплечье. В больнице, а затем в милиции заявил, что на улице на него напали подростки и ударили ножом. Следственные органы стали разыскивать виновных. При этом было установлено, что на Берсина никто не нападал, затем сам он признал, что дал ложные сведения. Белорецкий городской народный суд приговорил Берсина по части 2 статьи 180 Уголовного кодекса РСФСР к 2 годам лишения свободы за заведомо ложный донос, соединенный с обвинением в тяжком преступлении.

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

ПОВЕСТЬ



КРУТОЙ ПОВОРОТ

Услышав от подполковника фамилию Шарымов, Семен Бугаев мысленно обругал себя идиотом: ну почему он решил проверить только тех, кого обвинял в своем письме погибший старпом «Сусанина»? Разве не мог швырнуть ему булыжник в ветровое стекло один из дружков капитана? Если верить письму Горина, на теплоходе удалая шайка-лейка подобралась! А писал он только о главном, о тех, кто задавал тон. Вот и выходит: логика логикой, а нужно быть готовым ко всему.

«Могут быть сюрпризы...— думал капитан, набирая номер дежурного по управлению.— Шеф что-то серьезное разнюхал. Вот так всегда — если вцепится, так только мертвой хваткой».

Уже спускаясь по лестнице вниз, к машине, Бугаев вспомнил: подполковник просил предупредить секретаря отдела Варвару, чтобы не отпущала приглашенных на три часа шоферов.

«На кой ляд только он снова шоферов собирает? — недовольно подумал Семен.— Уж сколько раз с ними беседы беседовали. И ГАИ, и прокуратура, и наши ребята!» Не дожидаясь лифта, он взбежал на четвертый этаж и, почувствовав, что запыхался, с сожалением вспомнил, что уже третий месяц не ходит в бассейн.

Увидев Бугаева, Варвара разочарованно ойкнула:

— Сенечка, вы чего? Пути не будет!

Как-то так уж повелось с давних пор, что в уголовном розыске не то чтобы верили приметам, но любили при случае сослаться на некие особые обстоятельства. На одном из совещаний начальник главного управления назвал это явление особым видом пижонства.

— Типун тебе на язык, Варвара! — пробурчал Бугаев.— В три шеф собирает шоферов. Ты их тут позанимай чем-нибудь, если подполковник опоздает. Он уже выехал из Орлина...

— Чем же я их занимать буду? — недовольно сказала Варвара, но капитан уже захлопнул дверь приемной.

В машине сидели эксперт Коршунов и Саша Лебедев.

— Далеко ли, милый Сеня? — спросил Коршунов, устроившийся со своим чемоданчиком на заднем сиденье. Бугаев вспомнил, что Коршунову, спокойному, чуть даже флегматичному крепышу, всегда выпадало ездить с ним куда-нибудь в область. Последний раз аж в Лодейное Поле гоняли, на ограбление магазина.

Усмехнувшись, Бугаев сказал:

— На этот раз в Выборг, Иван Иванович. Такая уж у нас планида — я тут ни при чем...

— Понятно, — ответил эксперт.— В Выборге хоть прилично кормят на вокзале, а то я опять без бутербродов.— Он поерзал на сиденье, устроился поудобнее и закрыл глаза, собираясь вздремнуть. Но при выезде с улицы Воинова на Кутузовскую набережную шофер так круто и на такой большой скорости сделал поворот, что всех прижало сначала к левой, а потом к правой стороне.

— Коля, мы так никуда не попадем! — сказал Бугаев.

— Попадем, попадем! — сердито огрызнулся шофер.— Диспетчер белены, что ли, объелся? Сказал ведь на Кировский, а тут в Выборг пили!

Бугаев засмеялся:

— Шуток не понимаешь. Это Иван Иванович в Выборг, а мы на Кировский. Дом двадцать шесть — двадцать восемь.

— Все шутишь, Сенечка! — беззлобно проворчал эксперт. — Пора бы и остепениться...

Бугаев неожиданно сник, словно у него завод кончился, и, обернувшись к Коршунову, сказал погрузневшим голосом:

— А-а... Иван Иванович, жисть такая... Без шутки волком завоешь! — И всю дорогу, пока ехали до места, молчал, отрешенно поглядывая на толпящихся на набережных и на Кировском мосту людей, на белесое дымное небо, прорезанное у горизонта кранами торгового порта. Кировский проспект был перекрыт — устанавливали новые канализационные трубы, пришлось объезжать.

Машина, проехав несколько мрачных дворов-колодцев, остановилась около подъезда, на котором висела табличка «Жилищно-эксплуатационная контора Петроградского района».

— Саша, жми к начальству, узнай, где гараж Шарымова, — приказал Бугаев Лебедеву. — И понятых возьми. А я за хозяином.

Поймав вопросительный взгляд эксперта, он сказал, снова улыбаясь:

— А вы, Иван Иванович, посидите пока. Расскажите Коле пару историй — он страсть как их любит.

Шестьдесят третья квартира, в которой жил Шарымов, была на четвертом этаже. Бугаев поднялся на стареньком лифте. Лифт шел медленно, подергиваясь и скрипя, и Семен невольно подумал о том, что в нем немудрено и застрять.

На двери рядом со звонком была прибита табличка с длинным списком фамилий жильцов. Против фамилии Шарымова стояла цифра «4». Надо было звонить четыре раза. Бугаев позвонил и долго прислушивался, когда в коридоре за дверью раздадутся шаги. Он знал: квартиры в этом доме огромные, на десять—двенадцать просторных комнат, с двумя кухнями и коридором, по которому можно ездить на велосипеде. Дверь не открывали, и Бугаев позвонил еще четыре раза. «Дома нету, что ли? — подумал он и позвонил один раз. Цифра «1» стояла против фамилии «Горюнова Н. В.». И сразу же за дверью послышалось движение, скрипнула дверь и испуганный женский голос спросил: «Кто здесь?»

— Откройте, пожалуйста! — попросил Бугаев. — Мне нужно видеть Шарымова.

Дверь открылась, и Семен увидел старую женщину, совсем седую, в накинутах на яркий халат большой белой шали. Женщина напряженно вглядывалась в Семена, и Бугаев понял, что она чем-то очень расстроена.

— Простите, а Шарымова нету дома? — мягко спросил Семен. — Я звонил несколько раз...

На лице женщины отразилась мучительная нерешительность.

— Я не знаю, что вам и сказать... Вы его товарищ?

— Он мне нужен по срочному делу.

— Очень не вовремя, — расстроено прошептала женщина. — Он дома, но...

И тут Бугаев услышал несущиеся откуда-то из глубины квартиры раздраженные, злые голоса. Мужской и женский.

Поняв, что пришелец услышал эти голоса, женщина беспомощно развела руками, словно хотела сказать: «Вот видите, Шарымову сейчас не до вас!»

— Я должен его увидеть, — твердо сказал Бугаев. — Покажите мне его комнату.

Женщина покорно впустила его в квартиру, пробормотав:

— А может, это и к лучшему. Ведь который час уже ссорятся.

Она зажгла свет в коридоре и подвела Семена к обитой красивой красной кожей двери, вздохнув, сказала:

— Эта. У них две комнаты. — И пошла в глубь коридора, время от времени оглядываясь.

Бугаев постучал. Сейчас из-за дверей был слышен только женский плач. Прошло несколько секунд, прежде чем из глубины комнаты раздраженно крикнули:

— Нина Васильевна! Я просил оставить меня в покое!

Видать, соседка пыталась вмешаться в семейные дела Шарымовых.

— Откройте! — требовательно сказал Семен.

— Что вам надо? — спросил мужчина, и в его голосе Бугаев уловил истерические нотки.

— Капитан Бугаев из уголовного розыска. Мне нужен Евгений Николаевич Шарымов...

На некоторое время за дверью наступила тишина, прекратился даже женский плач, и вдруг дикий, душераздирающий визг оборвал тишину. Бугаев на миг отпрянул от двери и, спружинившись, вышиб ее плечом. Грохот распахивающейся двери не заглушил выстрела. Думая, что стреляют в него, капитан резко склонился влево, выхватив пистолет. И увидел оседающего на большой вишневый диван мужчину в белой, распахнутой на груди рубашке. Небольшой, не знакомой Бугаеву системы, пистолет с перламутровой рукояткой валялся на желтом ворсистом ковре.

«Могут быть сюрпризы», — мелькнула в голове у Семена фраза, сказанная подполковником.

...Маленькая ранка на виске почти не кровоточила, только потемнели вокруг нее светлые волосы. «Это от пороховых газов», — машинально отметил Бугаев и подумал, что медицинская помощь этому красивому блондину уже не понадобится. Он оглянулся, ища телефон, и тут только заметил в кресле молодую женщину с опухшим, заплаканным лицом и остановившимися глазами. Закусив кулак, она уже не плакала, а только дрожала мелкой дрожью, и время от времени из ее груди вырывался протяжный стон.

— Где у вас телефон? — спросил ее Бугаев, но женщина не слышала его.

— Телефон только у соседей. В квартире напротив, — раздался голос у Семена за спиной.

Обернувшись, он увидел соседку, которая открывала ему дверь. Лицо у нее было белое и слезно сведенное судорогой.

— Дайте воды, успокойте как-нибудь, — попросил ее Бугаев, кивнув на жену Шарымова, а сам вышел на лестницу и позвонил в соседнюю квартиру. Вызвал «скорую», следователя и судмедэксперта из управления.

Вернувшись в комнату и переборов чувство брезгливости, от

которого он так и не избавился за все годы работы в угрозыске, Семен взял повисшую плетью руку Шарымова. Пульс не прощупывался.

Соседка стояла рядом с Шарымовой, гладила ее по плечу, что-то шептала. Пахло валерьянкой. Шарымова, сжавшись в комок и раскачиваясь, тихо, как-то по-детски пристанывала. Темно-каштановые волосы закрывали почти все ее лицо, но Бугаев разглядел все же, что Шарымова красива, что у нее очень правильные черты бледного матового лица и даже подтеки от туши не портят его. И еще капитан заметил легкую припухлость и красноту на скуле, что-то похожее на кровоподтек от удара, но длинные волосы мешали разглядеть точнее.

«О, господи,— подумал растерянно Бугаев, глядя на Шарымову.— Ее не скоро в сознание приведешь. Такое пережить...» И вдруг, совсем неожиданно для себя, ощутил какое-то чувство раздражения, даже недоверия к этой убитой горем женщине. «Если муж у тебя на глазах пускает себе пулю в лоб — тут не все в порядке, тут следует разобратся. Нет у меня к таким женщинам жалости. Нет!» Эта мысль, как ни странно, помогла Семену преодолеть минутное замешательство.

Осторожно отворив дверь, он осмотрелся. Вторая комната была спальней, красиво, с большой изобретательностью обставленной. Семен невольно вспомнил дачу Горина. И здесь и там было много таких вещей, которые свидетельствовали, что хозяева долгие годы ездят за границу — красивые фарфоровые настольные лампы на резных, черного дерева, подставках, причудливые деревянные маски на стенах, цветной хрусталь и великое множество безделушек, которых в наших магазинах ни за какие деньги не найти.

В спальне царил беспорядок: смятая широченная постель и раскрытый чемодан на ней, клетчатый плед на полу, разбросанное женское белье.

Почти одновременно приехали «скорая» и следователь с судмедэкспертом. Заключение врачей было единодушным — смерть Шарымова наступила мгновенно.

Пришел Саша Лебедев.

— Мы ждем, ждем внизу. Я и понятых привел, и гараж Шарымова нашел, а тебя все нет,— говорил он вполголоса, искоса поглядывая, как врачи возятся с трупом.— Ну, думаю, что-то случилось, надо подняться, а тут «скорая» и наша машина. Спросил — куда, говорят — в шестьдесят третью. И давно? — он кивнул на Шарымова.

— Считай, что у меня на глазах,— хмуро ответил Бугаев.— Только постукал...

— Машину-то будем смотреть?

— Для этого и приехали,— вздохнул Семен и отозвал в коридор соседку. Спросил: — Нина Васильевна, где Шарымовы хранят ключ от гаража?

— Ой, да разве ж я знаю? У Верочки бы спросить, так она не в себе. Меня не узнает...

Семен прошел в спальню, огляделся. Пиджак Шарымова валялся рядом с чемоданом на кровати. Капитан осмотрел карманы. Вытащил ключи от машины на красивом брелоке из слоновой кости — маленький плоский будда таращил красные пронзительные глазки.



Большущий хитроумный ключ от гаража он нашел на гвозде у дверей в первую комнату.

У лифта они столкнулись со следователем прокуратуры.

— Наши уже там! — кивнул Бугаев на дверь. — Самоубийство. Я сейчас займусь автомобилем Шарымова. Корнилов подозревает, что именно он взломал дачу Горина.

На улице Бугаев вздохнул полной грудью. Даже здесь, в этом мрачном дворе-колодце, дышалось легче, чем в квартире.

Иван Иванович и шофер Коля вылезли из машины, смотрели на капитана вопрошающе.

Семен устало махнул рукой.

— Что, несчастье? — спросил эксперт. — Опоздали?

Бугаев только пожал плечами. Подумал: «Опоздали? А если бы приехали на час, на два раньше, что бы изменилось?» Сказал:

— Тут надолго опоздали. И не мы с вами. Этот Шарымов застрелился...

— Понятно, — пробормотал Коршунов.

— Где твои понятые? — спросил Бугаев, обернувшись к Лебедеву.

— Во втором дворе. На лавочке сидят.

Около железного, изрядно помятого гаража уже толпились люди, тихо переговаривались, что-то выспрашивали у понятых — пожилого, при полном параде — в темном пиджаке и галстуке — мужчины, чем-то напоминавшего Семену Бывалова из «Волги-Волги», и крашеной, тусклой блондинки неопределенных лет.

«И как это люди чужую беду чувят? — невесело подумал Бугаев. — Ведь никому ничего не сказали — попросили только понятых подойти к гаражу, а вот уж и толпа собралась».

В гараже стояли болотного цвета «Жигули». Бугаев осмотрел ветровое стекло. Оно рябило от больших и маленьких пятнышек — так бывает обычно после загородных поездок, особенно на приличной скорости. Сотни жуков и мошек находят себе смерть, разбившись о стекло. Да и вся машина была пыльной, колпаки на колесах запачканы засохшей глиной.

— Иван Иванович! — попросил Бугаев эксперта, снимавшего колеса с «Жигулей». — Вы возьмите на пробу грязь с подкрылков.

— Сам знаю, — огрызнулся Коршунов. — Если ты, Сеня, такой умный, зачем меня с собой берешь?

Бугаев открыл дверцу, сел на место водителя. Несколько минут сидел молча. Осматривался. Выстрел, прогремевший в квартире Шарымовых, все еще отдавался у него в ушах. Семен невольно поднес руку к уху, словно хотел избавиться от этого звона. «Могут быть сюрпризы», — снова вспомнил он слова Корнилова. «Вот так сюрпризы», — подумал он. — Сейчас Иван Иванович снимет с «Жигулей» колеса, поедет в управление, сделает прокатку протекторов, сравнит с теми следами, что взяли около дачи Горина, и все сразу станет на свои места...» Бугаев не сомневался, что именно Шарымов побывал у Гориных. А значит... Он вдруг так явственно услышал любимую фразу своего шефа: «А это пока еще ничего не значит, это еще доказать надобно!» — что невольно улыбнулся.

Он открыл крышку ящичка, именуемого всеми автомобилистами почему-то «бардачком», и первое, что увидел, — надорванный блок сигарет «Филип Моррис», окурки от которых в изобилии разбросал

неопознанный пока автомобилист возле дачи старпома с «Ивана Су-санина». Бугаев открыл пепельницу — в ней тоже были окурки. Он осторожно вынул несколько штук, завернул в бумагу и положил в карман. Даже если ничего будет нельзя определить по протекторам шин, этих окурков вполне хватит.

Но что же произошло между мужем и женой Шарымовыми? Обычная семейная ссора — и только? А застрелился он после того, как услышал, что пришла милиция?.. Скорее всего, так. Если бы все семейные ссоры заканчивались самоубийством, народонаселение сильно поубавилось бы.

Семен невольно подумал о Шарымове с уважением. Наделал дел — так хоть хватило решимости самому их закончить. Но при чем здесь жена? Чем оправдать такую жестокость — застрелиться у нее на глазах?

Отправив Коршунова в управление исследовать окурки и сравнивать протекторы шин, Бугаев снова поднялся в шестьдесят третью квартиру. Труп Шарымова уже увезла «скорая». Следователь прокуратуры Кондрашов о чем-то тихо беседовал с Ниной Васильев-ной в первой комнате. Дверь в спальню была закрыта. Увидев Бугаева, он поднялся ему навстречу и, легонько обняв за плечи, увлек за собой в коридор. Вид у него был озабоченный.

— Шарымову допрашивать сейчас бесполезно, — вполголоса ска-зал он Семену. — Да и нельзя. Врач с ней занимается. Соседка по-звонила ее матери. Вот-вот должна приехать. Отложим беседы на вечер. Вы останьтесь, скоро придут с работы другие соседи, а я поеду.

Бугаев промолчал. Он и сам знал, что дел у него здесь хватит.

— Да-а, коллега, — нахмурившись и многозначительно покачав головой, сказал Кондрашов. — Какая-то фатальная история!

— Кошмар! — поддакнул ему Семен, но Кондрашов почему-то посмотрел на капитана подозрительно, замолк и, вяло пожав ему руку, ушел.

Бугаев посмотрел на часы. Без пятнадцати три. Подполковник, наверное, уже приехал. Он набрал номер. Трубку сняла Варвара.

— Шеф у себя?

— У себя, Сенечка. С шоферами беседует. А я твое указание выполнила, чаем их всех напоила...

— Умница, — тускло сказал Бугаев, — ты выполнила указание шефа. Соедини-ка меня с ним.

Корнилов взял трубку сразу же.

— Семен, как дела?

— С сюрпризами, — Бугаев коротко доложил о самоубийстве штурмана.

Несколько секунд Корнилов молчал. Потом спросил:

— Что еще?

— Протекторы, похоже, его «Жигулей». Коршунов уже поехал в управление. Минут через сорок доложит вам. И сигареты «Филип Моррис». В «бардачке» целый блок. Я по прикусу вижу — это он в Соснове курил.

— Так. С женой говорил? С Верой Сергеевной?

— У нее истерика.

— Что же, истерика у нее целый день, что ли? — сердито спросил подполковник.

— Врач у нее, не могут в себя никак привести. Даже Кондрашов потолкался тут и уехал.

— Потолкался! Он что тебе... — Корнилов, видать, хотел что-то добавить хлесткое, но сдержался.

— Вы не приедете? — спросил Семен.

— Нет. Мы с товарищами водителями толкуем. Ты уж сам доводи дело до конца, — голос у подполковника помягчал. — Только выясни еще такие детали: где была Шарымова в день аварии и какой у нее зонтик? Да, и поищи в квартире письма...

— Какие письма?

— Любовные письма, Сеня. Ее письма к мужчине, письма ей от мужчины. Понял? Я сейчас попрошу в прокуратуре санкцию на арест корреспонденции.

Бугаева немного обескуражил разговор с шефом. Капитану казалось, что они наконец вышли на виновника гибели Горина. Он не верил, что действовали разные люди: один бросил камень в машину старпома, а другой после этого взломал его дачу и перевернул все вверх дном. И когда к нему на квартиру пожаловал уголовный розыск — пустил себе пулю в лоб.

«Конечно, имей мы дело с обычными уголовниками, всего можно было бы ждать, — думал он. — Но тут-то совсем другое дело... Нет, нет, версия с Шарымовым похожа на правду! А подполковник опять с шоферами толкует».

Бугаев в раздумье прошелся по широкому, захламленному старой мебелью коридору, заглянул в неудобную грязноватую кухню. Там было пусто.

— Ну что же, поговорим о зонтиках, — прошептал он и постучал в комнату Горюновой.

Нина Васильевна сидела за круглым столом, накрытым пестрой клеенкой, и ела с большой сковородки жареную картошку с луком. Рядом, на тарелочке лежало несколько соленых огурцов и стояла начатая чекушка водки. Женщина не ожидала увидеть постороннего и смутилась. Краска залила ее лицо, она растерянно поднялась, бормоча извинения, подставила еще один стул.

— Вы меня извините, Нина Васильевна, — Бугаев и сам почувствовал себя неловко. — Я чуть попозже загляну.

— Что вы, что вы. У вас дела, я понимаю. Вы не обращайтесь внимания... — сказала Горюнова. — Такое несчастье.

«А жить-то надо», — невесело подумал Семен, глядя на скудный стол.

Перехватив его взгляд, Нина Васильевна опять покраснела и, потупившись, разглядывая свои красные, с чуть припухшими суставами руки, прошептала тихо:

— Такое несчастье. Пригубила вот за помин души.

Она сморщилась, слезы потекли по щекам. Нина Васильевна отвернулась, вытерла глаза кончиком белой шали. Потом убрала со стола в буфет огурцы и шкалик, унесла на кухню сковородку.

Бугаев оглядел комнату. Жила Горюнова небогато. Старинные буфет и шкаф когда-то, наверное, соседствовали в одном гарнитуре. Красного дерева, с красивыми бронзовыми накладками, на

которых были изображены орнаменты из полевых цветов, они выглядели чуть-чуть чопорно. Старым был и круглый стол. Только зеленая кушетка, дитя массового производства, казалась в этой комнате вещью случайной и недолговечной. Обои на стенах были самые простенькие и давно выцветшие. Над кушеткой висел портрет морского офицера и под ним потускневший от времени кортик. Моряк был молодым и улыбчивым.

«Сын или муж? — подумал Бугаев. — Судя по старому кортику — муж...» Он так и не решил для себя этот вопрос — с кухни пришла хозяйка и, молча сев за стол, внимательно посмотрела на Семена. Она успела чуть-чуть подкрасить губы и припудриться, и только красные пятна, проступавшие на щеках сквозь пудру, выдавали ее состояние.

— Нина Васильевна, я хотел бы задать вам несколько вопросов... — сказал Бугаев.

Она согласно кивнула головой.

— У Шарымовой есть складной японский зонтик?

— Зонтик? — Нина Васильевна, наверное, никак не ожидала услышать такой вопрос. На лице у нее отразилось удивление. — Японский зонтик? — повторила она. — А как же. Есть. Женя ей привозил. Да вот в прошлом году осенью он привез два одинаковых. Вера Сергеевна один продала мне. — Горюнова встала, открыла шкаф и достала оттуда яркий — розовый, в красный цветочек — зонтик.

— Вы не могли бы его раскрыть? — попросил Семен.

Нина Васильевна послушно раскрыла зонт. Это был точно такой же зонт, какой нашли в машине Горина.

«Интересно, — подумал Бугаев. — Значит, шеф об этом догадывался. Зря он ни о чем говорить не будет...» И сказал:

— Спасибо, спасибо.

— Женя много красивых вещей привозил, — рассказывала Горюнова, убирая зонт в шкаф. — Вера Сергеевна иногда предлагала мне купить, да только не для моего достатка эти вещи. А за зонтик она с меня только пятнадцать рублей взяла. Так я думаю, это Женя велел. Они же, зонтики, дорогие. По тридцать рублей стоят. А Женя иногда и дарил мне что-нибудь. Банку кофе, платочек...

— Вы на лето куда не выезжаете?

— Нет, все время в городе. Я хоть и на пенсии, а каждое лето подрабатываю. Кассиром в гастрономе.

— Вечером третьего июля вы дома были?

— Нет, до десяти работала.

— А когда пришли?

— Около одиннадцати. Выручку сдала и пришла. Гастроном же рядом.

— Вера Сергеевна была дома?

— Нет. Женя ко мне заглядывал, тоже про нее спрашивал. Он к своим родственникам в Новгород ездил. Примчался, а жены нету.

— Когда Шарымов к вам заглядывал?

— Я только вошла в комнату — и он стучит.

— А поточнее вы не могли бы вспомнить время?

Нина Васильевна задумалась, на лбу у нее легли резкие складки.

— Нет, точнее не могу... Около одиннадцати.

— Но не после одиннадцати?
— Нет, нет.
— Что же делал Шарымов потом?
— Ушел. Он уже тогда не в себе был. Весь какой-то нервный, вздрюченный. Входной дверью так хлопнул...
— И когда вернулся?
— Сегодня утром.
— Сегодня?
Горюнова кивнула.
— Два дня пропадал, а как вернулся, так и началось у них...
— А когда вернулась Вера Сергеевна?
Нина Васильевна пожала плечами.
— В тот вечер я чаю попила и сразу спать легла. За день так устаешь — только бы до постели добраться.
— И ничего не слышали?
Хозяйка мотнула головой.
— Из-за чего же они поссорились? — задумчиво сказал Бугаев, решившись наконец задать этот вопрос впрямую.
— Кто знает?! Чужая душа — потемки. Недружно они жили. Недружно. Особенно последний год. А ведь Женя такой мягкий, такой ласковый мужик-то был. — Горюнова тяжело вздохнула.

9

Проходя через приемную в свой кабинет, здороваясь с ожидавшими его шоферами и автоинспектором Коноплевым, Корнилов сразу почувствовал, что они недовольны очередным вызовом в управление. Только автоинспектор, наверное, спокойно дремал в ожидании начальства — вид у него был заспанный.

— Что, ворчат мужчины? — спросил Игорь Васильевич у Вари, устремившейся вслед за ним в кабинет.

— Ворчат. Я уж и чаем их поила, и разговорами занимала.

— Зови, зови их, Варвара. Буду извиняться. — Он прочитал на листке, положенном на стол секретарем, фамилии звонивших в его отсутствие людей. Похоже, что ничего срочного.

Приглашенные вошли, неторопливо расселись, с любопытством оглядывая кабинет.

— Ну что, товарищи, затыкали мы вас? — улыбнувшись, спросил Корнилов. — Никак в покое не оставим?

— Вот-вот, товарищ начальник! — ворчливым басом отозвался загорелый здоровяк с огромными волосатыми ручищами, видневшимися из закатанных по локоть рукавов шерстяной рубашки. — Сколько раз давал себе зарок — подальше от происшествий, так нет...

Это был зеленогорский шофер с хлебного фургона, Владимир Орлюков.

— Нам ведь эти вызовы — один убыток, — вставил пожилой чернявый шофер с самосвала Павлищин.

— По среднему-то не заплатят. А мы уж четвертый заход делаем. То в ГАИ, то в прокуратуру.

«Ну, ты-то своего не упустишь», — подумал подполковник: в тот поздний вечер Павлищин на своем самосвале халтурил — возил дрова какому-то дачнику в Репино.

— И правда, товарищ Корнилов! — подал голос седой пижони-

стый мужчина, владелец «Жигулей» композитор Макаров.— Который раз мы пересказываем одно и то же. Человек погиб, ему теперь не поможешь...— Макаров пожал плечами, достал из коричневой кожанки пачку сигарет «Филип Моррис», но не закурил, видно, постеснялся.

«Ну вот, и этот «Филип Моррис» курит,— про себя усмехнулся Игорь Васильевич.— Нельзя думать, что у дачи Горина обязательно кто-то из команды курил. Интересно, откуда композитор их достает? Спросить неудобно, еще подумает черт те что!»

— Вы курите, товарищ Макаров,— сказал он и сам достал пачку «Столичных».

Композитор закурил. Достал беломорину и Павлишин.

— Вы бы нам объяснили, чего от нас ждете,— пуская колечко дыма, сказал Макаров.— Может быть, вас интересуют какие-то определенные детали? Проще было бы вспомнить.

Все водители внимательно прислушивались к тому, что говорил композитор. Орлюков после каждого его слова согласно кивал головой.

Корнилов улыбнулся.

— Мы хотим от вас только одного: чтобы вы подробнее вспомнили все, что произошло в тот вечер на сорок девятом километре. Постарайтесь вспомнить последовательно, не забывая ни одного своего действия, ни одной мелочи. Кто где стоял, как пытались достать водителя, как гасили пламя... Для нас все важно. И прошу вас — не думайте, что мы сомневаемся в том, что говорилось раньше. Нам хочется знать побольше деталей...

«А скажи вам о том, чего мы хотим узнать,— вы живо нафантазируете»,— он раздал всем бумагу, усадил за большой стол.

— Эх-э-хе! — проворчал Павлишин.— Плакали наши денежки.

— Наверное, вы преувеличиваете убытки! — усмехнулся Макаров, сидевший рядом.

— Вам бы по тарифу платили, вы бы не улыбались. Небось зарплата регулярно идет!

Макаров насупился и ничего не ответил.

— Потерпите, товарищи,— примирительно сказал Корнилов.— Дело серьезное. От того, насколько точно вы все вспомните, возможно, зависит судьба человека...

— Что ж эта «Волга», из ремонта только вышла? — полюбопытствовал Орлюков.— Ведь теперь на станцию обслуживания грешить начнут. Может, что с тормозами?

— Экспертиза дала заключение, что машина была технически исправна,— ответил Корнилов. Он нажал кнопку селектора и спросил у секретаря:

— Варя, Бугаев не звонил?

— Нет еще, Игорь Васильевич.

— Кто с ним из экспертов?

— Коршунов.

— Если позвонит, сразу соединяй.

Он только успел выключить селектор, как Варвара сказала:

— Бугаев звонит.

— Семен, как дела? — спросил Игорь Васильевич, спросил чуть более торопливо, чем ему хотелось в присутствии посторонних.

Водители посерьезнели. Кто уже писал, исподволь прислушиваясь к разговору, кто сидел хмуро над листком бумаги, еще раз переживая события того вечера.

Закончив разговор, Корнилов долго сидел молча, легонько постукивая пальцами по столу и пытаясь сосредоточиться. Известия, полученные от Бугаева, были полной неожиданностью. Совсем не о таком сюрпризе предупреждал он Семена...

«Теперь многое зависит от того, что скажет жена Шарымова,— думал подполковник. В том, что у дачи старпома стояла его машина, Корнилов не сомневался.— А вот гибель Горина... Вспомнят ли свидетели еще что-то новое?»

...Прочитав последние показания, Игорь Васильевич понял, что вызов шоферов ничего не дал. Кое-кто из них вспомнил новые детали, но никакого намека на то, откуда взялся в салоне автомашины камень, не было. Оставались только две версии: или этот камень был зачем-то нужен старпому, и он подобрал его по дороге, или... Или кто-то, скорее всего Шарымов, швырнул его Горину в ветровое стекло.

И все-таки, прежде чем отпустить свидетелей, Корнилов спросил их, не было ли на месте происшествия еще людей, которых почему-либо не пригласили в свидетели.

Водители, пожимая плечами, оглядывали друг друга, словно увиделись впервые.

— Да нет, кажется, больше никого не было,— не совсем уверенно сказал Макаров. Он встал со стула, прошелся по кабинету.— Вот здесь лежала машина...— Макаров показал рукой в угол.— Товарищ Орлюков сыпал песок...

— А по-моему, был еще один! — воскликнул Павлищин.— Был! Тоже, как и вы, жигулевец.

— Нет, больше никого не было,— возразил инспектор.— Я же всех записал...

— Не все дураки вроде нас,— махнул рукой Павлищин.— Этот, видать, вовремя смылся. Я припоминаю, мельтешил там. Гоношистый.

Корнилов молчал, с интересом поглядывая то на одного, то на другого.

— Нет, «Жигули» только одни были. Мои,— не согласился Макаров.

— Как же, как же! Вы просто рассеянный,— упорствовал Павлищин.— Вот скажите, на вашей машине что на заднем стекле?

— Ничего,— пожал плечами композитор.

— А у того — красная ладонь! Знаете, стилиги себе привешивают,— обратился он к Корнилову.— Едет, а ладонь болтается. Я бы им!..— Павлищин сжал кулак.— Только раздражают.

— А номер вы не запомнили? — спросил Игорь Васильевич.

— Нет. Номер не запомнил,— развел руками шофер.— Но был он, жигулевец, был, товарищ начальник.

Позвонил Коршунов. Проведенная им трассологическая экспертиза подтвердила, что отпечатки протекторов, оставленные неизвестным автомобилем возле дачи старпома Горина, совпадают с протекторами «Жигулей» Шарымова.

— Вы довольны, товарищ подполковник? — спросил Коршунов.—

Ваш Бугаев, по-моему, поставит мне бутылку коньяка — очень уж хотелось ему таких результатов.

— Я был бы доволен... — Игорь Васильевич хотел сказать: «Если бы мог предъявить эти результаты Шарымову», но при шоферах не стал. Сказал только: — Спасибо, Ваня. Будущее покажет.

Еще раз позвонил Бугаев.

— Зонтик, похоже, Шарымовой. Тут одна соседка, думаю, опознает. А сама дамочка молчит. Сейчас у нее доктор, укольчики делает, никого не подпускает. Следователь поручил мне дожждаться, поговорить с ней...

По тому, как Бугаев назвал Шарымову «дамочкой», Игорь Васильевич догадался, что он узнал о ней нечто не слишком лестное.

— Сиди там до победного, — сказал он Семену.

Больше никто из свидетелей не подтвердил показаний Павличина, но Корнилов почувствовал, что Павличин не только хваткий мужичок, но и внимательный. Эти два качества чаще всего соседствуют.

«Чем черт не шутит, — решил Игорь Васильевич. — Если поискать неизвестного «жигулиста», может, и повезет. Шарымов не Шарымов тут виноват, а полная ясность никогда никому не вредила».

Распровавшись с шоферами, Корнилов заглянул к следователю Гурову, специалисту по автомобильным делам. Накануне подполковник попросил провести повторную экспертизу и с нетерпением ожидал ответа на поставленные перед экспертами вопросы.

Гуров был у себя, сидел, согнувшись над столом, и вычерчивал какой-то план. Окно кабинета выходило во двор, и даже днем на столе у майора горела лампа. Второй стол в комнате пустовал уже несколько месяцев — его хозяин, молодой следователь Богов, разбился, поставив свою машину под удар грузовику с пьяным шофером. Все знали, что Богов уже не вернется на службу, но место его пока не занимали...

Увидев Корнилова, Гуров отложил в сторону чертеж, погасил лампу.

— Картинки рисуете? — усмехнулся подполковник, усаживаясь в старенькое скрипучее кресло.

— Рисуем, товарищ подполковник, — весело отозвался Гуров и, неожиданно нахмурившись, сказал: — А вообще-то писанина заела. У меня вон на пальце мозоль. — Он показал Корнилову запачканную чернилами руку. — Жена смеется: «Ты у меня, отец, наверное, не в милиции, а в поликлинике работаешь». Она участковый врач — две трети времени на истории болезней уходит!

— Печатайте на машинке, — сказал Корнилов. — Начальник хозу, Набережных, нам в каждую комнату по машинке купил. Ребята все печатают. И стенографистку приглашаем...

Заметив, что Гуров смотрит на него недоверчиво, Игорь Васильевич улыбнулся:

— Не сомневайтесь, Никита Андреевич, загляните к Белянчикову...

— Может быть, может быть, — все еще недоверчиво покачал головой майор и спросил: — А вы уже за ответом?

Корнилов молча развел руками.

Гуров достал из стола тоненькую папку, раскрыл ее и передал Корнилову. Лицо у майора стало скучным.

«Проведенными по делу автотехническими исследованиями установлено.— Корнилов бегло просмотрел описательную часть экспертизы: 3 сентября 1977 года около 23 часов гражданином Горин Юрий Максимович, управляя технически исправным автомобилем. ГАЗ-24 номер 36—99 ЛЕК следовал по Приморскому шоссе, по влажной проезжей части...» — Игорь Васильевич перелистал бумаги, отыскивая то, что интересовало его в первую очередь.

Гуров вздохнул, заметив это.

— Ничем новым порадовать не могу.

«...Комплексной экспертизе, в которой участвовали автотехник, трассолог и судебный медик, был поставлен вопрос: могли ли возникнуть технические повреждения, обнаруженные на левой передней стойке и на теле потерпевшего от удара камнем, брошенным не установленным следствием человеком в ветровое стекло автомашины...» — Корнилов почувствовал, что волнуется, читая эту сухую, написанную забубенно-протокольным языком бумагу. — «...Повреждения, обнаруженные на левой передней стойке, не совпадают с характерными царапинами на камне. Вместе с тем на камне обнаружены микрочастицы стекла, применяемого на автомашинах ГАЗ-24, и царапины, которые могли быть получены в результате удара о стекло...»

Заметив, что подполковник поморщился, Гуров сказал:

— Если бы ему в ветровое стекло залепили — тормознул бы резко, а тормозного следа нет... Дождь, дождь все спутал! Бывает, что после сильного дождя тормозного следа и не видно! И про осколки ветрового стекла категорично ничего нельзя сказать! Они на асфальте найдены, но за день до этого там новая «Волга» и «Москвич» столкнулись. На этом же самом месте.

Корнилов сказал недовольно:

— Ну вот, уже появились оговорки. А раньше не было.

— Вы же сами сказали, что случай особый. Эксперты учли все возможности.

— А я думал, что у экспертизы каждый случай особый...

Гуров не ответил.

Несколько минут они сидели молча. Подполковник снова и снова перечитывал акт экспертизы.

— На труп есть повреждения, характерные для автотравмы, — сказал Гуров. — Но эксперт не исключает возможности повреждения от удара камнем.

— Камень мог и не попасть в него. Хорошенькое дело — человек мчит на огромной скорости, и вдруг булыжник влетает в стекло. Мгновенная растерянность, рывок...

— Значит, полной уверенности, что это несчастный случай, у вас нет? — помолчав, в упор спросил Корнилов.

— Полной уверенности нет, — развел руками Гуров. — Могли и камень бросить. А может быть, перед машиной внезапно выскочил на дорогу человек... Тоже нельзя исключать.

— Да ведь Горин нажал бы на тормоз, а вы говорите, тормозного следа нет!

— Нет, в дождь такое случается... Вы что же, не доверяете нашей экспертизе?

— Доверяю, — устало вздохнув, сказал Корнилов. — Но вы сами-

то прикиньте, сколько совпадений! Старпом пишет в прокуратуру и пароходство. Обвинения, я вам скажу, куда какие серьезные! А тут — катастрофа. Жена его приходит ко мне, говорит, что взломана дача, все перевернуто вверх дном. А мы устанавливаем, что сделано это в ту ночь, когда Горин разбился. Мы ищем человека, побывавшего на даче, — подозрение падает на штурмана Шарымова. Приезжаем к нему домой, а он прямо под дверь пускает себе пулю в лоб...

— Наверное, крупно поссорившись с женой? — спросил Никита Андреевич.

— Да бросьте вы! — рассердился подполковник. — Если все стреляться после ссор будут...

— Ссоры разные бывают.

— Ни-ки-та Андреевич!

— Да это я так! — махнул рукой следователь и улыбнулся. — Как говорится, из окаянства. Уж если она перед мужем в чем-то серьезном провинилась, так он не себя, а ее застрелил бы.

Корнилов промолчал, но подумал: «Причина-то серьезная — дальше некуда. Жена шлюха. Да все равно трудно предположить, что Шарымов только из-за этого застрелился. В такой узел все завязалось!»

— А что же Шарымова говорит? — спросил Никита Андреевич. — Ее допросили?

— Молчит. У нее шоковое состояние. Врач к ней пока никого не пускает. Опасается за последствия. Такое потрясение.

— Знаете, Игорь Васильевич, на Востоке самая страшная месть — прийти к дому обидчика и на крыльце вспороть себе живот. Наверное, эта дамочка прилично насолела штурману.

— Прилично. Судя по рассказу капитана Бильбасова, Шарымов на днях узнал, что она любовница Горина.

— Вот это да! Чего же вы молчали? — Никита Андреевич вскочил со стула, взволнованно прошелся по кабинету.

— Но ведь мы с вами не на Востоке, а в Ленинграде живем. А не сказал я, потому что хотел еще раз выслушать ваше непредвзятое мнение, — пробурчал подполковник. — А то еще начнете строить свои теории. А теорий у нас хватает...

— Ну и ну! — Гуров все не мог успокоиться и расхаживал по кабинету, на мгновение останавливался возле Корнилова и снова продолжал шагать, как маятник. Наконец он сел и, в упор уставившись на подполковника, спросил: — Так вы думаете, что Шарымов...

— Никита Андреевич, то, что мы с вами думаем, годится лишь псу под хвост! Важно, что мы знаем. А знаем мы мало...

— Не так уж и мало, Игорь Васильевич, — Гуров вдруг осекся, какая-то мысль остановила его. Он с минуту молчал, будто прислушивался к чему-то, и наконец сказал: — Я вам говорил о том, что причиной несчастья мог быть внезапно выскочивший перед «Волгой» человек. Но нельзя исключить и машину, идущую в лоб или на повороте прижавшую к краю «Волгу» потерпевшего. Резкий поворот руля...

— Вот видите, могло быть одно, могло быть второе... А откуда все-таки камень в салоне? — Корнилов почувствовал, что раздражается, и сказал как можно спокойнее: — Вы, товарищ майор, одно

поймите — пока мы с вами не узнаем, как он в машине оказался, нам спать спокойно нельзя. Я вовсе не сторонник версии об убийстве — но уж если исключать ее, то с полным основанием. На сто процентов, хоть вы и боитесь такой категоричности. А пока... — он не договорил.

10

Семен позвонил Корнилову только вечером, домой.

— Успехов ноль, товарищ подполковник, — голос у него был усталый и недовольный. — Беседа прошла в обстановке корректности и лицемерия. Никакого стремления к сотрудничеству.

— А поконкретнее нельзя?

— Нельзя, Игорь Васильевич. Из автомата звоню, а на очереди суровая женщина.

— Твои на даче? — спросил Корнилов. — Приезжай ко мне, накорчим фирменными котлетами.

Через пятнадцать минут повеселевший Бугаев уже сидел за столом в квартире Корниловых.

— Я так понимаю приглашение вашего сурового супруга, Ольга Михайловна, — говорил он жене подполковника, накрывавшей на стол, — отныне в Ленинградском уголовном розыске наступила новая эра. Для особо отличившихся сотрудников начальство устраивает персональные приемы. Нечто вроде бенефисов. А какой же бенефис без угощения.

— И угощение будет! — Оля засмеялась.

Корнилов только головой покачал. Он хотел сначала услышать доклад о деле, но жена воспротивилась:

— Человек весь день без корки хлеба. А тебе только бы о своих мазуриках поговорить.

— Если бы о мазуриках, — вздохнул Корнилов и принес из кухни бутылку коньяка.

— Так что же все-таки Шарымова? — не утерпел он, когда Бугаев расправился с тарелкой борща.

— А-а! — помрачнев, махнул рукой Семен. — Сфинкс, а не женщина. Но красива, я вам скажу, Ольга Михайловна. Карие глаза в меня вперила, словно в гляделки играть собралась...

— Сеня, вы же сами оказались свидетелем ее трагедии, — укорила Бугаева Оля. Она уже знала от Корнилова о происшествии.

— У хорошей жены муж стреляться не будет. В тот вечер Шарымова куда-то исчезла и, судя по рассказу соседки, муж, не застав ее дома, уехал на поиски. Спросите, куда? Он знал куда! Небось Иван Иванович подтвердил, что около дачи Горина следы от его машины обнаружили? И «пальчики», обнаруженные в доме, его?!

Корнилов кивнул.

— А почему зонтик Веры Сергеевны у старпома в машине оказался?

— Погоди, погоди, — остановил Бугаева Игорь Васильевич. — Надо еще опознание провести.

— Не сомневаюсь в результате, — горячо сказал Семен. — Интересно, почему только один зонтик там был? Куда она сама делась? Уж лучше бы...

— Семен, поменьше эмоций! — строго сказал Корнилов.

— Намек понял, товарищ подполковник. Только когда я Веру Сергеевну про зонтик спросил, она заявила, что все ее зонтики дома. И показала мне штуки три... Барахольщица!

— Вот с какими сотрудниками мне приходится работать,— мрачно сказал Корнилов.— У них эмоции забывают все остальное.

Оля засмеялась:

— А Юра Белянчиков? Уж такой рационалист!

— Это я в домашней обстановке расслабился,— улыбнулся Бугаев.— Но если уж говорить без эмоций, так Вера Сергеевна Шарымова на вопрос о том, из-за чего произошла у них с мужем ссора, отвечать не стала. «Это касалось только нас двоих»,— она твердила эту фразу в течение всей беседы. А вечером третьего июля у нее разболелась голова и до двенадцати ночи она гуляла по городу. Одна.

— Откуда у мужа пистолет, ты не спросил? — поинтересовался Корнилов.

— О пистолете она ничего не знала. Впервые увидела. А марка — браунинг. Заглядение, а не машинка,— сказал Бугаев и пожегся.

Больше они этой темы не касались. Корнилов рассказал о том, как вчера побывал у Васи Алабина.

— Что-то я замечаю, Варвара над ним усиленное шефство взяла? Уж не к свадьбе ли дело?

— У них уже год, как дело к свадьбе катится,— усмехнулся Бугаев.— Да вот ранение... А вы будто не знаете?

— Ну почему же не знаю? — слухавил Игорь Васильевич. Ему не хотелось признаваться, что он раньше ничего не замечал.— Знаю, но не думал, что так всерьез.

Бугаев посмотрел на него с недоверием.

Вошла в комнату мать. Увидев Бугаева, разулыбалась. Всех сослуживцев сына она хорошо знала.

— Как живете, Сенечка? Здоровы?

— А что нам сделается, Вера Николаевна,— Семен поднялся, поздоровался за руку.— Семейство на даче. Я один процветаю. Борщ, правда, некому приготовить. Так вот начальство позаботилось.

Старуха посидела минут пять в кресле, пожаловалась на погоду, пожелала всем спокойной ночи, ушла к себе.

— Ну что, товарищ доктор,— сказал Игорь Васильевич жене.— Может быть, ты нам и по сигаретке разрешишь выкурить?

Оля махнула рукой, включила телевизор.

Корнилов с Семеном сели друг против друга в кресле, закурили.

— А вы почему меня к Шарымову послали? — поинтересовался Бугаев.— И про зонтик просили выяснить... Капитан?

Корнилов кивнул.

— Они друзья. Шарымову только что кто-то рассказал про его жену и Горина. А капитан с рыбалки никуда не отлучался. Это сразу сняло подозрение, хоть и у него «Жигули», и курит он «Филип Моррис». Я сопоставил все, решил Шарымова проверить.

— Да...— сокрушенно покачал головой Бугаев.— Проверочка получилась, я вам скажу... Не проверка, а разведка боем.

— Давай теперь в подробностях, Семен. С самого начала.

Бугаев стал рассказывать, стараясь не упустить ни одной подробности. Корнилов, как обычно, требовал все детали: как вела себя соседка, открывшая дверь, где были остальные жильцы, во что был одет Шарымов, не нашел ли Бугаев каких-нибудь писем?

— Каких все-таки писем?

— Ну мало ли... — пожал плечами подполковник. — Я думаю, Шарымов не зря на даче у старпома все перерыл. Может быть, нашел что-то, письмо жены, например...

— Вы думаете, он после того, как Горина ухлопал, стал письма искать? — удивился Семен. — Оправдательные документы?

— Кто тебе сказал, что он старпома ухлопал! Дачу взломал — это мы знаем. И застрелился. А Горин?.. Несчастный случай... Сомнений почти нет. Но вот это «почти»... — Корнилов стукнул себя кулаком по колену.

— Да и некому, выходит, было убивать старпома, — Игорь Васильевич развел руками. — Мы же всех проверили. Капитан рыбачил, нигде не отлучался, стармех в больнице, директор ресторана сидел дома у телевизора, пассажирский помощник и один из штурманов были в ресторане...

— С собственными женами, заметьте, — вставил Бугаев. — Но остается еще один штурман. Шарымов. Где он был в одиннадцать вечера — никому не известно.

— Сенечка, — задумчиво сказал Игорь Васильевич, — ты самый непоследовательный человек в уголовном розыске. Не могу отрицать, что иногда у тебя проскальзывают дельные мысли. Но ты не можешь делать из них правильные выводы.

— Игорь Васильевич, почему так сурово? И несправедливо.

— Ты только что удивился, зачем понадобилось Шарымову, устроив катастрофу старпому, ехать к нему на дачу и взламывать ее? Ну, действительно, зачем? Искать подтверждения измены? Если уж он решился убить Горина, так считал, что оснований у него на это достаточно...

— Логично, — согласился Бугаев. — Но все равно: ехать взламывать дачу из-за писем?! Да почему они обязательно должны быть, эти письма? Можно и без них прекрасно обходиться.

— Ты прав. Я думаю, что Шарымов предполагал застать свою жену с Гориним. И убить старпома. Иначе браунинг зачем? Не дождался их — взломал стол. Может быть, нашел письма... Дома объяснения, скандал! А тут уголовный розыск явился.

— Что ж, выходит, приди я в другое время — несчастья бы и не случилось? — с беспокойством спросил Бугаев.

Корнилов не ответил.

— Игорь Васильевич! — настаивал Семен. — Вы и правда так считаете?

— А кто, Семен, знает, что бы произошло? Раньше пришел, позже... Гадать на кофейной гуще не входит в наши обязанности. Опоздай ты, — может, Шарымов и жену бы застрелил...

— Да уж лучше был! — буркнул Бугаев. Он был явно расстроен словами шефа.

Корнилов заметил его состояние.

— Милый Семен, выброси все это из головы. Ты тут ни при

чем.— А сам подумал: «И я бы мучился. Знал, что не виноват, но мучился. Все гадал: кабы да бы...»

— Когда с живыми людьми дело имеешь, никогда не знаешь, как все обернется,— сказал он Бугаеву.— Поступки наши иной раз никакой логике не поддаются. А с Шарымовым, по-моему, все ясно. Его намерение расправиться со старпомом — лучшее алиби. Если бы он Горину в машину камень запустил, тогда не торчал бы всю ночь на его даче...

11

Шел четвертый день с того момента, как Корнилову поручили проверить обстоятельства смерти старпома Горина. Утром Игорю Васильевичу позвонил Кондрашов.

— Самоубийство Шарымова все осложнило,— посетовал он.— Я тебе сразу сказал: неприятная история. А жена Шарымова — вот уж крепкий орешек! Я ее только что допросил — ни слова о причинах скандала, об отношениях с Гориним.— Помолчав, поинтересовался: — Когда вы закончите?

— Сегодня. Во второй половине дня готов встретиться. Мое начальство тоже любопытствует. Доложусь, а потом к тебе. Идет? Вот уж навели панику с этим Гориним. А капитан, между прочим, на меня хорошее впечатление произвел.

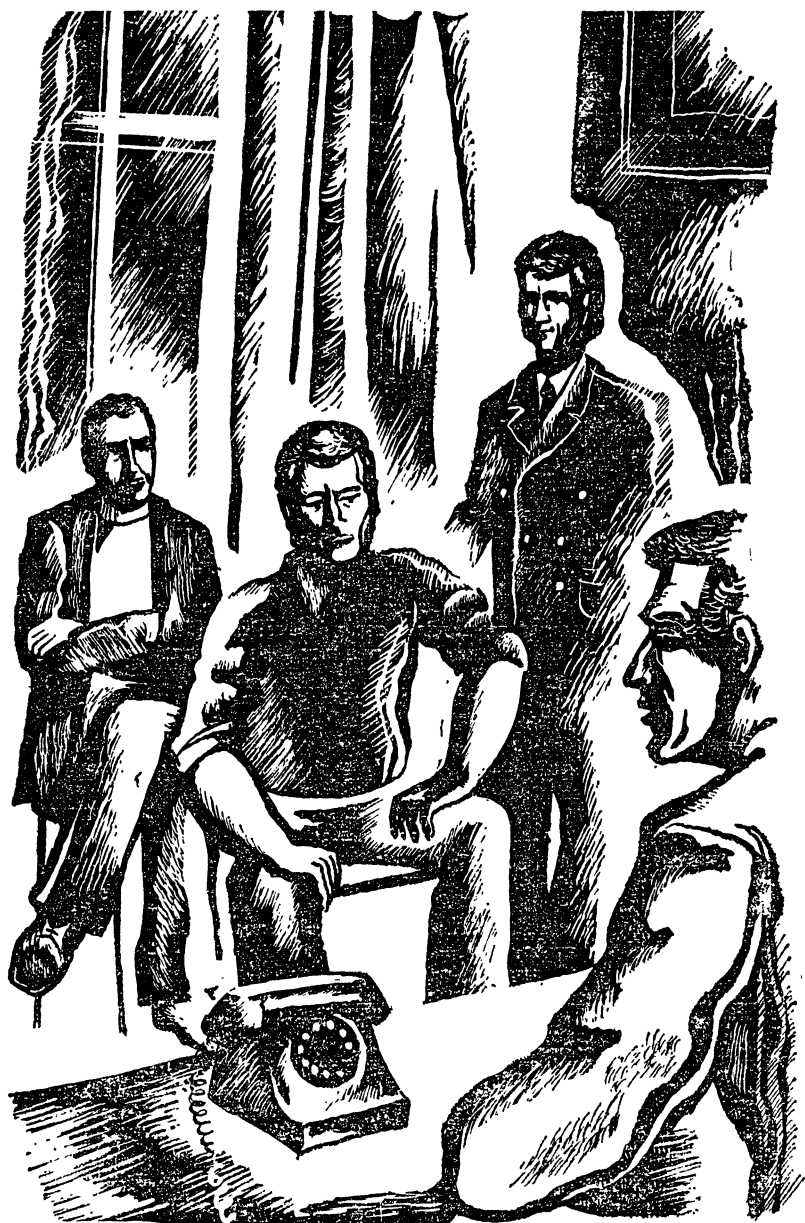
— Знаешь,— как-то виновато сказал Кондрашов,— дело приобрело слишком большой общественный резонанс. Старпом, оказывается, и в министерство письмо отправил.

Закончив разговор с Кондрашовым, подполковник позвонил в радиокомитет. Поинтересовался, не отозвался ли кто в ответ на прочитанное по радио объявление. Его передавали трижды: в семь, в восемь и в половине девятого. Корнилов решил, что если интересующий его автомобилист не услышит обращения утром, перед уходом на работу, то обязательно — слушая последние известия в машине, когда будет ехать на службу. Если только он вообще слушает последние известия!

Никаких звонков в радиокомитет пока не было. Оставался выпуск теленовостей в восемнадцать часов, когда обращение должны были повторить.

Корнилов раскрыл папку с почтой. Среди сводок и писем ему бросился в глаза аккуратно запечатанный пакет, на котором красивым размашистым почерком были написаны адрес управления, его, Корнилова, фамилия и маленькое слово «лично». «Интересно, что за женщина пишет мне? — подумал подполковник, разглядывая конверт.— У нее ровный, спокойный характер, сильная воля сочетается с мягкостью...— Игорь Васильевич по привычке потеребил мочку уха и покачал головой.— Что-то слишком разноречивые признаки».

...Это была его любимая игра — составить по почерку представление о человеке. Еще в университете, изучая основы почерковедческой экспертизы, он перечитал десятки книг знаменитых и доморощенных графологов (так они тогда именовались) прошлого и пришел к выводу, что за всей наносной шелухой этой свергнутой с престола лженауки есть рациональное зерно. Современное почерковедение основывается только на одной аксиоме: почерк каждого



человека неповторим. Но если неповторим, индивидуален, то эта индивидуальность должна отражать черты характера человека!

Со временем Корнилов отказался от мысли всерьез заняться почерковедением — работа в уголовном розыске оставляла мало свободного времени. Но он постоянно развивал в себе способность видеть за плавными или скачущими буквами характер человека. В управлении никто не знал об этой маленькой причуде подполковника, и только дома, в присутствии жены или матери, Игорь Васильевич позволял себе, как он говорил, «поколдовать»...

Корнилов разрезал пакет и достал из него почтовый конверт и маленькую записочку, написанную тем же красивым размашистым почерком, что и адрес на пакете.

«Уважаемый товарищ Корнилов.

Перед отъездом в Нальчик я вспомнила наш разговор о покойном муже, о его отношениях с товарищами. Может быть, письмо, которое я посылаю, поможет Вам правильнее оценить конфликт Юрия Максимовича с капитаном.

Мне показалось, что Вы человек, которому можно довериться. Почтайте письмо, возвращать его не надо. Только, ради бога, не надо оставлять ни в каких архивах. Лучше сожгите. Наталья Горина».

— Любопытно,— пробормотал Корнилов, откладывая записку.— Зря она письмо не прислала бы.— Он осторожно раскрыл красивый продолговатый конверт, достал сложенный вчетверо лист бумаги.— Что она имеет в виду, когда пишет о доверии? Надеется, что я не использую письмо во вред покойному? Или рассчитывает с помощью письма поддержать обвинения, брошенные старпомом капитану? Маловероятно. В прошлый раз она говорила о Бильбасове с сочувствием. Вот женская логика!

Игорь Васильевич развернул письмо.

«Здравствуй, мать! Посылаю тебе письмо с оказией. В Марселе на борту был наш консул. Через день летит в Москву.

Спасибо за радиogramму. Тридцать пять хоть и не круглая дата, но для меня рубеж — полжизни прошло! Дожить бы до семидесяти, посмотреть, что там будет, в третьем тысячелетии.

День рождения отмечали в Мессинском проливе, между Сциллой и Харибдой. Все было бы хорошо, если бы не выкинул номер кеп. Сказал свой заздравный тост, ты знаешь, он любитель поговорить, и, сославшись на головную боль, смотался. Такого еще не бывало. Я сидел как оплеванный. Да и тост был вялый. Давно уже я заметил, что мастер переменялся ко мне. Все ломал голову — почему? А сегодня все разъяснилось. Он сам разговор затеял. Сказал, что в пароходстве намечают меня на «Шипку» капитаном. Это я и без него знаю. В кадрах говорили. Так вот он, Бильбасов, считает, что я не дорос до капитана, и не подпишет мне характеристику. Аргументы? Меня до сих пор колотит от злости! Одна демагогия. Но это еще не вечер! Решат и без него. В пароходстве есть товарищи, которые знают нелюбовь мастера к людям принципиальным.

Что же это? Обида? Да ведь я никогда не давал ему повода для такой обиды. Ничего не делал без его совета и одобрения. Но он, наверное, чувствовал, чувствовал, что во многом я его перерос. Только дело не в этом. Обычная примитивная ревность — вот где собака зарыта. Когда он достиг капитанства? В сорок два! А мне

только тридцать пять. Тут и кончается вся его широта, помноженная на доброту и передовые взгляды. Ему тоже дорога карьера, а начальником пароходства он отказался стать, потому что понял — не дотянуть.

Разве я не прав, мать? Ты знаешь, сколько сил положено, чтобы не утонуть в толпе, не остаться заурядностью, знаешь, как даже после мореходки долбил я по ночам науки.

У меня выбора нет — если я сейчас не постою за себя, ярлык карьериста, приклеенный Бильбасовым, останется на всю жизнь. Капитан слишком легко идет по жизни, он думает, что мы все служим ему, Бильбасову, а не делу. Кого хочет, он милует и двигает, кто не по нраву — берегись! В Неаполе дед Глуховской на час опоздал к отходу. Докладывает, что вступился на улице за нашу туристку с «Казахстана», который отшвартовался рядом. У нее, дескать, пьяные парни хотели отобрать сумочку. Пьяные парни! Да у него у самого рожа пьяная и два синяка. Подрался, скотина. Ты же знаешь его страстишку.

Я спросил, где туристка. Дает показания в полиции, а его, якобы, отпустили. Все это легко проверить — в полицию, конечно, соваться не стоит, но запросить «Казахстан» следовало непременно. Но кеп заупрямился. Смешные аргументы: стыдно, дескать, перед коллегами, подумают, что мы своим людям не доверяем. А мне кажется, что это тот случай, когда нечего стесняться, — проступочек-то не рядовой!

Все больше и больше он раздражает меня. Есть в нем какая-то легкость в отношениях с людьми, нежелание поглубже разобраться в человеке. Он старается ни с кем не портить отношений. Теперь я понимаю, что дисциплина и порядок на нашей посудине строятся на стремлении угодить капитану. Или из боязни его.

Знаешь, мать, с этим надо кончать. О всех безобразиях я поставлю в известность министерство и прокуратуру. Пусть кто-то считает меня склочником и сутягой, пусть обижаются друзья. Может быть, чем-то я и не прав, несправедлив в частностях. Но в главном я прав. Есть высшая справедливость. Пишу тебе обо всем этом, чтобы ты была готова. Скоро они забегают, как крысы, начнут и тебе звонить. Обо мне небылиц наслушаешься».

Голос секретаря оторвал Корнилова от чтения.

— Игорь Васильевич, из радиокомитета...

Корнилов поспешно взял трубку. Приятный женский голосок сообщил, что на переданное объявление откликнулся один из свидетелей аварии на сорок девятом километре.

— Он у вас? — спросил подполковник.

— Нет. Звонил сию минуту. Оставил свои координаты. Данилов Петр Сергеевич... — Девушка продиктовала телефон.

— Спасибо, милая, — поблагодарил Игорь Васильевич. — Вы нам очень помогли!

Он нажал на рычаг, набрал записанный номер. Из трубки долго неслись длинные тягучие гудки, наконец глухой мужской голос лениво произнес:

— Я слушаю.

— Петр Сергеевич? — спросил Корнилов.

— Он самый.

— С вами говорит подполковник Корнилов из милиции. Вы только что звонили на радио... Вы были на сорок девятом?

— Да, был.

— Не могли бы сейчас приехать к нам? Скажите адрес, я пришлю машину.

— Слишком много чести,— хохотнул Данилов.— И сослуживцы перепугаются. У меня своя «карета».

Корнилов рассказал ему, куда ехать. Потом вызвал Варвару, попросил заказать Данилову пропуск.

«Ну что ж,— удовлетворенно подумал подполковник, потянувшись так, что хрустнули суставы в плечах,— имеем шанс. Последнюю точку поставить для успокоения души». Он посмотрел на письмо старпома. Одна мысль не давала Корнилову покоя: откуда раздобыл Горин валюту на колечко с бриллиантом. Ведь оно черт знает сколько долларов стоит! На наши деньги оценили в шесть тысяч! Кому он его купил? Явно не жене — в письме о кольце ни слова.

Он вызвал Бугаева.

Через минуту капитан сидел у него в кабинете. Корнилов уже давно заметил, что Семен стал тщательно следить за собой, одевался без особого шика, но красиво. Сегодня на нем была пепельная замшевая куртка и широкий темно-синий галстук с какими-то черными витиеватыми огурами.

— Ого! — сказал подполковник. Эту куртку он видел впервые.

Бугаев расплылся в улыбке. Спросил с ноткой самодовольства:

— Нравится, товарищ подполковник?

— Неплохо. Что-то, Сеня, ты стал последнее время пижонить. Семья на даче, сам в одиночестве... Кольцо обручальное почему-то снял.

— Да я его никогда не ношу! — горячо возразил Бугаев.— Не нравятся мне мужики с кольцами.

Подполковник и сам скептически смотрел на тех мужчин, которые носят обручальные кольца. А щеголей с перстнями презирал и вовсе.

— Нет, правда, товарищ капитан, уж очень вы за своей персоной следить стали. Раньше проще были.

— Игорь Васильевич, это вы виноваты,— лицо у Семена стало лукавым.— Жена мне сколько раз говорила: посмотри, твой начальник каким пижоном ходит, а ты у меня вечно расхристанный. Я и внял голосу народа.

Корнилов едва не поперхнулся дымом от сигареты. Хотел что-то сказать, но только головой повертел. Чуть отойдя, спросил ворчливо:

— Где это твоя жена меня видела? На концерте по случаю дня милиции? Тоже мне, нашла пижона... Ладно, мы с тобой еще разберемся. Ты вот что скажи: кольцо, принесенное Гориной, где?

— Передал следователю.

— Эх, поторопился,— огорченно сказал Корнилов.— Надо было еще со специалистами посоветоваться: где оно могло быть куплено?

Бугаев вытащил из кармана записную книжку, раскрыл ее и быстро прочел:

— Куплено скорее всего в Греции. Афины или Пирей. Фирма

«Кастропулос и К°», фирма по продаже драгоценностей. Стоимость от трех с половиной до четырех тысяч долларов. Могу и в драмах...

Подполковник, улыбаясь, махнул рукой.

— В драмах не надо. Молодец, сам догадался. А я, похоже, очень постарел за последнее время. Совсем забыл тебе сказать об этом.

Бугаев сиял.

— Ну и как ты думаешь, Семен, откуда у советского старпома могут быть четыре тысячи долларов?

Бугаев улыбнулся.

— Будто сами не знаете!

— Скупал валюту? Как рядовой спекулянт...

— Не рядовой, товарищ подполковник, — ехидно сказал Семен. — Тут уж квалификацией пахнет. Скупка валюты — раз, — он загнул палец. — Тайный провоз ее через границу — два. О таком колечке — то в таможенной декларации ведь не напишешь. Вот вам и три.

— Правильно, правильно! — поморщился Корнилов. — Я не хуже тебя законы знаю. О другом хочу сказать — Горин вон какое серьезное письмо в прокуратуру написал! А сам? Неужели так мелко плавал? Не до конца верится.

Игорь Васильевич никак не мог отделаться от какого-то двойственного чувства к погибшему старпому. Постепенно, штрих за штрихом, вырисовывалось перед ним малопривлекательное лицо этого «правдолюбца», но Корнилов привык выносить свой окончательный приговор лишь после того, как имел возможность посмотреть человеку в глаза, встретиться с ним, а встрече с Гориним не суждено было состояться в этом мире.

Бугаев молчал. На лице у него застыла такая презрительная гримаса, что было сразу видно его мнение о покойном старпومه.

Корнилов усмехнулся. Подумал о том, как изменился за последние годы Семен. Порывистый, непоседливый, резкий в своих суждениях, он стал более внимательным и последовательным. Он хоть и остался таким же горячим, но научился не торопиться со своими выводами и скоропалительными суждениями, всегда искренними и не всегда точными. А вот лицо его выдавало. Особенно глаза. Если Бугаев осуждал кого-то, они сразу суживались, становились злыми.

— Не пойманный — не вор, Сеня, — сказал Игорь Васильевич, словно бы отвечая на невысказанное суждение Бугаева.

— Да разве же я возражаю? — меланхолично отозвался капитан. — Только вот деталька одна: он третьего июля куда ехал? На дачу. И колечко с ним. А жена — в Нальчике. Если б он жене кольцо привез — давно бы подарил. В первый день, как из плавания вернулся. Или в первую ночь... — безнадежно взмахнул рукой. — Ну вот... Вез он колечко... А кто с ним в машине? Зонт-то чей обнаружили? Веры Сергеевны? Ей он и хотел колечко подарить. У себя на даче...

— Тебе бы ворожкой заниматься.

— А что, не логично мыслю? — усмехнулся Бугаев. — Другого-то и не придумаешь. Когда эта дамочка заговорит — вспомните меня.

— Ты же сам жаловался — крепкий орешек.

— Когда-нибудь да заговорит!

— Дело прекратят — никто ее и спрашивать ни о чем не будет.

— А я бы спросил, хотя бы из любопытства.

— И я бы, Сеня, спросил. Только... — он не договорил. Взял в руки письмо Горина. — У меня вот письмишко одно есть. Тебе из любопытства его прочесть было бы интересно. — Корнилов хотел дать письмо Семену, но вспомнил о просьбе вдовы и, нахмурившись, положил на стол, подумав при этом: «А жаль, что она так написала, письмишко полезно всем ребятам почитать! Ох, как полезно!»

— Ты чем сейчас занимаешься? — спросил он Бугаева.

— Квартирными кражами, товарищ подполковник, — деловито сказал Бугаев. — Сейчас на Заневский поеду.

— Ладно. Я в шестнадцать доложу начальству по сорок девятому и тоже подключусь. Хватит мореходами заниматься, пускай они сами в себе разберутся.

— А свидетели, значит, ничего новенького не подкинули? — спросил Бугаев. Глаза у него были хитрющие.

Корнилов улыбнулся:

— Подкинут, Сеня, не волнуйся. С минуты на минуту один человек подъедет...

12

Совещание у начальника управления уголовного розыска было назначено на шестнадцать. Корнилов пришел пораньше, перекинуться парой слов о текущих делах.

В кабинете у Михаила Ивановича сидел Еленевский, руководитель одной из групп. Вид у него был взъерошенный, сердитое лицо покрыто красными пятнами. «Тут пахнет крупной выволочкой, — подумал Игорь Васильевич. — Наверное, по делу об ограблении пьяных». И не ошибся.

— Вот полюбуюсь, — кивнул полковник на Еленевского. — Степан Степанович теорией нынче по горло занят. На оперативную работу времени не остается. У нас по ночам пьяных обирают, а майор лишь теоретизирует, считает, что это даже полезно. Пить, говорит, меньше будут. И виноваты во всем, дескать, сами пьяницы, а не воры. Каков полет теоретической мысли?

— Михаил Иванович, мы же ведем поиски! — обиженно сказал Еленевский. — Люди которую ночь не спят. Но принимать заявление от каждого алкоголика... это же смешно! Накушался до свинства, а мы должны ноги мозолить, его часики, видите ли, разыскивать...

— Товарищ майор! — перебил его полковник. — У вас в распоряжении два дня. Не тратьте время на разговоры. Не найдете воров — поставлю вопрос о вашей профессиональной пригодности.

Еленевский поднялся с кресла и, хмурясь, вышел из кабинета.

— Неплохой мужик, но увалень! — Михаил Иванович покачал головой. — Днем с огнем такого другого не сыщешь. Все сделает в конце концов, но уж очень долго раскачивается.

— Его ребята самокатчиком зовут.

— Самокатчиком?

— Ну да. Он же на службу на велосипеде ездит.

— Да брось ты! — отмахнулся полковник. — Придумаешь тоже!

— Правда, Михаил Иванович. Домой пойдешь — обрати внимание: в раздевалке желтый с синим велосипед стоит. Его велосипед, Еленевского. И, говорят, быстро ездит.

— Но уж про желтый с синим ты, положим, присочинил! — Начальник управления смотрел на Корнилова недоверчиво.

Корнилов засмеялся.

— Правда, правда. Его велик все в управлении знают. Гаишники честь отдают. Да, Михаил Иванович, — перестав смеяться, сказал подполковник. — Надо бы Семена Бугаева на майора представить. Сроки уже вышли, человек он, сам знаешь, энергичный, оперативный, не в пример самокатчику.

— Не возражаю, — согласился Михаил Иванович. — Он, кстати, с кражами на Заневском дело до конца так и не довел?

— Сейчас занимается. Ты же знаешь, я его на три дня отвлек. И сам проваландался... История, я тебе скажу, неприятная.

— Ну, тебя хлебом не корми, только дай отвлечься. С самоубийством Шарымова все чисто? Никаких неуклюжих действий не допустили? Не поторопились за него взяться?

— Мы за него и взяться не успели. Бугаев приехал к Шарымову домой выяснить, что он делал на даче старпома. А там скандал...

— Ну-ну. Бугаев, значит. Может, не торопиться со званием?

— Да что ты, Михаил Иванович! Семен здесь ни при чем. Не успеет он — могло бы и хуже обернуться. Обстановка на теплоходе не сахар. Нервозность, подозрительность! Все взвинчены до предела. И все один человек закрутил...

— Ладно, с Бугаевым договорились, — полковник взглянул на часы. — Сейчас Гуров придет, доложишь все подробно. От новгородцев телекс получили. Предупреждают нас: неделю назад вернулся из колонии Николай Борисович Лящ. Слышал, наверное? Специалист по аферам.

— Помню, — кивнул Корнилов. — Он ведь и у нас динамо крутил.

— В Новгороде Лящ уже успел причаститься. Двоих нагрел. Судя по оперативным данным, теперь подался к нам. Вот тут весь его послужной список, фотографии, — полковник подвинул Игорю Васильевичу папку. — Все, что нужно. Надо встретить.

Секретарь предупредила по селектору, что пришел Гуров.

— Ну что, Никита Андреевич, послушаем подполковника? — спросил начальник управления, когда они уселись за большой стол. — Он как, не затянул с поручением прокуратуры? Управился в срок?

— Управился, товарищ полковник, — сказал Гуров. — Они ведь и рассчитывали на него. Звезда розыскной службы! — следователь улыбнулся и подмигнул Корнилову. Игорь Васильевич отвел глаза. Он не любил таких разговоров в служебной обстановке. Да и без Гурова себе цену знал. Подумал: «Чего это Никита Андреевич? Не замечал я раньше в нем такой развязности».

— Перед нами был поставлен прокуратурой вопрос, — начал он сухо и официально, — проверить оперативным путем, не имел ли кто-нибудь из членов экипажа теплохода «Иван Сусанин» отношения к аварии на сорок девятом километре...

Корнилов подробно рассказал о том, что было сделано за три дня. Временами поглядывал на Гурова. Тот хмурил брови, запи-

сывал что-то очень быстро в блокноте, одобрительно кивал головой.

— Сегодня можно твердо сказать, что авария автомашины и смерть Горина — несчастный случай. Сомнения, конечно, были. Серьезные сомнения. Никто не мог объяснить, откуда взялся в машине камень. Большой, почти круглый булыжник. Но час назад я беседовал с одним свидетелем, — заметив, что Никита Андреевич хочет что-то сказать, Игорь Васильевич положил руку на папку: — Письменные показания есть...

Михаил Иванович хитро улыбнулся. Он знал пристрастие Гурова к правильно оформленным документам.

— Этот свидетель, Данилов Петр Сергеевич, инженер конструкторского бюро, увидев, что дверцы заклинило, разбил камнем боковое стекло. Струя воздуха раздула пламя, Данилов отскочил, а булыжник уронил в салон...

Когда Игорь Васильевич кончил докладывать, Михаил Иванович спросил:

— А причина самоубийства Шарымова так и не выяснена? — Чувствовалось, что это беспокоило его больше всего.

Корнилов пожал плечами:

— Мы провели дознание, поскольку наш сотрудник оказался на месте. А заниматься этим делом прокуратура нам не поручала.

— Кондрашов из прокуратуры сказал, что с самоубийством Шарымова все ясно, — добавил Гуров. — Люди, близко знавшие штурмана, показали, что человек он нервный, впечатлительный. Шарымов, может быть, и хотел этого Горина застрелить, когда узнал, что тот его жену соблазнил. Кто знает? Дачу-то взломал! А тут милиция нагрянула. Подумал, наверное, что все шишки на него. И дача, и авария...

— Все может быть, — задумчиво проговорил Корнилов. — Ты считаешь, уточнить больше нечего?

— Незачем. Теперь это уже никому не поможет.

— А я бы не пожалел времени. Вопросов осталось немало. Где, например, был Шарымов после того, как уехал с дачи Горина.

— Это ничего не изменит, — пожал плечами Гуров.

— А что говорит вдова Шарымова? — спросил начальник управления. — Ведь она, пожалуй, многое знает.

— Молчит она, товарищ полковник. Женщина с характером. Замкнулась в себе и ни гу-гу. Да ведь ее и понять можно — столько потрясений. Может быть, когда отойдет, заговорит. Да что толку? — Никита Андреевич сокрушенно вздохнул. — Ну, вот, так сказать, итог, *summa summarum*, как выражались в старину.

— Ты, Игорь Васильевич, ничего добавить не хотел?

Корнилов в раздумье посмотрел на Гурова, словно решая, что сказать.

— Это, конечно, не существенно, но один вопрос я бы Шарымовой обязательно задал — каким образом ее зонтик у старпома в машине оказался?

— Мне бы твои заботы, — улыбнулся Гуров.

— Да, я, собственно, и так знаю. Но люблю точки над *i* ставить. Вы, кстати, не знаете, в прокуратуре с письмами Горина продолжают разбираться?

— Ну, а как же? Кондрашов, по-моему, и тебя информировал — старпом и в министерство написал. Да если бы не такой общественный резонанс, наверное, так много внимания этому делу никто и не уделял!

— А у меня, Никита Андреевич, серьезные основания считать старпома... Как бы помягче выразиться? Человеком, которому нельзя слишком доверять. В энто провели экспертизу анонимок, в которых Горину угрожали расправой, и копирка, под которую он что-то печатал у соседа по даче. Одна и та же машинка. Грозил-то он сам себе!

— Да уж одни его шашни с женой Шарымова чего стоят! — сказал полковник. — А тут еще и анонимки...

— Знают все это в прокуратуре, знают, — развел руками Гуров. — Но существуют письма старпома, и в них конкретные обвинения! — Он улыбнулся и снова подмигнул подполковнику. — Платон друг, но истина дороже всего. Будем вместе с Кондрашовым разбираться.

Игорь Васильевич вспомнил вдруг изречение, которое привел в своем письме старпом: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Вспомнил и улыбнулся.

— Чего ты ухмыляешься? — спросил следователь. — От этого куда не денешься. Или я наврал в латыни?

— В латыни ты, Никита, ничего не наврал, — успокоил его Корнилов, специально назвав по имени, чтобы подчеркнуть, что все сказанное им теперь носит неофициальный характер. — Только любим мы за цитаты прятаться. А цитаты — вещь обоюдоострая: одной и той же цитаткой идейные противники, случается, друг друга глушат. Ты вот не думал, откуда у старпома доллары на кольцо с бриллиантом нашлись. Не сто, не двести — четыре тысячи? От трудов праведных?

— Это штука серьезная, — поддержал Корнилова Михаил Иванович. — Тут преступлением пахнет.

— В прокуратуре, конечно, поинтересуются, откуда у Горина была валюта. Выяснят, не занимал ли он деньги, — не совсем уверенно сказал Гуров. — Но мы-то свое дело сделали. Остальное — не наша забота.

Корнилов хмыкнул.

— Да что вы, товарищи! — неожиданно взъерепенился Гуров. — Что ж, по-вашему, надо новое дело возбуждать? На покойного старпома? В конце концов, заявление он написал, а не на него!

— Не кипятись, Никита, не кипятись! — успокоил следователя Корнилов. — Мы же в порядке консультации тебя расспрашиваем.

— Хорошенькие консультации, — не унимался Гуров. — Не оставлять же без внимания такие сигналы только потому, что заявитель погиб. Они теперь на контроле. В прокуратуре, в министерстве, в пароходстве... Еще не известно, чем все кончится. Может быть, сигналы и не подтвердятся. Но скажу откровенно — многое похоже на истину.

— Так всегда и пишут донссы — чтобы было похоже на истину, — жестоко сказал Михаил Иванович. Он уже несколько раз поглядывал на часы.

— Я ведь не прокурор. Я следователь, мсе дело — автодорож-

ные происшествия. Да знай я, что такая каша заварится... — он махнул рукой.

— А ты что ж, не можешь поспорить с начальством, доказать ему? — подзадорил Корнилов.

Михаил Иванович покосился на него укоризненно.

— Начальство есть начальство, — успокаиваясь, сказал Гуров и сделал легкий поклон в сторону Михаила Ивановича.

А тот притворно вздохнул:

— Завидую я, Никита Андреевич, вашему начальству. С моими подчиненными труднее — ужасные спорщики.

Гуров чуть порозовел и стал прощаться.

С работы Корнилов пошел пешком. Набережная была пустынной, и подполковник поймал себя на мысли, что его радует и дождь, и отсутствие людей. Так редко удается пройти теперь по городу в одиночестве. Вечное многолюдье, суета, всепроникающие туристы.

Серые мокрые сумерки, чуть разбавленные неоновым светом, висели над городом. Желтоватые блики подсветки мерцали в стороне Петропавловской крепости.

Корнилов шел и думал о Горине. Письмо старпома к жене никак не выходило у него из головы. Вот как бывает в жизни — человек строит планы, борется, расталкивает соседей локтями. И что? Мокрая от дождя дорога, крутой поворот, секундное замешательство... И конец.

Он что ж, и вправду считал себя борцом за справедливость?

Да полно, проживший полжизни должен отличать черное от белого. Иначе все человечество сорвалось бы с цепи.

За справедливость можно, конечно, бороться и в одиночку. Но может ли быть справедливость для одиночек? Нет, нет. Такое уж это особое понятие — справедливость. Она полной гармонии требует. Не может справедливость быть неполной, как не может быть дюжины без одной единицы. И если что-то справедливо для всех, но не справедливо для одного — это уже не справедливость. И все разговоры про высшую справедливость — выдумки. Красивая ложь в собственное оправдание.

Игорь Васильевич перешел Кировский мост, свернул направо. В обычные дни здесь толпились рыбаки, но сегодня ловил только один, в зеленом офицерском плаще с надвинутым на голову капюшоном. Корнилов остановился у гранитного парапета. Рыбак ловил на донки. Маленькие колокольчики тихо позванивали от ветра.

— Закурить не найдется? — спросил рыбак у Корнилова, повернувшись к нему.

Игорь Васильевич достал сигареты, помог прикурить. Рыбак был немолодой, широкоскулый, с красным загорелым лицом.

— Что-то плохо клюет сегодня, — кивнул он на колокольчики. — А вообще жаловаться не приходится. Появилась рыбка в Неве. Вода почище стала — она и появилась...

— Часто ловите?

— Часто. Хожу сюда как на работу. Вчера был, и позавчера... И сегодня, как видите. На завтра не загадываю. Дожить надо.

«Пенсионер, — подумал Корнилов. — А ведь хорошо еще выгля-

дит. Получше меня. Уйти в рыбаки, что ли? Вот и капитан Бильбасов собирается».

— Я с ранней весны тут рыбаку. Как в апреле на пенсию вышел — тут околачиваюсь. До осени половлю, наберусь силенок — а там посмотрим, — рыбак подмигнул Корнилову. — Я еще кое-что полезное могу. Не каждый молодой угонится!.. А вы и сами, наверное, не прочь с удочной побаловать? — поинтересовался он. — А то давайте в компанию. В хорошую погоду тут не протолкнешься. Но мужички у нас приличные, подвинутся.

— Спасибо. — Дождик усилился. Корнилов поежился, поднял воротник. — Ни чешуи, ни рыбы!

— И вам желаю хорошего! — отозвался рыбак.

Рис. И. СУСЛОВА.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

В издательстве «Юридическая литература» вышли в свет новые книги. **Вопросы борьбы с преступностью, вып. 28.** Цена 55 коп.

Сборник статей по вопросам предупреждения преступлений, эффективности закона и практики его применения, борьбы с отдельными видами преступлений. В специальном разделе даны статьи по проблемам уголовного и уголовно-процессуального права в зарубежных странах.

Ковенев А. П. Нормы административного права и их применение. Цена 75 коп.

В книге всесторонне исследуется процесс применения административно-правовых норм. Автор рассматривает проблему аналогии в административном праве, виды актов применения и способы толкования административно-правовых норм.

Кучинский В. А. Личность, свобода, право. Цена 80 коп.

На основе важнейших выводов марксистско-ленинского учения о свободе и ответственности личности, а также с учетом положений новой Конституции СССР в книге освещаются теоретические вопросы правового положения граждан при социализме. Правовой статус, субъективные права и обязанности граждан социалистического государства рассматриваются как юридическое отражение единства социальной и личной свободы. Особое внимание уделяется соотношению свободы и юридической ответственности.

Лаптев В. В. Правовая организация хозяйственных систем. Цена 55 коп.

Автор рассматривает вопросы правового регулирования организации и деятельности хозяйственной системы (министерства, ведомства), правовые формы руководства хозяйственной системой, правовой режим ее имущества, регулирование хозрасчета системы и ее звеньев.

Регистрация брака

Законом установлено, что брак заключается в государственных органах записи актов гражданского состояния. Это предусмотрено как в государственных и общественных интересах, так и с целью охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей.

Права и обязанности супругов порождает лишь брак, заключенный в органах загса. Только такой брак признается действительным. Религиозный обряд брака, как и другие религиозные обряды, не имеет юридического значения, не влечет никаких правовых последствий. В порядке исключения из этого правила признаются действительными религиозные обряды брака, совершенные до образования или восстановления советских органов загса. В таких случаях считаются действительными документы, выданные в подтверждение этих обрядов. Метрические книги, удостоверяющие религиозные обряды брака на территории данной республики, края, области, хранятся в соответствующих республиканских, краевых, областных архивах органов загса, и в случае необходимости архивы выдают гражданам сви-

детельства о заключении брака на основании записей в этих книгах.

С момента регистрации брака возникают супружеские права и обязанности. Имущество, нажитое совместно супругами,— их общая совместная собственность, и они имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом. Супруги пользуются равными правами на имущество и в том случае, если один из них был занят ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного заработка. Если возникает вопрос о разделе имущества, нажитого мужем и женой во время брачной жизни, то есть после регистрации брака в органах загса, доли супругов признаются равными. В отдельных же случаях суд может отступить от принципа равенства долей супругов, учитывая интересы несовершеннолетних детей или заслуживающие внимания интересы одного из супругов.

Имущество, принадлежавшее каждому из супругов до регистрации брака в органах загса, а также полученное им в период брака в дар или по на-

следству, является собственностью данного супруга. Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и тому подобное), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, даже если они приобретены во время брака, за счет общих средств мужа и жены, считаются личным имуществом супруга, который ими пользовался.

С момента регистрации брака у супругов возникают наследственные, пенсионные, жилищные и другие права, в том числе право на взаимное материальное содержание. Согласно закону, супруги обязаны материально поддерживать друг друга. В случае отказа в такой поддержке нуждающийся в материальной помощи нетрудоспособный супруг, а также жена во время беременности и в течение одного года после рождения ребенка имеют право по суду получать алименты от другого супруга, если последний в состоянии их предоставить.

Из сказанного ясно, сколь велико правовое значение регистрации брака в органах загса. Фактические же брачные отношения между мужчиной и женщиной не порождают прав и обязанностей мужа и жены. В этих случаях при каких-либо имущественных спорах между ними суд применяет нормы не брачно-семейного, а гражданского законодательства, как и при рассмотрении споров, например между соседями или другими посторонними друг другу гражданами.

Брак может быть зарегистрирован в отделе (бюро) загса исполкома районного, городского Совета народных депутатов либо в исполкоме сельского, поселкового Совета на-

родных депутатов по месту постоянного жительства одного из вступающих в брак или их родителей. Регистрация брака производится также во дворцах бракосочетания. Лица, вступающие в брак, вправе сами выбрать место его регистрации, однако в любом случае обязательно соблюдение указанного выше правила. Нередко граждане обращаются в органы загса с просьбами зарегистрировать брак, в порядке исключения, в каком-либо выбранном ими городе (например, в Москве или Ленинграде), хотя ни один из вступающих в брак, а также их родители в этом городе не живут. Следует иметь в виду, что никакой орган или должностное лицо не вправе удовлетворять такие просьбы.

Бывают случаи, когда, познакомившись, например во время командировки или отпуска, молодые люди стремятся немедленно зарегистрировать брак в том населенном пункте, где они находятся временно. И в таких случаях органы загса не вправе регистрировать брак. Вернувшись домой, к месту постоянного жительства, эти граждане могут там подать заявление в загс.

Советские граждане, проживающие за границей, могут зарегистрировать брак в консульстве СССР. Книги регистрации актов гражданского состояния, составленные консульствами СССР за границей, хранятся в архиве загса исполкома Московского областного Совета народных депутатов, куда гражданам и надо обращаться, если впоследствии возникнет необходимость получить повторное свидетельство о регистрации брака.

Для заключения брака необ-

ходимо взаимное согласие вступающих в него и достижение ими брачного возраста. Брачный возраст во всех союзных республиках кроме Украинской ССР и Узбекской ССР установлен в 18 лет. В Узбекской ССР и в Украинской ССР мужчины могут вступать в брак с 18, а женщины — с 17 лет. Законодательством не установлен какой-либо предельный возраст для регистрации брака.

Бывает, что иногда, например в целях сохранения уже фактически сложившейся семьи, желательно снизить брачный возраст. В связи с этим закон предоставляет право исполкомам районных, городских Советов народных депутатов в отдельных, исключительных случаях, с учетом конкретных обстоятельств, снижать брачный возраст. В РСФСР, Белорусской ССР и Эстонской ССР брачный возраст как для мужчин, так и для женщин может быть снижен не более чем на два года, то есть до 16 лет. В Украинской, Узбекской, Литовской, Грузинской, Азербайджанской, Таджикской и Туркменской союзных республиках брачный возраст может быть снижен не более чем на один год. Таким образом, в Туркменской, Таджикской, Литовской, Азербайджанской и Грузинской ССР может быть разрешено вступление в брак гражданам, достигшим 17 лет, а в Украинской ССР и Узбекской ССР — мужчинам, достигшим 17 лет, а женщинам — 16 лет. В Киргизской, Казахской, Латвийской, Армянской и Молдавской ССР брачный возраст может быть снижен не более чем на один год только для женщин. Следовательно, в этих союзных республиках до-

пускается вступление в брак мужчин не моложе 18 лет, а женщин — не моложе 17 лет.

Желающие вступить в брак должны подать об этом заявление в один из органов загса лично. При подаче заявления они предъявляют документы, удостоверяющие их личность. В заявлении они должны подтвердить, что к вступлению в брак нет препятствий (то есть нет обстоятельств, препятствующих, согласно закону, заключению брака), а также указать, состоял ли каждый из них в браке и имеются ли дети.

Закон не допускает заключения брака между лицами, из которых хотя бы одно уже состоит в другом зарегистрированном браке, между родственниками по прямой восходящей или нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными; между лицами, из которых хотя бы одно признано судом недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия.

Лица, состоявшие ранее в зарегистрированном браке, могут заключить новый брак, только предъявив документы, подтверждающие прекращение прежнего брака, — свидетельства органов загса о смерти супруга, о разводе, решение суда о признании брака недействительным. Следует иметь в виду, что брак считается прекращенным не с момента вынесения судом решения о расторжении брака, а с момента регистрации развода — на основании этого решения — в органах загса. В случае регистрации развода в загс по заявлению одного из супругов брак считается прекращенным, однако второй

супруг не вправе регистрировать новый брак до получения им свидетельства органа загса о расторжении брака.

Браки между близкими родственниками не допускаются потому, что они могут привести к различным наследственным болезням.

Недопущение браков между лицами, из которых хотя бы одно признано судом недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия, также имеет целью создание здоровой семьи.

Орган загса, принявший заявление о регистрации брака, обязан ознакомить подавших его с условиями и порядком регистрации, удостовериться, что эти лица осведомлены о состоянии здоровья и семейном положении друг друга, а также разъяснить им их права и обязанности как будущих супругов и родителей и предупредить об ответственности за сокрытие препятствий к вступлению в брак.

Регистрация брака производится по истечении месячного срока после подачи заявления и обязательно в присутствии обоих вступающих в брак. В законодательстве Украинской, Молдавской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Грузинской, Узбекской, Казахской, Киргизской и Таджикской ССР предусмотрено, что, если лица, вступающие в брак, не могут прибыть в орган загса вследствие тяжелой болезни или по другим уважительным причинам, регистрация брака может быть произведена на дому, в больнице или в другом месте, в присутствии лиц, заключающих брак. В других союзных республиках, в законодательстве которых не упоминается о

возможности регистрации брака в больнице или на дому вследствие тяжелой болезни одного из вступающих в брак, на практике такая регистрация допускается, если есть соответствующее заключение лечащего врача. Эта практика не противоречит закону.

Установление месячного срока до регистрации брака необходимо для того, чтобы лица, подавшие об этом заявление, имели возможность еще раз обдумать свое решение о создании семьи. Практика показала обоснованность такого правила. Нередко граждане, подавшие заявление о регистрации брака, не приходят на регистрацию — отказываются от своего намерения. Если, однако, они не являются в назначенный день по какой-либо уважительной причине, орган загса переносит регистрацию брака. В остальных случаях поданные заявления уничтожаются. А если не явившиеся передумают, они должны будут опять подать заявление, и орган загса вновь назначит им месячный срок.

Законодательством предусмотрено, что при наличии уважительных причин месячный срок после подачи заявления может быть сокращен или увеличен. Уважительные причины — это, например, призыв жениха в Советскую Армию, срочный выезд одного из вступающих в брак в длительную командировку или на работу за границу, срочный переезд в другую местность, тяжелая болезнь, беременность невесты, рождение детей в результате фактических брачных отношений, уже сложившиеся в течение длительного времени семейные отношения. Число дней,

на которое можно сократить месячный срок, законодательством не определено. Этот вопрос решается конкретно в каждом отдельном случае. Время, на которое допускается увеличение месячного срока, в союзных республиках определяется по-разному.

Заключая брак, супруги по своему желанию избирают фамилию любого из них в качестве их общей фамилии, либо каждый оставляет свою добрачную фамилию.

О выборе фамилии супруги должны заявить при заключении брака. После же регистрации брака избранная фамилия может быть изменена только в специально установленном порядке, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1971 года «О порядке перемены гражданами СССР фамилий, имен и отчества». Так же решается вопрос о присвоении добрачной фамилии лицам, изменившим фамилию при вступлении в брак.

Законодательством Азербайджанской, Белорусской, Грузинской, Таджикской и Украинской ССР супругам при заключении брака разрешается избрать для себя двойную фамилию, состоящую из фамилий жены и мужа. Законодательством других союзных республик такое правило не предусмотрено.

Орган загса, по желанию жениха и невесты, должен проводить регистрацию брака в торжественной обстановке.

Регистрация, также по желанию вступающих в брак, производится в присутствии свидетелей, родственников и зна-

комых. В законодательстве некоторых союзных республик прямо указано, что свидетелей при этом может быть не более двух. Так практикуется везде.

Ныне сложилась традиция, по которой брак регистрируется почти всегда в присутствии свидетелей. Но их может и не быть. Отсутствие свидетелей никак не препятствует регистрации брака. Иногда даже кое-кто говорит: свидетели обязательно нужны, чтобы обеспечить прочность брака, а если, мол, впоследствии брак будет расторгнут, то свидетели должны заплатить государственную пошлину за расторжение брака. Такие разговоры, конечно, совершенно беспочвенны.

После регистрации молодожены должны внимательно прочитать запись, произведенную в книге регистрации браков, и собственноручно подписать ее. Эта запись подписывается также должностным лицом, сделавшим ее, и скрепляется печатью органа загса. Тут же супругам выдается свидетельство о регистрации брака. Недопустима выдача вместо свидетельства какой-либо временной справки.

В паспортах лиц, заключивших брак, или в других документах, удостоверяющих их личность, делается запись о регистрации брака с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения другого супруга, места и времени регистрации.

В. ГРАЧЕВА,
заместитель начальника
отдела нотариата и загсов
Министерства юстиции СССР,
заслуженный юрист РСФСР



В редакцию журнала поступает немало писем, авторов которых интересуют различные вопросы, касающиеся взыскания алиментов на детей. По просьбе редакции на ряд вопросов читателей отвечают заместитель начальника паспортного отдела Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР полковник милиции М. И. Гусев и юрист Т. В. Фердинандова.

Г. Орлову из Свердловска, В. Павлову из Ивановской области и других интересует, в каком порядке разыскиваются лица, обязанные уплачивать алименты на детей, если место их пребывания неизвестно.

Если место пребывания гражданина, обязанного уплачивать алименты на детей, неизвестно, надо обратиться в народный суд. Судья, получив заявление, выносит определение о розыске должника через органы милиции.

На основании этого определения органы милиции обязаны принять меры к установлению места нахождения должника. Розыск ведут органы милиции по месту жительства взыскателя алиментов. Это позволяет сотрудникам милиции получить наиболее полные сведения о разыскиваемых, регулярно поддерживать связь с заинтересованными лицами, своевременно информировать их о принимаемых мерах и результатах розыска.

Б. Кондакова из Кемеровской области спрашивает, привлекаются ли к уголовной ответственности те, кто систематически уклоняется от уплаты алиментов на детей.

Злостное уклонение родителей от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей наказывается лишением свободы на срок до одного года, или ссылкой на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года.

Это предусмотрено статьей 122 Уголовного кодекса РСФСР. Сходные статьи есть в уголовных кодексах всех других союзных республик.

В каких случаях и для чего в паспортах граждан, выплачивающих алименты, делается отметка об этом? И. Чередниченко, Сумская область.

В паспортах граждан, осужденных за злостное уклонение от уплаты алиментов на детей или разысканных в связи с уклонением

от их уплаты, органы милиции делают отметку (запись) о том, что в соответствии с решением суда эти лица обязаны платить алименты.

Когда гражданин с такой отметкой в паспорте поступает на работу, администрация предприятия, учреждения, организации при выплате ему заработной платы обязана удерживать алименты, не дожидаясь поступления исполнительного листа, и выплачивать или переводить их взыскателю не позднее чем в трехдневный срок со дня выдачи зарплаты. Об этом администрация ставит в известность судебного исполнителя.

П. Бирюков из Ростовской области просит разъяснить, можно ли при обмене паспорта не делать в новом паспорте отметку (имевшуюся в старом) о том, что он обязан платить алименты.

Выдача гражданину нового паспорта без внесения в него имевшейся в старом паспорте отметки об обязанности платить алименты на детей возможна только в тех случаях, если выплата алиментов прекращается, например, при достижении ребенком, на которого они выплачивались, совершеннолетия или по другим причинам.

Моя дочь, на которую бывший муж платил алименты, 1 сентября прошлого года достигла совершеннолетия, и исполнительный лист по окончании выплаты был возвращен в народный суд. В начале нынешнего года мой бывший муж получил «тринадцатую зарплату». Должны ли быть взысканы алименты с этой суммы? Н. Масько, Латвийская ССР.

В случаях, когда какая-либо сумма за соответствующий период, например вознаграждение по итогам годовой работы предприятия (то есть «тринадцатая зарплата», как это называют), выплачивается после окончания периода, за который взыскивались алименты, действует такое правило. Взыскание алиментов с этой суммы производится пропорционально времени, за которое полагалось платить алименты. Поэтому Н. Масько алименты должны быть выплачены с той части вознаграждения, которая начислена должнику за период работы с января по август — за 8 месяцев.

Удерживаются ли алименты с надбавок к зарплате, которые выплачиваются работающим в районах Крайнего Севера? Е. Сергеев, Тюменская область.

Алименты взыскиваются со всех видов заработка и дополнительного вознаграждения, как по основной, так и по совмещаемой работе, на которые по действующим правилам начисляются страховые взносы, в том числе — и с надбавок к заработной плате работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним.

ЖИЗНЕННЫЕ САТИРЫ

ЧУДЕСА!..

НО НЕ ТОЛЬКО!

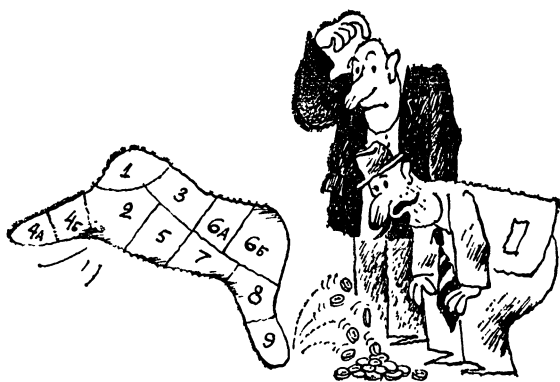
По-разному супруги выясняют отношения. Одни — в спокойной беседе, другие — в перепалке. Встречаются и такие, что открывают локальные боевые действия с применением крепких слов, а то и предметов домашнего обихода. Впрочем, бывают и более оригинальные варианты

В один из августовских вечеров 1974 года супруга заготовителя Турковской райзаготконторы Львовского облпотребсоюза Михаила Яворского использовала как аргумент в споре чернильницу. Нет, не в качестве «холодного» оружия, а по прямому назначению. Она обмакнула в нее перо и написала заявление в РОВД о том, что полгода назад по указанию противной стороны, то бишь супруга, собственноручно оформила фиктивные квитанции на якобы закупку у населения мяса.

Снаряд, как мы видим, был запоздалый, но и ему суждено было взорваться с ба-альшим промедлением. Лишь в марте следующего 1975 года товарищи из райотдела внутренних дел возбудили уголовное дело.

Но и после этого оно двигалось улиточными темпами: два года длилось следствие и дважды суд возвращал дело на новое расследование. В конце концов вынуждена была вмешаться прокуратура, которая и поставила последнюю точку. Думается, что львовское областное управление внутренних дел по достоинству оценит темпы и уровень следственной работы в турковском отделе.

Но вернемся к баранине, говядине и прочим



объектам мясозаготовок, по поводу которых сигнализировала супруга гр-на Яворского.

Итак, по порядку.

Жил в селе с поэтическим названием Верхний Лужок Старосамборского района Львовской области человек с душой далекой от поэзии по фамилии Головчак и по имени Григорий Осипович. И далек он был от поэзии вовсе не потому, что работал заготовителем райзаготконторы (тонкий душевный настрой не противопоказан никакой профессии), а потому, что смотрел на жизнь волком. И опять же не тем, который бы выгрыз бюрократизм, а тем, что привык лакомиться чужим добром.

Итак, заготовитель, как это отчетливо явствует из самого слова, должен заготавливать.

Работа, как и любая другая, требует сил, времени, честного отношения к делу. Насчет расхода сил и времени судить не берусь, а вот насчет честного отношения скажу определенно — не было и в помине.

Жулика с рыбаком роднит одно немаловажное качество — и тот и другой видит коллегу издалека.

Так Головчак увидел Ивана Кушнера, заведующего Бориславским кустом орс лесхоззага Министерства лесного хозяйства УССР.

Разница между Головчаком и Кушнером в возрасте — 14 лет в пользу первого (он моложе). Но разницу в их отношении к социалистическому имуществу трудно различить даже в электронный микроскоп. Для того чтобы спаяться в единую шайку, им не пришлось долго вести взаимную разведку. Выяснилось, что роднят их не только волчий аппетит в настоящем, но и нелады с законом в прошлом.

Итак, компания Головчак — Кушнир без всяких там раскачек приступила к делу.

На чем была построена вся комбинация? На разнице между закупочной и государственной ценой на мясо. Кушнир получал с комбината мясо для розничной продажи в магазинах орска по цене 1 руб. 70 коп. за килограмм, а Головчак, как и все заготовители, закупал мясо у населения по цене от 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 60 коп. за килограмм. Итого: разница от 70 до 90 копеек на килограмме. А если это помножить на десятки тонн!

Да, спросит читатель, но как это можно свести воедино: мясо государственное и закупочное? Да проще простого: каждый раз мясо, полученное на комбинате, шло не в торговые точки, а прямоком на заготовительный пункт как закупленное у населения. Так и выходило: грузили мясо на машину по одной цене, а выгружали через полчаса то же мясо и в том же Бориславе по другой. Все остальное было делом техники: бестоварные накладные на якобы завезенное и проданное мясо в магазине, с одной стороны, и фиктивные закупочные квитанции — с другой. Всего таким способом Головчак «закупил» 12 703 кг мяса и поделил с Кушником (а в одном случае и с вышеупомянутым Яворским) за полтора года свыше 10 тысяч рублей.

Но если читатель думает, что чудо, о котором вещает заголовок, заключается только в том, что творили жулики, то он ошибается. Чудо еще в том, как все это долго и безнаказанно сходило с рук.

Ну вот, к примеру. Головчак из раза в раз занаряжал с Турковской автобазы одного и того же водителя — Адама Дымийона, который получал на комбинате мясо по доверенности Кушника, и отвозил его куда ему указывали, при этом проставляя в путевом листе все, что угодно, кроме того маршрута, по которому ехал.

Выходит, что воля Головчака и Кушника для автобазы стала законом? Почему?

По всем положениям, приказам и инструкциям системы потребительской кооперации категорически запрещено заготовителям самостоятельно расплачиваться с населением за приобретенные сельхозпродукты, в том числе и мясо. Его дело выписать квитанцию, а деньги по ней уплачивает инструктор. Таким образом — заготовитель и казенные деньги разведены по разным полюсам. Почему же Головчак долгое время противоправно пребывал один в двух лицах? Непонятно!

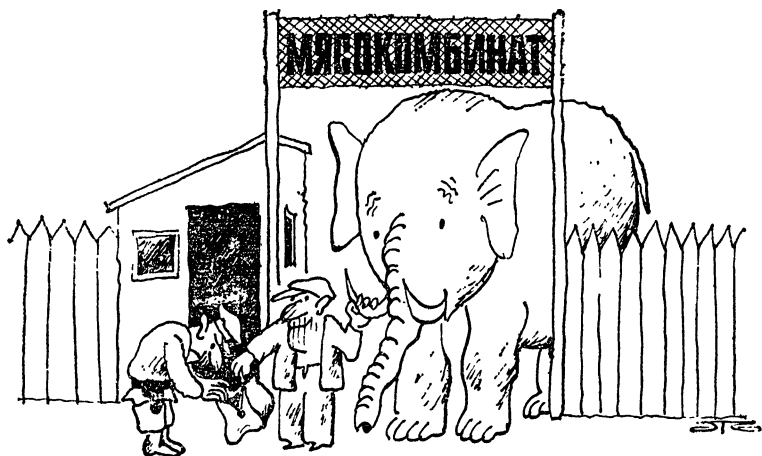
Все двенадцать тонн мяса, ушедшие транзитом с мясокомбина-

та на заготовительный пункт, значились по документам как реализованные через магазин № 4 орс. Завмаг Мария Навроцкая, не видя этого мяса в глаза, тем не менее аккуратно расписывалась в накладных и проводила затем их по всем отчетам. И находившийся буквально под боком весь аппарат орс от начальника Грозовского до бухгалтеров-ревизоров ничего не видели, ничего не слышали, ни о чем не догадывались.

Допустим на минуту, что руководство орс операции с мясом просто проглядело. Ну, а как объяснить упорную слепоту в отношении матерого хапуги Ивана Кушника? Как, почему, в силу каких причин оставался он в течение длительного времени на солидных материально-ответственных должностях?

Как упоминалось, он уже ранее был вынужден детально познакомиться с уголовным кодексом: за хозяйственное преступление на посту завмага, в результате чего государству был нанесен ущерб на сумму свыше 30 тысяч рублей, Кушник пробыл больше года вдали от семьи и близких. Вышел гражданин Кушник на свободу — прошу читателя зафиксировать дату 27 декабря 1969 года. И вышел — с повышением в должности. Да, да, шутки в сторону. Сел на скамью подсудимых Кушник завмагом, а вышел из тюрьмы зав. куством орс, в ведении которого была уже торговая сеть.

Приказ о назначении Кушника был издан начальником орс Копачом накануне, 26 декабря, когда «виновник торжества» еще



досиживал в тюрьме свои последние часы. Кстати, заявление самого Кушнера о приеме на работу было написано уже после издания приказа.

На сем чудо не кончается. Тут как в сказке: чем дальше, тем чуднее!

Как уже известно читателю, дело против Кушнера и К⁰ было возбуждено в марте 1975 года и длилось в общей сложности более двух лет (с двумя возвращениями на следствие). Так вот, все это время Кушнер преспокойно оставался в занимаемой должности.

Но и в такой тяжкий момент не забыло Кушнера его сверхласковое начальство.

В райотдел внутренних дел начальник Дрогобычского орсалесозаготовителей А. Вышиваный строчит такую характеристику, что невольно встает вопрос: то ли представлять Кушнера за «отличный и добросовестный труд» (так и написано черным по белому) к высокой награде, то ли премировать как минимум «Запорожцем».

Правда, как ни прискорбно, но мы должны публично заявить, что, давая такую роскошную рекомендацию жулику, начальник, мягко говоря, кое-что запаматовал.

В шапке характеристики четко сказано: «Тов. Кушнер Иван Дмитриевич работает в Дрогобычском орске с февраля 1945 года по май 1969 года зав. магазином, а с декабря 1969 года зав. Бориславским кустом орсала...»

Вот так арифметика. А куда же вы, Вышиваный, запрятали срок — с 3 октября 1968 года по 26 декабря 1969 года, в течение которого Кушнер не имел возможности работать ни завмагом, ни зав. кустом, а мог только кусты в натуре корчевать, да и то не по своей воле?

Было бы очень интересно выслушать на счет всех вышеизложенных чудес пояснения руководителей потребительской кооперации как районного, так и областного масштаба. Тем более после того, как областной суд в выездной сессии в городе Старый Самбор, в течение трех недель рассматривавший дело (председательствующий А. И. Мамченко), приговорил Головача к 11, а Кушнера к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Сказать по совести, я пытался этот вопрос задать не письменно, на страницах журнала, а устно, в личной беседе. Именно с этой целью примерно через неделю после того, как закончился процесс, я нанес визит в Львовский облпотребсоюз. По логике вещей я должен был бы застать там еще не угаснувшие страсти по поводу двухлетнего следствия и трехнедельного процесса. Хотелось мне и сделать выписки из приказа по облпотребсоюзу с прямыми и суро-

выми выводами, которые, естественно, должны быть доведены до сведения всех работников системы... Хотелось...

С таким же успехом я мог бы явиться в областное спортобщество или филармонию. Ни разговоров, ни приказов, ни выводов. Больше того, о судебном разбирательстве здесь по сути никто ничего толком не знал. А в отделе заготовок вообще и о самом деле не слышали.

И я подумал: нет, все-таки никаких чудес в кушниро-головчачковском деле нет. Все закономерно: у жулика особый нюх. Он за сто верст чувствует бесконтрольность и беспечность. Лучшей среды ему и не требуется. Остальное, как говорится, дело техники.

ИМ. ЛЕВИН

Рис. О. ТЕСЛЕРА.



Мих. ВЛАДИМОВ

«РАЗВЕ Я БЕРУ ЧУЖОЕ?»

С предприятия своего
Брал Ребров болты, зубила...
«Вор», — сказали. Но его
Это очень оскорбило...
Возмущается Ребров
Неподдельно, всей душою:
«Разве я беру чужое?
Это ж общее добро!»

ЖАЛО ЖАЛОБЩИКА

Погас в его квартире свет —
Он пишет прямо в облсовет.
Местком сорвал прогулку в лес —
Строчит он в ВЦСПС.
Не поздоровалась соседка —
И в «Литгазету» есть заметка.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА ЗА АДВОКАТСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Итальянская юстиция может похвастаться, вероятно, самым долгим в истории судебным процессом по гражданскому делу. В 1871 году умер адвокат Винченцо и оставил наследство, по поводу которого и сейчас еще идет тяжба. За последние сто с лишним лет наследники Винченцо двадцать раз представляли перед судом, восемьдесят адвокатов и тридцать судей были заняты разбором их спора. Но судебный процесс, ведущийся уже третьим поколением наследников, и до сих пор не закончен. Недавнее очередное новое судебное разбирательство опять не дало никаких результатов.

УЧЕБНИК ДЛЯ УГОЛОВНИКОВ

Одно лондонское издательство широко разрекламировало выпущенную им книгу некоего Чарльза Гамильтона «Образы подпольного мира». В рекламном проспекте говорится: «Более пятидесяти гангстеров рассказывают о своей жизни, описывают свои смелые побеги из тюрем и раскрывают ошеломляющие профессиональные секреты. Высокодramатичный фактический материал с полезными советами для каждого!»

Короче говоря, ценное пособие для начинающих бандитов.



КОТ В РОЛИ ИЩЕЙКИ

Большая группа полицейских безуспешно преследовала одного грабителя, который скрылся где-то в подъезде многоквартирного дома. Мистер Джеймс Рамсей, один из жильцов этого дома, обратил внимание полиции на своего кота, который с самым заинтересованным видом стоял почему-то у дверей чужой квартиры.

Там, под кроватью и был обнаружен грабитель. Оказалось, что он принял для успокоения нервов перед «делом» изрядную дозу валерьянки.



Рис. О. ТЕСЛЕРА.



Рис. С. СМОЛЬЯНИНОВА.

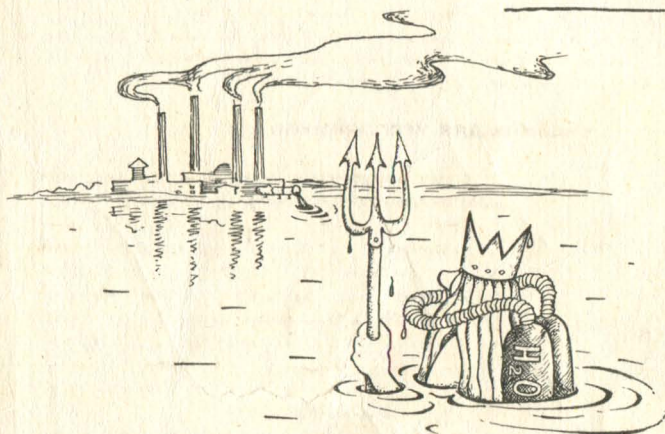


Рис. В. ДРУЖИНИНА.

